

ГРАНДМАСТЕР ИСТОРИЧЕСКОГО ДЕТЕКТИВА

ЧАРЛЬЗ ПАЛЛИСЕР

КВИН КАНКС

ТОМ I

ГРАНД МАСТЕР

Грандмастер исторического детектива

Чарльз Паллисер

Квинканкс. Том 1

«ЭКСМО»

1989

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

Паллисер Ч.

Квинканкс. Том 1 / Ч. Паллисер — «Эксмо»,
1989 — (Грандмастер исторического детектива)

ISBN 978-5-699-98104-5

Выдающийся роман Чарльза Паллисера буквально взорвал нишу не только исторического детектива, но и исторического романа вообще. Он является одним из лучших образцов реконструкции атмосферы эпохи и тонкой игры с каноническим литературным жанром. По викторианским детективам Коллинза и Конан Дойла нам известно, что «старая добрая» Англия была не такой уж доброй. Но на самом деле все было куда хуже, чем изображали даже самые смелые классики. Англия имела такое дно, такую изнанку, что они способны удивить даже искушенных читателей XXI века. Вынужденный пройти через все круги этого ада, Джон Хаффам постепенно приближается к разгадке тайны, которая преследует его с самого детства. Тайны пяти кланов, чьи чудовищные отношения намертво слили их в загадочном орнаменте квинканкса...

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-699-98104-5

© Паллисер Ч., 1989
© Эксмо, 1989

Содержание

Часть первая	8
Книга I	10
Глава 1	10
Глава 2	12
Глава 3	26
Глава 4	34
Глава 5	44
Книга II	52
Глава 6	52
Глава 7	54
Глава 8	57
Глава 9	59
Глава 10	63
Книга III	65
Глава 11	65
Глава 12	66
Глава 13	68
Глава 14	71
Глава 15	73
Книга IV	78
Глава 16	78
Глава 17	80
Глава 18	82
Глава 19	87
Глава 20	92
Книга V	97
Глава 21	97
Глава 22	98
Конец ознакомительного фрагмента.	99

Чарльз Паллисер Квинканкс. Том 1

Моей матери (4 мая 1919–22 февраля 1989)

*Quid Quincunx speciosius, qui, in quacunque partem spectaveris,
rectus est?*

*Что приятней квинканкса, который, с какой стороны ни
посмотри, являет взору прямые линии?*

Квинтилиан

Charles Palliser

THE QUINCUNX: THE INHERITANCE OF JOHN HUFFAM

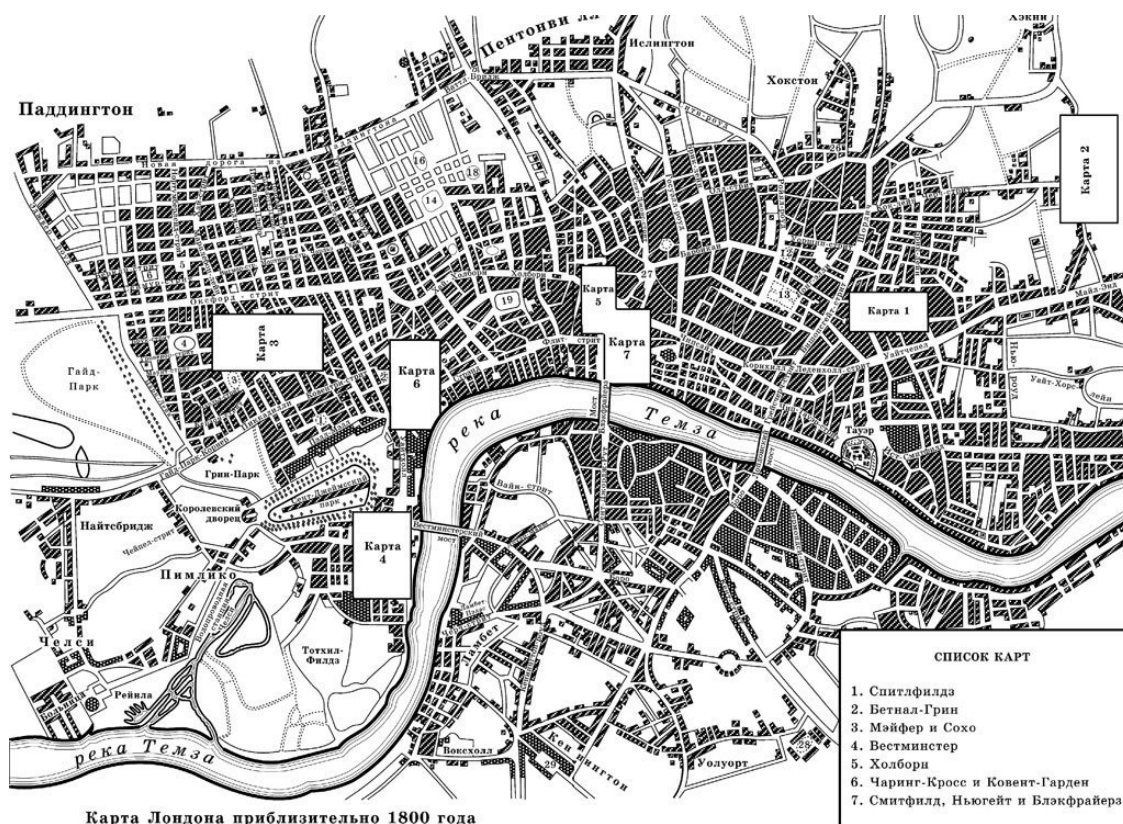
Copyright Charles Palliser, 1989. All rights reserved

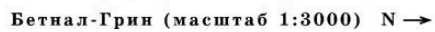
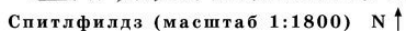
© Брилова Л. Ю., перевод на русский язык, 2014

© Сухарев С. Л., перевод на русский язык, 2014

© Куренная М. В., перевод на русский язык, 2014

© Издание на русском языке. ООО «Издательство «Э», 2017

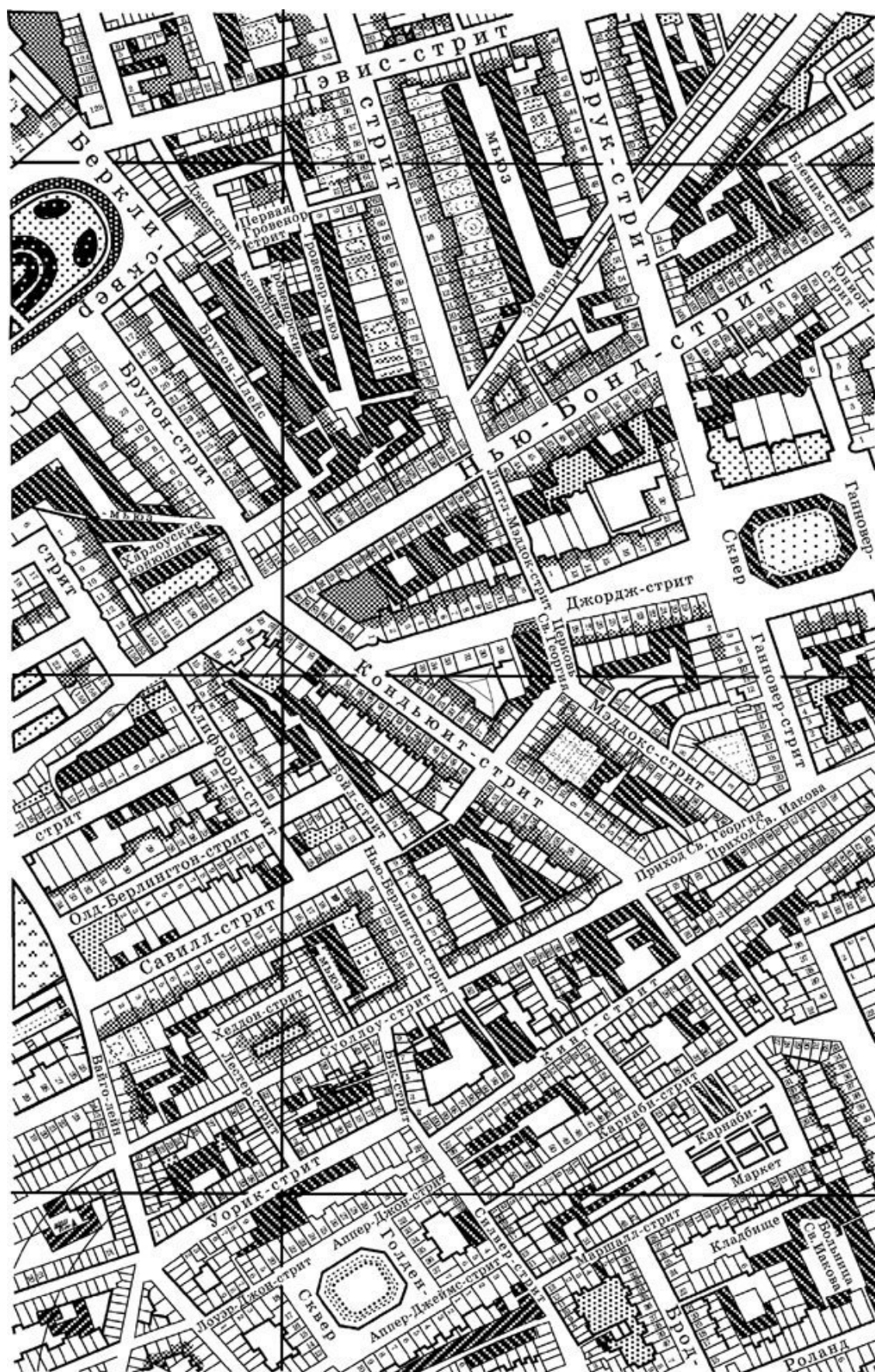

ЗАМЕЧАНИЕ О МОНЕТАХ

Двенадцать пенсов составляют шиллинг. Двадцать шиллингов составляют фунт.

Имеются и другие монеты: фартинг (четыре фартинга стоят пенни); полпенни (два полпенни стоят пенни); крона, которая стоит пять шиллингов, и полкроны; соверен, который стоит фунт; гиней, которая стоит двадцать один шиллинг.

Часть первая Хаффамы

Мэйфер и Сохо (масштаб 1:4000) N ↑

Книга I

Премудрое дитя

Глава 1

Происходило это, скорее всего, осенью того же года, в сумерки, чтобы не привлекать внимания. А между тем встречу двух профессионалов, представляющих два главных направления юриспруденции, не прячут обычно от посторонних глаз.

Теперь представим себе, как проходил визит Закона к Справедливости.

Подойдя к нужному дому на одной из улиц у Линкольнз-Инн-Филдз, Закон, воплощенный в низеньком бледном джентльмене лет сорока, с большой головой, поднимается по ступеням и звонит в колокольчик. Дверь немедленно распахивает молодой клерк. Посетитель входит, у него берут шляпу, пальто и перчатки и провожают его в темную заднюю комнатку. Там он видит человека, сидящего за столиком в дальнем конце помещения. Клерк бесшумно удаляется. Второй джентльмен поднимается с чуть заметным кивком и указывает на стул напротив, у огня. Вошедший садится, хозяин садится тоже и уставляет на гостя тяжелый взгляд. Справедливость старше Закона на полтора десятка лет, нос у него надменный, на румянном лице выделяются черные кустистые брови.

После долгой паузы вошедший откашливается:

– Почел за честь, сэ, принять ваше предложение о встрече.

В его словах звучит вежливо-вопросительная нота, но Справедливость словно бы не слышит, продолжая изучать гостя.

Помолчав, Закон спрашивает нервозно:

– Нельзя ли узнать, чем я могу быть вам полезен?

– Вы были осторожны, как я просил?

– Конечно. Уверен, никто за мной не следил.

– Хорошо. Тогда, вероятно, третья сторона ничего не знает о нашей встрече.

– Третья сторона? Сэр, вы говорите загадками. Кого вы имеете в виду?

– Задавать вопросы буду я. – Второй джентльмен лишь слегка выделяет голосом местоимение.

Гость вспыхивает.

Старший джентльмен что-то достает из кармана.

– Так вот, у вас есть клиент, имя которого я написал на этой бумажке и прошу вас его прочесть. – Он ненадолго замолкает, дожидаясь, пока гость рассмотрит надпись и кивнет, потом забирает бумажку назад. – Очень хорошо. Тогда, не теряя времени, перейду к делу: у вашего клиента находится документ, способный нанести очень существенный ущерб интересам стороны, от имени которой я имею честь действовать, и ввиду этого...

Он замолкает, заметив, что лицо гостя вытянулось от изумления.

– Да что вы, сэ, уверяю, я и понятия не имел о таком документе.

– Ну-ну. Тому назад не больше двух недель ваш клиент послал нам копию этого документа, потребовал денег и указал ваше имя, чтобы держать связь.

– Может, это и так... то есть убежден, что это так, раз вы утверждаете. Однако прошу поверить, что я в этом предприятии не более чем приемная контора.

– То есть?

– Я просто пересылаю письма, адресованные мне, но предназначенные для моего клиента. О делах этой особы я знаю не больше, чем почтальон знает о корреспонденции, которую он собирает и разносит.

Хозяин смотрит на гостя:

– Я предполагал, что так может оказаться. – Уголки губ младшего джентльмена ползут в стороны, но при следующих словах возвращаются на место. – Тогда расскажите, где бывает ваш клиент.

– Дорогой сэр, я не могу.

– Прошу простить, я забыл назвать ставку. – Старший джентльмен достает из кармана что-то хрустящее и кладет на стол.

Закон слегка наклоняется, чтобы рассмотреть. На его лице явственно написана тоскливая алчность.

– Уверяю, дорогой сэр, оказать вам эту услугу я никак не могу.

– О-го! – восклицает старший джентльмен. – Похоже, вы вздумали со мной торговаться? Предупреждаю: если попытаетесь, то убедитесь, что я могу применить и совсем иные стимулы.

– Да нет же, сэр, – запинаясь, бормочет другой. – Вы меня совсем не поняли. Я потрясен вашей щедростью и ничего так не желаю, как быть ее достойным. Но помочь вам совершенно не в моих силах.

– Не советую, приятель, играть со мной в эти игры, – презрительно рявкает собеседник. – Я наводил справки, так что нечего тут изображать щепетильность. «Расчухал твое нутро» – таков, кажется, жаргон ваших клиентов?

Другой джентльмен бледнеет как полотно. Он приподнимается, но, наткнувшись взглядом на предмет, лежащий на столе, остается сидеть.

Справедливость продолжает:

– Желаете, чтобы я привел каталог – или лучше сказать реестр? – делишек, в которых вы замешаны? – Не дождавшись ответа от Закона, он добавляет: – Маленько спекуляций сомнительными векселями, побольше выбивания долгов, и выше головы свидетельств в делах об опеке? Так ведь?

Другой джентльмен отвечает с достоинством:

– Дорогой сэр, вы меня совершенно не поняли. Я просто хотел сказать, что у меня нет нужных вам сведений. Если бы они у меня были, я с удовольствием вам бы их предоставил.

– Вы меня держите за идиота? Как же вы тогда переговариваетесь с клиентом?

– Через третью сторону, которой я отправляю предназначенные для клиента письма.

– Это уже лучше, – рычит собеседник. – Кто такой?

– Очень респектабельный джентльмен, работал в той же отрасли юриспруденции, что и я, но несколько лет назад удалился от дел.

– Интересно-интересно. Будьте любезны записать имя и адрес этого джентльмена, потому что я не угадываю, о ком идет речь, хотя в вашей отрасли юриспруденции джентльменов, отвечающих описанию, раз-два и обчелся.

У другого джентльмена вырывается короткий безрадостный смешок. Он вынимает записную книжку, пишет «Мартин Фортисквинс, эскв., Голден-сквер, 27», вырывает листок и протягивает собеседнику.

Справедливость берет бумажку и, не глядя на нее, бросает:

– Если вы мне понадобится, я свяжусь с вами тем же способом. – Тянет руку назад, в темный угол, и осторожно дергает за шнурок колокольчика.

Закон, не отрывая взгляда от предмета на столе, поднимается на ноги. Заметив это, Справедливость небрежно подталкивает к нему этот предмет, и Закон сует его в карман. Когда дверь открывается и входит тот же клерк, Закон неуверенно протягивает хозяину руку. Тот, однако, словно бы не замечает его руки, и Закон поспешно прячет ее в карман. Клерк провожает его к двери, возвращает шляпу, пальто и перчатки – еще мгновение, и Закон вновь оказывается на Керситор-стрит. Он припускает быстрым шагом, нервно оглядываясь. Обо-

гнув угол, другой, третий, он углубляется в уютную подворотню и вынимает из кармана пакет. Тщательно считает, пересчитывает и вновь, не так быстро, пускается в путь.

Глава 2

Наш дом, сад, деревня и одна-две мили прилегающей местности – таков был мой мир, ибо ничего другого я не знал, пока тем летом, в Хафеме, мне не открылся мир другой, новый. И теперь, когда я ищу, с чем сравнить предприятие, в которое пустился, мне вспоминается то лето, солнечный день; я, еще не подозревая, что скоро придется уехать, улизнул в тот раз из длительного и тягостного домашнего заточения и растянулся на берегу реки, которая текла через Мортсейский лес к запретным северным землям; радовала меня не столько сама свобода, как то, что она была мною украдена.

Позабыв и о том, почему убежал, и об утекавших драгоценных минутах, я как завожженный всматривался в прозрачные глубины. Я наблюдал там странных созданий, которые так быстро мелькали у меня перед глазами, что готов был принять их за тени, игру солнечного света в толще воды, в водорослях и на рябом, усеянном галькой дне – стоило повернуть голову, и они пропадали. Желая получше их рассмотреть, я ковырял водоросли и гальку палочкой, но поднимал только темное облако, которое затуманивало всю картину. Нужное воспоминание, как мне кажется, похоже на этот прозрачный ручеек, но я решил все же порыться в памяти. Возвращаясь мыслями в самое начало, я вспоминаю только солнце, теплый ветерок и сад. В самую раннюю пору, когда граница мира пролегла по крайним домикам деревни, мне не видится ни темноты, ни теней, ни хмурого неба.

Быть может, дело в том, что в раннем – самом счастливом – возрасте мы замечаем только тепло, свет и солнце, часы же холода и темноты протекают как сон без сновидений и не откладываются в памяти. Или, возможно, от младенческого сна нас пробуждает именно первое касание холода или темноты.

Первое воспоминание, отчетливо отделенное от прошлого, это конец ясного, солнечного дня, когда удлиняются тени. Наигравшись досыта, я качался на воротах, по ту сторону которых шла вдоль сада дорожка. Мы находились на лужайке с задней стороны дома, ниже располагались террасами еще лужайки, их перерезала гравиевая тропа, местами сменявшаяся ступенями, все это было обнесено высокой стеной из красного кирпича, к ней лепились шпалеры абрикосовых деревьев. На террасах росли орех и шелковица, под покровительственной сенью их тонких длинных ветвей лежали круглые клумбы, на одной из них, ниже, в отдалении, как раз трудился мистер Пимлотт. И в самом низу сада, почти неразличимом, угадывались, как мы их называли, «заросли» – путаница низкорослых деревьев и густых кустов.

Вспоминаю шершавую поверхность ворот, за которые я держался, раскачиваясь. Металлические острия нагрелись на солнце, ржавчина и черная краска отслаивались под пальцами. Я прижался к воротам, ноги просунул между стоек и отталкивался от столба, изгибаясь то в одну сторону, то в другую, так что створка распахивалась во всю ширь, а затем под собственным весом возвращалась назад, все быстрее и быстрее, пока с громким стуком не вставала на место. Я знал, конечно, что нарушаю запрет, и матушка – она сидела за рукодельем в двух шагах оттуда, на садовой скамейке, – уже сделала мне замечание.

Под убаюкивающий ритмичный скрип петель я раскачивался взад-вперед, солнце грело мне лицо, легкий ветерок доносил запах цветов и свежескошенной травы. Я то закрывал глаза, прислушиваясь к громкому жужжанию пчел, то взглядывал вверх, где в голубом небе, вслед за воротами, головокружительно взметались курчавые облака.

Внезапно грубый голос рявкнул справа, в самое мое ухо:

– Прекратите немедленно, безобразник. Вам было сказано не делать этого.

Зазевавшись, я позволил створке сильнее, чем рассчитывал, стукнуться о столб и был оглушен ударом. Я не сразу понял, больно мне или нет, но в любом случае знал, как воззвать к сочувствию.

Я набрал было в грудь побольше воздуха, но тот же голос добавил:

– И нечего реветь. Не маленький уже.

– Я ударился, – выкрикнул я.

– Ну и поделом. – Биссетт ухмыльнулась и села рядом с матерью.

– Так нечестно. Это вы виноваты, потому что вы заорали.

– Сыночек, не надо опять дерзить, – проговорила матушка.

– Ненавижу вас, Биссетт, вечно вы все испортите.

– Ах, паршивец! Вижу, придется снова дать вам взбучку.

– А вот и нет, мама вам не разрешила, – оскалился я.

– Врите, да не завирайтесь!

Я знал, что это правда, потому что так мне сказала мама, но она, потихоньку от Биссетт, приложила к губам палец, и мне ничего не оставалось, как промолчать. Биссетт, все еще ворча, взяла из рук матери работу.

– Больше я вашего нахальничанья не потерплю. Никуда не уходите, а то опять возьметесь ломать что-нибудь.

Меня, конечно, возмутило это распоряжение, но, по крайней мере Биссетт не знала, что я никуда и не собирался, так как главное сегодняшнее удовольствие ожидалось именно здесь, с минуты на минуту.

– Беда, мэм, просто беда, – начала Биссетт. – Она в эти дни работу и вовсе забросила, все крутится вокруг этих работяг Лимбрика.

– А, ну так они уже скоро заканчивают.

– Вот и хорошо, скатертью дорожка. Терпеть не могу, когда в доме толкуются мужчины. Шуму от них! А беспокойства-то, а грязи, с этими их ведрами, лотками, лестницами. А эта беспутная девка и миссис Белфлауэр – уж ей-то совсем не к лицу – по пять раз на дню приглашают их на кухню.

– Как я понимаю, – робко ввернула матушка, – один из них приходится ей двоюродным братом.

– Да уж, братом, – злобно повторила Биссетт. – Если вы об этом никчемном мальчишке Джобе Гринслейде, то он ей и вовсе многожуродный, а брат или нет – бабушка надвое сказала. Днем и ночью неразлейвода! Я здесь не хозяйка, но, по мне, мэм, в деревне бы живо сыскалась девушка и благонравная, и опрятная, и служила бы не в пример лучше. – Биссетт говорила невнятно, потому что держала во рту булавки.

– При всех недостатках она добрая и честная. И мастер Джонни к ней привязан. А кроме того, ее мать недавно перенесла горе и мы должны ей помочь.

Биссетт выразительно фыркнула.

– Го-оре, – повторила она. – Яблочко от яблони недалеко падает. Слишком уж вы добры к этой девчонке, мэм.

Тут со стороны Хай-стрит донесся топот стада, а вскоре и оно само прошло мимо ворот, и с ним мальчишка, на которого я смотрел как на удалца: уж очень мастерски-небрежно размахивал он прутом, подгоняя коров. От их грозного мычания, толкотни на узкой дороге у меня по телу пробегала приятная дрожь; в своей безопасности я не сомневался, потому что прятался за крепкими воротами. В тот день, однако, случилось необычное: одна из коров перехватила мой взгляд (иначе не скажешь) и поперек общему движению, с пугающей решительностью оттесняя остальных, направилась к воротам. В ту же секунду мне стало ясно, что ее неотвратимо влекут вперед какие-то жуткие намерения, касавшиеся меня, но я словно прирос к месту. Когда огромная голова животного ткнулась в ворота, я разглядел, как враща-

лись в черных кожаных орбитах выпуклые, налитые кровью глаза, как раздвинулись, словно бы затем, чтобы сомкнуться на моей щеке, громадные губы, как топорщились на тусклом коричневом «газоне» два причудливых «деревя» – мощные витые рога. Я знал: под напором этой могучей головы ворота треснут в одно мгновение, но стоял и смотрел, неспособный пошевелиться.

Наконец я отвернулся и побежал, в ушах отдавались удары сердца, ноги поднимались и опускались, но словно бы не уносили меня с места. Сквозь слезы я видел в нескольких ярдах две расплывчатые фигуры, которые, тревожно глядя на меня, поднялись на ноги: одна – стройная, в клетчатом хлопчатобумажном платье похожая на цветок, другая – застывшая белым пятном на фоне травы.

– Гадкая корова! – вопил я. – Держите ее, а то она меня забодает!

Еще миг, и я спрятал лицо в накрахмаленный белый передник моей няни, она обхватила меня за плечи, плотно прижала к себе и принялась утешать тоном ворчливым, почти что глумливым, к какому прибегала в подобных обстоятельствах.

Главное, что мне вспоминается о Биссетт в то время, это свежий, немного терпкий запах накрахмаленного передника и платья – чуть отдающий яблоком, неуловимо неприятный запах. Закрыв глаза, я вызываю в памяти ее красноватое лицо в обрамлении нескольких седых прядей, которые выглядывали из-под кружевного чепца. Глаза ее были бледновато-серые, тонкие губы делались еще тоньше в тех редких случаях, когда она поджимала их, так что концы их вроде бы – но только вроде бы – чуть приподнимались.

Тут, конечно, можно было бы и поплакать, но Биссетт встряхнула меня со словами:

– Ну-ну, вы уже не маленький. Не сегодня завтра станете взрослым и должны будете заботиться о своей матери.

Я удивленно поднял на нее глаза, но тут услышал возглас матушки:

– Бояться нечего, сыночек. Коровки ушли. Поди поцелуй меня.

Я пытался, но Биссетт удержала меня за руку.

– Не балуйте его, мэм, – сказала она. – Смотрите, он вам все нитки спутает.

Я освободил руку и бросился матушке на колени, роняя на землю иголки, нитки и пальцы. Биссетт ругала нас обоих, но мне было все равно.

Чтобы вызвать в памяти образ матушки, мне не нужно закрывать глаза: каскад светлых локонов падал ей на плечи и грудь, так что, когда я к ней прижался, мои руки и нос погрузились в нежный аромат; милое лицо с кротким ртом; большие голубые глаза, наполненные слезами из сочувствия ко мне.

– Не позволяйте ему докучать вам, мэм, – запротестовала Биссетт. – Посмотрите на свою работу, она вся перепутана и валяется на траве.

– Ну ее, няня, – отвечала матушка.

– Вот еще! Добрая материя и нитки хорошие. Отошлите ребенка к мистеру Пимлотту, пусть донимает его.

– Ну ладно, Джонни. Почему бы тебе не найти мистера Пимлотта и не спросить, что он подельывает. Он как будто роет яму. Как ты думаешь, собирается что-нибудь зарыть?

– Ага, знаю-знаю, – вмешалась няня. – Об этом я и думала вам сказать, мэм: он замыслил сделать себе хорошую новенькую жилетку из того, что по праву принадлежит вам. Но это не его собственность, а ваша, потому что это ваша земля и время, которое он тратит, тоже ваше.

Матушка вздохнула, но больше я ничего не слышал, потому что тут же ринулся через террасу и вниз по ступенькам на лужайку, ровную поверхность которой нарушил небольшой холмик.

– Мистер Пимлотт! Мистер Пимлотт! – закричал я на краю лужайки, где он работал. – Что вы делаете? Вам помочь?

Он стоял на коленях, но при моем появлении поднял свое загорелое лицо и смерил меня взглядом, непонятно что выражавшим. Я его немного робел, отчасти потому, что он принадлежал к этим странным созданиям – мужчинам; других, кроме него, я близко не знал. Я не совсем понимал, что это вообще такое – быть мужчиной, заметил только, что он был большой, пах землей и табаком и кожу на лице имел, судя по виду, грубую.

– Ну-ну, мастер Джонни, – откликнулся он, – только не допекайте меня своими вопросами да вопросами. Мне ведь, не в пример некоторым, не за то платят деньги, чтобы я вам отвечал.

– Мне Биссетт велела пойти вас отыскать, чтобы вы мне сказали, чем надо помочь.

– Это не моя забота. Миссис Биссетт мне не начальник – боже упаси. Хотя она и воображает иной раз, будто может мною помыкать.

Я понаблюдал за ним немного, пока он работал молча. Он склонялся над ямой, больше походившей на нору, и неуклюже тыкал в нее каким-то инструментом с длинной ручкой.

– Что вы делаете? – спросил я.

Он не ответил, а взглянул на солнце, заслоняя глаза от его все еще яркого света. Затем он извлек инструмент (в самом деле очень длинный) и начал стучать его о траву, чтобы сбросить комья земли, попавшие в насадку, потому что инструмент действительно был очень странный, с полотном, подвернутым с обеих сторон почти как крюк. Мистер Пимлотт положил его и принялся собирать другие инструменты и складывать на траву рядом с большим деревянным ящиком, где они хранились.

– Чем вы сегодня занимались, мистер Пимлотт? – спросил я, изнывая от любопытства.

Все так же молча он начал смазывать металлические поверхности густым, похожим на прозрачный мед жиром, перед тем как завернуть каждый в кусок мягкой кожи и бережно спрятать в ящик. Инструменты всегда меня зачаровывали: грозные зубья грабеля, ямкоделатель с двумя острями, чтобы вырывать чертополох, заступы с тяжелыми деревянными рукоятками, до блеска отполированными от долгой работы, железные зажимы, которыми скреплялся металл с деревом, но в первую очередь полотно лопат, блестевшее так ярко и так удивительно, ведь голый металл сохранял блеск оттого, что его часто и с силой вгоняли в землю.

– А как называется вот это? – спросил я, указывая на ту самую лопату, с длинной рукояткой и необычным завернутым полотном. – Это заступ или садовая лопата?

– Не трогайте, – предостерег мистер Пимлотт. – Она очень острая.

– А эта? – Я указал на другой инструмент, который он при мне ни разу не использовал. Мистер Пимлотт поднял глаза.

– Эта? Ну, это мой выкопальный нож.

– А что вы им делаете?

Он долго смотрел на меня молча.

– Ну, сорняки выкапываю.

Ободренный этим ответом, я оглядел следы его работы.

– А зачем вы выкопали это дерево? – спросил я, указывая на грушу, которая лежала на земле с безжалостно выставленными на обозрение корнями.

– В нем гниль завелась.

– Гниль, – повторил я. Это было интересное новое слово, и я произнес его несколько раз, чтобы как следует посмаковать. – Что такое гниль?

– Болезнь такая у деревьев. У людей тоже. Разъедает и тех и других изнутри.

Внезапно он разинул рот, показывая несколько почерневших обломков – остатки зубов, и издал хриплый звук, который я принял за смешок.

– Но на вид оно хорошее. Стыдно вроде бы его уби-ать.

– Все, что состарилось или заболело, нужно выбрасывать или убивать. А у кого, как не у меня, есть такое право – выкапывать деревья?

– Почему у вас, мистер Пимлотт? Это ведь дерево моей матери?

Он отвернулся и через плечо выговорил самый длинный ответ, какой я когда-либо от него слышал:

– Хотите знать почему? Потому что это я его посадил, вот почему. За десять лет до того, как ваша мать здесь по-явилась, а о вас и речь не ведется. Что вы думаете? Оно само по себе выросло? Все в этом мире нужно сначала сажать. А потом выращивать. Вас вот миссис Биссетт выращивает. То есть ей надо бы заниматься своим делом, а не сплетничать и пакостить и позволять вам отрывать от дела людей, у которых, не в пример ей, невпроворот работы.

Когда он закончил, я минуту-две помолчал, но потом меня снова одолело любопытство:

– Эта яма – чтобы похоронить в ней дерево?

Мистер Пимлотт мотнул головой.

– Вы хотите посадить другое?

– Нет. Если уж вам приспичило знать, она чтобы поймать Старину Кроторыла.

– Вы хотели сказать «крота», мистер Пимлотт. Так правильно говорят.

– Что я хотел, то и сказал.

– А почему вы его ловите, мистер Пимлотт?

– А потому, что он роется на лужайке вашей матери, а она мне платит, чтобы я держал лужайку в порядке. Он не признает никаких тебе прав собственности, этот Старина Кроторыл. А потому его надобно убить.

– Но это несправедливо.

– Несправедливо, мастер Джон? – Он обернулся и смерил меня пристальным взглядом. – Когда он является и за здорово живешь хапает столько навозных червей, сколько ему вздумается?

Я тут же заметил ошибку в его доводе.

– А нам черви не нужны.

– Не нужны? Ну да, конечно. Но еще вам не нужно, чтобы кто ни попадя нахально накладывал на них лапу, – это ведь ваши черви.

Я задумался, так как не сомневался, что ответ непременно найдется, но садовник, не дожидаясь, продолжил:

– Ну ладно, как бы там ни было, он наловил достаточно червей, а теперь я поймаю его: у него есть кое-что мне нужное, и если исхитрюсь, я это от него получу. Так уж мир устроен: или ты съешь, или тебя съедят.

– Значит, вы выроете яму, он туда свалится и попадет к вам в руки?

Мистер Пимлотт соорудил гримасу.

– Только не он. Он чересчур для этого хитер. Он ведь живет под землей, так? В ямах он знает толк, вроде как я в растениях или миссис Биссетт в чужих делах. Нет-нет, надобно так скумекать, чтобы захватить Старину Кроторыла, когда он спит.

– Как же вы это сделаете, мистер Пимлотт?

– Есть только один способ: устроить так, чтобы он сам попался. – Он указал на яму: – Видите, это одна из его нор, здесь он не будет ждать ничего худого. Я вырою внутри глубокую яму – для того и нужна эта самая кротовая лопата, – а на дно положу ловушку с пружиной и прикрою листьями и землей. И если смастачу ловко, то Старина Кроторыл явится за навозными червями, и ловушка ухватит его за лапу, а то и за морду. Тогда он у меня делается портняжкой и скроит мне новую одежду.

На миг мне представилось, как пойманный крот, с иглой и нитками в тоненьких лапках, делает стежки, и я недоверчиво хмыкнул. Видя, что я не понимаю, мистер Пимлотт потрогал свою жилетку – я часто любовался ее гладкостью и темным блеском.

– Жуть какая! – восхищенно прошептал я. Глядя на кротовую шкурку, я поражался тому, что она, такая красивая, извлечена из сырой земли.

– Потому-то я и не беру капкан. Не хочу испортить шубку.

– Неужели не жалко! – выкрикнул я и представил себе, как крот дергается, умирая во тьме. Мистер Пимлотт усмехнулся. Тут я что-то вспомнил и добавил: – Биссетт говорила, Кроторыл не ваш и нечего на него зариться.

– Правда? – Мистер Пимлотт отвернулся.

– Сколько вам нужно на жилетку?

Но он не стал меня слушать, закрыл свой ящик, вскинул на плечо длинные инструменты и направился в верхний конец сада. Я проследил, как он приложил пальцы по лбу, приветствуя мою матушку, небрежно кивнул Биссетт, вышел через ворота на дорогу и повернул к Хай-стрит и к своему аккуратному домику, стоявшему поблизости.

Внезапно я сообразил, что остался один в нижней части сада, и мне в голову пришла дерзкая, лихая мысль. Убедившись, что Биссетт и матушка на меня не смотрят, я двинулся через яблоневый сад туда, где меня невозможно было разглядеть, а оттуда еще дальше, в заросли. Пробираться сквозь высокую траву и нестриженный спутанный кустарник на опушке было просто, но за нею, словно бы моля о чуточке света, причудливо переплетали свои сучья низкие вековые деревья, вокруг начала сгущаться тьма, и зловещие ветки потянулись ко мне, как длинные пальцы гигантских рук. В двух шагах находился сад, где жужжали пчелы и шелестели под ветерком листья, но мне казалось, что я шагнул через дверь в иной мир, лишенный звуков.

Что-то мазнуло меня по лицу, я отмахнулся, и внезапно передо мной возник образ: лицо со слепыми глазницами, как у мраморных голов на стенах деревенской церкви. Черты стерлись – съедены гнилью, подумалось мне, – и поверхность камня походила на кожу в глубоких рябинах. Испугавшись, я шагнул было назад, но, к моему ужасу, что-то меня держало. Я дернулся опять – бесполезно. Сердце колотилось, испуг переходил в панику. Я еще раз отчаянно крутанулся и наконец освободился. Улепетывая, я услышал крик, доносившийся как будто с очень далекого расстояния. Крик раздался снова, и я узнал голос моей няни.

Почти что благодарный за этот призыв, я пробился через спутанный подлесок в ярко освещенный сад.

– Мастер Джонни! – звала сверху невидимая Биссетт. – Где вы?

Была в ее голосе нота страха или мне почудилось? Я поспешил по ступеням и на верхней террасе нашел Биссетт: она, повернувшись, смотрела вправо, и я проследил за ее взглядом.

Матушка у ворот беседовала с человеком, которого я прежде никогда не видел. Незнакомец стоял на дороге и очень взволнованно что-то говорил, глаза его были прикованы к лицу моей матери, руки (в одной он держал трость) жестикулировали; матушка слушала с опущенным взглядом, изредка кивая. Сперва я подумал, что это разносчик, поскольку из посторонних к нам ходили одни разносчики, и было похоже, что незнакомец убеждает мать сделать какую-то покупку. Но потом стало ясно, что он и одет иначе, и не навьючен тюками.

Незнакомец был старше матери, но младше Биссетт, ростом не вышел, хотя большая голова могла бы принадлежать человеку куда более крупному. На крутой макушке росла масса вьющихся рыжеватых волос, в беспорядке падавшая на уши. Живое лицо отражало, казалось, даже самые мимолетные чувства; преобладающей его чертой был большой, похожий на клюв нос. Рот был широкий и тонкий, большие, ярко-голубые глаза глубоко сидели в выступающих орбитах. Штаны его, когда-то клетчатые, выцвели настолько, что рисунок

сделался почти неразличим; грубое зеленое сукно сюртука местами истерлось до дыр; белый шарф, из хорошей тонкой шерсти, пожелтел от старости. Я бы на все это не обратил внимания, если бы Биссетт не оглядывала незнакомца так пристально, но, пока я смотрел, мне внезапно пришло в голову, что в жизни матушки существуют стороны, о которых я ничего не знаю, и в тот миг она показалась мне чужой.

Заметив нас с Биссетт, незнакомец прервался и церемонно коснулся шляпы, приветствуя и ее, и меня.

– Добрейшего вам вечера, госпожа, и юному джентльмену тоже. Я вот рассказывал этой молодой леди, – незнакомец обращался к Биссетт, но посылал дружелюбные взгляды и мне, включая тем самым в разговор, – как так получилось, что мне, чужому в этих краях человеку и странствующему работнику, приходится просить о милости, хотя прежде я ничего такого не делал.

Такая быстрая манера речи была мне незнакома, и приходилось напрягаться, чтобы уловить смысл. Произнося слова, он поворачивался то в одну сторону, то в другую, словно стараясь определить, кто здесь главный – матушка или моя няня.

– Так не поможете ли честному обнищавшему работяге, к которому счастье повернулось спиной, – говорил он матери, – не дадите ли ему ночлег и еды, а то он весь день только и знал, что мерил ногами дорогу?

– Поди прочь! – внезапно крикнула моя няня.

Лицо незнакомца мгновенно потемнело, брови насупились; он повернулся к Биссетт.

– Убирайся прочь! – снова вскричала Биссетт, напуганная, наверное, выражением его лица. – А то я позову мистера Пимлотта.

Лоб незнакомца тут же разгладился.

– Для меня это самое то – поговорить с хозяином дома.

Биссетт обратила взгляд к матери, которая зарделась и опустила глаза. Незнакомец, удивленный, обратился ко мне:

– Где ваш отец, юный джентльмен?

– У меня его нет.

– Ну-ну, юный господин, – бродяга улыбнулся моей матери, – отец есть у каждого.

– Нет, у меня его никогда не было.

– Убирайся прочь со своим бесстыдством! – крикнула Биссетт.

Словно бы не слыша ее, незнакомец обратился к ма-тушке:

– Что скажете, миссис Пимлотт? Не найдете ли для меня пенни-другого?

– Глупости, мистер Пимлотт – это садовник, – воскликнул я. – А наша фамилия – Мелламфи.

– Так как же, миссис Мелламфи, окажете мне милость?

– Я... боюсь, у меня нет с собой денег.

Произнося это, матушка нервно коснулась серебряного цилиндрика, который всегда носила на цепочке-поясе; там она держала ключи. Я заметил, что большие глаза незнакомца испытующе проследили за ее движением.

– А здесь что, – указал он, – тоже ничего нет?

Она впервые взглянула на него с тревогой и замотала головой.

– Ни гроша во всем доме? Даже пары медяков?

Не спуская с него глаз, матушка сказала:

– Биссетт, не принесете ли мне шестипенсовик с письменного стола?

– Нет, мэм, – решительно отозвалась няня. – Покуда тут этот бездельник, я вас и мастера Джонни из виду не выпущу.

– Думаю, мы должны ему помочь, няня. Так будет лучше.

– Проявите милосердие, госпожа, – нахально вставил бродяга, обращаясь к Биссетт.

– Милосердие для тех, кто его заслуживает, а у тебя на лице написано, что по тебе плачет виселица; готова поручиться, с законом ты не в ладах. Если я куда пойду, то за констеблем, тогда и посмотрим, что ты за птица.

– Чтоб тебя, старая карга, да что ты суешься! – вскричал бродяга, враз сбросив маску благодушия.

С ругательством он шагнул вперед, поднял трость и положил руку на ворота, словно собираясь их открыть. Матушка вскрикнула и отступила, я же ринулся к воротам, чтобы отстоять свои владения.

– Посмейте только войти! Я вас с ног собою, сяду сверху и буду сидеть, пока не придет мистер Пимлотт.

Бродяга опустил на меня хмурый взгляд, а матушка с няней бросились ко мне, чтобы оттащить от ворот. Но когда бродяга поднял глаза на них, его губы растянулись в улыбке, которая напугала меня еще больше, чем прежняя гримаса.

– Вы ведь не подумали, что я собираюсь войти, не подумали? Что я, дурак, что ли, закон нарушать.

– Я побегу за констеблем, мэм, а вы заберите мальчика в дом, – задыхаясь, выговорила Биссетт.

– Не трудитесь, – бросил незнакомец. – Доброго вам дня, миссис Мелламфи, – добавил он, передернул плечами и быстро зашагал по дороге.

Матушка опустилась на колени и крепко-крепко меня обняла.

– Ты такой храбрец, Джонни. – Она целовала меня, плакала и смеялась одновременно. – Но не нужно было так делать, не нужно.

– Пусть бы только вошел, я бы так его пугнул, что он бы стрелой вылетел, – похвастался я.

Поверх ее плеча, через массу золотистых локонов, я наблюдал, как незнакомец удалялся странной прыгающей походкой, необычно ссутулив плечи. На углу Хай-стрит он обернулся и посмотрел на нас. Даже с большого расстояния мне была видна на его лице такая лютая злоба, что она впечаталась в мою память несмываемым клеймом. Матушка этого не видела, а Биссетт, как я заметил, тоже перехватила этот взгляд, тайком плюнула на свой указательный палец и быстро начертила себе крест на переносице.

– Пошли, Джонни, – сказала матушка.

И мы втроем (матушка по-прежнему обнимала меня за плечо) отправились к задней двери, ведущей в кухню.

Кухня, прохладная и просторная, и такая темная (мы ведь вошли из сада, с яркого солнечного света), была прежде «главной залой» старинного фермерского дома, составлявшего древнейшее ядро нашего обиталища, как можно было судить по огромному камину и белому полу из потертых каменных плит. Это была вотчина добродушнейшей миссис Белфлауэр – она как раз стояла у огня, готовя нам чай. Я выскользнул от матери и, пританцовывая, кинулся к кухарке.

– Миссис Белфлауэр, миссис Белфлауэр, – закричал я, – к нам в сад хотел войти побродяга, но я его прогнал. И ни чуточки не испугался.

– Ну, подумать только! Молодчина. Надеюсь, теперь вы сядете за стол с хорошим аппетитом, – отозвалась невозмутимая кухарка, оборачиваясь к нам и вытирая свои большие красные руки о передник. У нее было доброе лицо, круглое и бледное, как завернутый в муслин пудинг, из тех, что она готовила; рассеянные голубые глазки всегда смотрели немного в сторону.

Разочарованный, я предпринял новую попытку:

– Он был очень свирепый и грозился поджарить меня живьем, если поймают.

– Господи помилуй, – прозвучало это довольно сдержанно, взгляд миссис Белфлауэр скользил к буфету, где лежала чайная посуда.

– Постыдились бы, мастер Джонни, – воскликнула Биссетт. – Ничего такого он не говорил. Вы же знаете, нехорошо рассказывать сказки.

– Но ведь миссис Белфлауэр рассказывает!

– Я уверена, надеюсь, что ничего подобного она не делает.

– Все-все делают: мама читает мне вслух сказки и истории, миссис Белфлауэр рассказывает, Сюки и та рассказывает. Все-все, только не вы, – добавил я с горечью.

Мать произнесла поспешно:

– Но мы, Джонни, не говорим, что они правдивые, если они выдуманные.

Замечания Биссетт я не понял:

– Ребенок выдумщик, каких мало, – вот в чем дело.

– Жуть, да и только, – дипломатично вставила миссис Белфлауэр, – приличным людям в собственном доме нет покоя от негодяев.

– Прежде такого не бывало. Девушкой я ни о чем подобном не слыхивала, – кивнула Биссетт. – Это все ирландцы с новой заставы – в придачу к тем, что приехали на сбор урожая. Понять не могу, отчего им не сидится у себя в Ирландии, здесь от них одни неприятности, мало того что отнимают хлеб у честных англичан.

– Почему меня не пускают посмотреть новую заставу? – Слова Биссетт напомнили мне о моей застарелой обиде.

– Думаю, он не ирландец, – спокойно заметила матушка, а миссис Белфлауэр в знак сочувствия сунула мне в ладонь кусочек пряника.

– Разве? – Биссетт подняла брови. – Ну, по тому, как он говорит, он уж точно не отсюда. На христианскую речь это никак не похоже.

– Он из Лондона.

– Лондон, – повторил я.

Прежде я этого слова не слышал, его ясные, слегка отдающие металлом слоги звучали таинственно.

– Ага, – сказала Биссетт. – Чего и ожидать от места, где, как все говорят, от преступников и в собственном доме не спрячешься.

Матушка вздрогнула и побледнела.

– О чем вы?

Биссетт пристально на нее посмотрела.

– Не помните ли, миссис Мелламфи, несколько лет назад случилось страшное происшествие? Примерно в тот год, когда родился мастер Джонни или чуть раньше.

Мать ответила испуганным взглядом.

– Как же, – вмешалась миссис Белфлауэр. – То самое, на Ратклиффской дороге, когда убили две семьи в собственных постелях?

– Оно самое. А было и другое, в то же время – или раньше? – когда богатого старика убил его собственный сын, или что-то наподобие, – добавила Биссетт, а матушка отвернулась. – Это было у перекрестка Чаринг-Кросс. Вроде бы в двух шагах от Ратклиффской дороги? – Матушка не откликнулась, и Биссетт продолжила: – Так к чему я веду, мэм: не надежнее ли будет послать девчонку за констеблем, чтобы он выпроводил этого бродягу подальше из нашего прихода?

Мать ответила не оборачиваясь:

– Не думаю, няня, что это необходимо. Лучше будет оставить его в покое.

– Да ее здесь и нет, – мотнула головой миссис Белфлауэр. – Опустилась в Хафем, к своему дяде. – (Поясню: деревня Хафем расположена выше, оттуда течет река, что пересекает за нашим домом Мортсейский лес, но деревенские всегда говорили «опуститься в Хафем», как

будто речь шла о чем-то предосудительном.) – У бедного старика прошлой ночью начался жар. Дома об этом только что услышали и послали за нею малыша Гарри.

– Что, подхватила и ушла, ни слова не сказавши? – возмутилась Биссетт. – Слишком много эта девчонка себе позволяет. Когда она вернется?

– Она всего минуту как вышла из дома, – огрызнулась миссис Белфлауэр.

Между нею и Биссетт всегда существовала скрытая вражда, которая редко выходила на поверхность. Как Англия и Россия долгое время боролись за превосходство в полосе от Константинополя до северо-западной границы, так эти две женщины, обосновавшиеся каждая в своей вотчине – кухне и детской, – оспаривали друг у друга власть в сферах, принадлежность которых не была столь четко определена. Сююки заменяла им Оттоманскую империю.

– И кто же ей позволил уйти, миссис Белфлауэр?

– Я, миссис Биссетт.

– У вас прав таких нету здесь командовать.

– А у вас нет права указывать, есть у меня права или нет.

Внезапно матушка обернулась и топнула ногой.

– Замолчите! Вы обе!

– Да я что, – пролепетала Биссетт, и мы все трое удивленно воззрились на матушку.

– Накройте стол к чаю, миссис Белфлауэр, а ты, Джонни, иди со мной. – Мать быстро направилась к двери, я послушно последовал за ней, оставив Биссетт и кухарку, внезапно сблизившихся благодаря общей обиде.

Из старой половины дома мы перешли в новую, в обширный холл, откуда двери вели в общую комнату и столовую для завтраков, где обычно устраивались трапезы (кроме, как ни странно, завтраков – их накрывали в малой гостиной). Когда мы вошли в столовую, я попросил:

– Расскажи мне о Лондоне.

– Да что вы все, сговорились свести меня с ума? – крикнула матушка. Потом, обернувшись, обняла меня. – Прости, Джонни. Ты не виноват.

Мы сели за стол, и она продолжила:

– Я жила там раньше. Вот и все.

– Когда? Я думал, мы всегда жили здесь.

– Это было до твоего рождения.

– Расскажи, что было до моего рождения.

Тут вошла миссис Белфлауэр и принялась расставлять на столе приборы.

– Поговорим об этом позже.

– А что этот человек говорил о моем отце? У меня ведь не было отца, правда?

Я заметил, как напряглась спина миссис Белфлауэр, которая ставила чайник на пристенный стол. Мать посмотрела на меня с упреком, а я вместе с раскаянием испытал и извращенное удовольствие оттого, что мои вопросы ее огорчают.

– Один раз, я слышал, обо мне сказали: «Бедный парнишка, растет без отца», – не унимался я. – Выходит, это правда?

– Спасибо, миссис Белфлауэр, – сказала матушка. – Остальное я сделаю сама. – Когда та вышла, матушка спросила: – От кого ты это слышал, Джонни?

– Кто-то шепнул Биссетт в свечной лавке. Ну, расскажи!

Мать сплела и расплела пальцы.

– Когда подрастешь, – произнесла она наконец.

– Когда? На Рождество?

– Не в это.

– Значит, на следующее?

– Нет, дорогой. Может, еще на следующее.

Тридцать месяцев! Отложила бы еще на тридцать лет!

Я ее уговаривал, но она не соглашалась ни перенести этот разговор на более ранний срок, ни выслушивать дальше мои вопросы.

Когда миссис Белфлауэр вернулась и убрала со стола, матушка попросила ее принести из малой гостиной письменный прибор и шкатулку для писем, и мы перешли в общую комнату – светлое помещение, из окон которого была хорошо видна Хай-стрит. Затем она открыла секретер и вынула книгу для записей, которой пользовалась, составляя письма, – так было принято во времена, предшествовавшие почте за пенни. Пока она писала, я вынул своих солдатиков и заставил их маршировать по ковру, но удовольствия от этого получил меньше, чем обычно, так как матушка не пожелала на них взглянуть, когда я ее попросил. Я всегда страшился того мига, когда в дверь стучалась Биссетт, чтобы, как осужденного, увести меня спать, но тут я если не ждал этого с нетерпением, то по крайней мере не возражал. Кроме того, можно было хотя бы подразнить Биссетт.

В тот вечер, однако, когда подходило время взятия меня под стражу, кто-то внезапно заколотил в парадную дверь. Мы оба вздрогнули. Матушка оторвала взгляд от письма и воскликнула:

– Кого это принесло в такой час?

Мы слышали, как Биссетт открыла дверь, а чуть позже она, пылая негодованием, вошла к нам в комнату.

– Это уж из всяких рамок, мэм. Эти работнички бросили лестницу прямо под окном малой гостиной, как будто это их собственный двор.

– Да-да. Они сказали миссис Белфлауэр, что замучились перетаскивать лестницу через ограду, а сегодня у них нет времени, поэтому они вернутся за нею завтра. А кто стучал в дверь?

– Девчонка-письмоносица, – возмущенно отвечала Биссетт. – Эта маленькая нахалка Салли. Хватило наглости явиться к передней двери. Боится, мол, в темноте подниматься по дорожке, ну я уж отчехвостила ее за это, будьте уверены. Пора, пусть учится знать свое место.

– Она что-нибудь принесла? – поинтересовалась матушка.

– Вот это, и потребовала десять пенсов в уплату, я отдала ей из своего кармана.

Она потянулась к мешочку, висевшему рядом со шкатулкой для швейных принадлежностей, а матушка взяла письмо и дала ей деньги из секретера.

– Ладно, – сказала моя неумолимая тюремщица, – этому юному джентльмену пора собирать игрушки, и в постель.

Но я уже, конечно, решил, что в постель не хочу.

– Мама, можно мне еще чуточку поиграть? – заканючил я.

– Хорошо, но только несколько минут, – рассеянно кивнула она, ломая печать.

Я торжествующе улыбнулся няне, и она, нахмурившись, поспешно вышла. Тут из письма матери выпало другое послание, запечатанное и меньшего размера, и опустилось на пол рядом со мной. Я его подобрал и, отдавая, обратил внимание на надпись, которую видел вверх ногами. Я еще только учился читать, но успел усвоить, что наша фамилия начинается с «М», а эту букву нетрудно узнать даже в перевернутом виде, но, к моему удивлению, фамилия на маленьком послании начиналась не с «М», а с «К». Никакого объяснения мне в голову не приходило.

Притворяясь, что занят игрой, я наблюдал за матерью: она отложила письмо, которое прочла первым, и проворно вскрыла маленькое послание. Оно, похоже, было короткое, она пробежала его, нахмурилась и закусила губу. Сложив оба письма в серебряную шкатулку, она заперла ее ключиком из связки, висевшей на поясе. Подняла глаза и перехватила мой взгляд.

– Это от моего отца. – Она показала на шкатулку. – Он дал мне ее, когда... – Она замолкла.

– Расскажи! – воскликнул я. – Когда тебе дал ее мой отец?

Брови ее удивленно поднялись, лицо вспыхнуло. Потом она рассмеялась:

– Я говорила не о твоём отце, а о своём. Мой отец, знаешь ли, тебе приходится дедушкой.

– Это понятно, – протянул я. – Расскажи мне о нём.

– Нет, Джонни, мы только что договорились, что оставим этот разговор до лучших времен, когда ты подрастешь. Но у меня для тебя хорошая новость. Как ты...

Нас прервала вошедшая в комнату Биссетт. Она уже собиралась взять меня под арест, и тут матушка протянула ей шкатулку для писем со словами:

– Пожалуйста, Биссетт, отнесите шкатулку в малую гостиную, чтобы она утром сразу попалась мне на глаза: тогда я не забуду в первую очередь ответить на письма.

Я вскочил на ноги и перехватил шкатулку:

– Я отнесу!

– Нет, Джонни! – воскликнула матушка, но я уже выбежал из комнаты.

Биссетт оставила на столе в холле горящую свечу, чтобы нам подняться наверх, я забрал ее и отправился в малую гостиную. Старая часть дома располагалась очень низко, окна гостиной смотрели в утопленный в землю садик между домом и большой дорогой (с проходом в подвал), поэтому там бывало уютно только зимой, когда камин был разожжен и занавески задернуты, в летние же дни комната имела сумрачный вид. При свете свечи я рассмотрел шкатулку, кожаную отделку, тяжелые серебряные застёжки – прежде она никогда мне в руки не попадала. Рисунок, выгравированный на серебряной пластинке – роза с четырьмя лепестками, – был мне хорошо знаком по нашим чашкам, тарелкам и столовым приборам. Но здесь таких роз было пять, объединенных в композицию: четыре в углах квадрата и одна в центре. Под ними имелась надпись в одну строчку, и я поклялся себе, что скоро выучусь и ее прочитаю. Задерживаться было нельзя, поэтому я положил шкатулку на пристенный столик, рядом с чайной посудой. Вернувшись в общую комнату, я застал матушку и Биссетт, ожидавших меня со строгими лицами.

– Ты вел себя из рук вон плохо, Джонни, – проговорила матушка. – Уж не знаю, что на тебя сегодня нашло. Я хотела сообщить тебе приятную новость, но теперь услышишь ее позднее, когда справишься.

И вот, ни дать ни взять опозоренный узник, которому нечем оправдаться, я был передан охране и уведен прочь.

Путь в мою спальню в старой части дома, по древней скрипучей лестнице, всегда меня страшил, поэтому, несмотря на все происшедшее, я, едва мы вышли из общей комнаты, схватил Биссетт за руку.

– Отстаньте. – Она сердито выдернула руку. – Хватит вам как маленькому изводить вашу бедную маму, и цепляться в темноте за няню тоже хватит.

Меня пугала не сама темнота, а загадочные образы и тени, сотворенные мерцающей свечой; эти ночные создания, вызванные ею из темноты, тотчас скрывались, стоило сделать шаг им навстречу, и тем походили на гигантских пауков, с которыми я сталкивался куда чаще, чем мне бы хотелось, – безобидному животному, думал я, ни к чему так много ног. Особенно я их возненавидел, после того как Биссетт описала, как они питаются живыми насекомыми.

– Ну что, – брюзжала Биссетт, – где ваша хваленая храбрость, вы, похоже, от собственной тени шарахаетесь.

Вознегодовав от такого обвинения, я припустил вперед, и мы мигом добрались до моей комнаты, в конце короткого темного коридора, связывавшего ее с лестницей. Она была тесная и узкая, пол имел резкий наклон в сторону окон, низкий потолок под островерхой кры-

шей тоже был сильно скошен и тоже опускался к дальней стене, где было расположено окно. Для мебели почти не оставалось места, и, кроме черного старинного серванта и стула, в моем распоряжении был только старый сундук, где я хранил игрушки. Пол перед кроватью был застелен потертым турецким ковром, на стенах висели две гравюры в рамочках, подаренные матерью: большое цветное изображение Трафальгарской битвы – тут и там паруса в клочьях и клубы дыма, а над ним небольшое меццо-тинто – портрет моего кумира, адмирала Нельсона.

– Ну, а теперь без ваших глупостей. Живо в постель, – ворчала Биссетт.

– Как вы думаете, где теперь тот человек? – спросил я задумчиво.

Передернув плечами, Биссетт отозвалась:

– Знать не знаю, но, уж наверное, далеко, спит где-нибудь в канаве.

– Как бы мне хотелось поспать в канаве!

– Может, когда-нибудь так и получится, – зловеще кивнула она. – В особенности если будете вести себя как сегодня. Но, держу пари, не он один проведет эту ночь незнамо где. Девчонку сегодня ждать нечего, помяните мои слова. И, наверное, завтра утром тоже. Как только ваша матушка позволяет ей уходить, бросив работу... У меня прав нету здесь командовать. Вот что бывает, когда вокруг нечестивцы. Не приход, а гнездо язычников, а, как говорит Писание, с кем поведешься, от того и наберешься.

Наконец, умытый и облаченный в ночную рубашку, я приготовился забраться в постель. Это было совсем непросто, так как спать мне полагалось на чем-то вроде старинного дубового сундука, помещенного в нишу, высотой в несколько футов.

– Сегодня, верно, ваша матушка не придет пожелать вам доброй ночи. – Биссетт подоткнула мне одеяло.

Я ей не поверил, но капризно протянул:

– А кто мне вместо нее расскажет сказку? Вы?

– Сами знаете, и не подумаю. Сказки говорят неправду.

– Но в Библии полно сказок и историй.

– Это совсем не то, будто не знаете.

– Как это не то?

– Слишком много вы задаете вопросов. Не задавай вопросов, не услышишь неправды.

– А зачем говорить неправду? А еще, если вы умеете говорить неправду, то почему не расскажете мне сказку, ведь по-вашему, это то же самое.

– Больно премудрое вы дитя, мастер Джонни, – серьезно проговорила Биссетт. – За такими умниками дьявол по пятам ходит. Есть такие вещи, о которых не спорят. Им веришь, потому что сам Бог вкладывает их тебе в сердце.

Тут я услышал шаги моей матери в коридоре. Я посмотрел на няню с торжествующей улыбкой. Когда матушка вошла, Биссетт сказала:

– Вы слишком добры к нему, мэм. По мне, так ему не хватает отцовской руки.

Матушка вздрогнула и несколько высокомерно отозвалась:

– Вы свободны, Биссетт.

Няня, со свечой в руке, направилась к двери.

– Покойной ночи, мастер Джонни.

– Покойной ночи, Биссетт.

Покосившись на мою мать, она добавила:

– Не забудьте на ночь помолиться.

Я кивнул, и она ушла.

Уверившись, что она не услышит, я спросил:

– Можно послушать сказку, мама?

Она каждый вечер читала мне сказки, а я очень любил их выбирать и радовался, что мне доверяется хотя бы этот выбор. Из сказок моими любимыми были самые страшные: «Сказка о Джеке Победителе Великанов», «Дети в лесу», «Сказка о Смерти и Даме» и «Чевиотская охота». Но больше всего мне нравились «Тысяча и одна ночь» – не только как мир приключений, но и как мир странных персонажей: султанов, ифритов и джиннов. Одну сказку я прослушал в первый раз и хотел послушать еще, но попросить не решился, слишком был напуган.

– Пожалуйста! Я прошу прощения за шкатулку для писем.

– Не в этом дело. Биссетт права, я слишком тебе потакаю. Я прочту тебе сказку, но, чтобы ты знал, как ты меня обидел, выберу ее сама, и это будет сказка о том, как один человек шпионил за своей женой и как, в наказание за любопытство, увидел что-то страшное, ведь любопытные, как ты знаешь, всегда бывают наказаны.

Не решаясь открыть рот, я кивнул: это была та самая сказка, которой я боялся.

С полки у меня над головой матушка достала книжку и начала читать сказку о Сайеде Наомуне, который взял в жены красавицу. Прошло время, и он задумался о том, почему его жена съедает всего одно рисовое зернышко в день. Он заметил, что едва ли не каждый вечер она куда-то уходит, и однажды пошел следом. За городской чертой она вроде бы направилась на кладбище и скрылась в тени деревьев. «И вот прокрался он туда, подобрался ближе, – читала матушка, – и видит: сидит она на стене, а рядом с нею женщина-гуль, и...»

Не выдержав, я завопил и спрятал голову под одеяло.

– Ну-ну, Джонни, – матушка через одеяло похлопала меня по голове. – Это всего лишь сказка. На самом деле этого не было.

– Не было? – повторил я, выбираясь наружу. – Но в книге так написано!

– Ты это поймешь, когда вырастешь немного.

– Вечно ты так говоришь, – пожаловался я. – Это нечестно.

Она взглядела мне в лицо.

– Прости, я сегодня немного расстроена, Джонни, пришла плохая новость. В письме сообщается, что заболел дядя Мартин.

– И больше ничего?

Она опустила глаза.

– Больше тревожиться не о чем. А теперь пора спать, да?

Я кивнул. Она коснулась губами моей щеки, взяла свечу, вышла на цыпочках и тихонько прикрыла за собой дверь. Напрягая слух, я проследил за ее шагами по голому полу и вниз по лестнице, пока они совсем не затихли.

Ночь была спокойная, почти безветренная, по большой дороге никто не проезжал, поэтому из окон доносился только слабый шелест деревьев. Немного позднее, уже засыпая, я уловил далекий колокольчик и гулкий грохот огромных, окованных железом колес, кативших по щебню дороги. Я знал, что это ломовой извозчик, который ночами катается в Саттон-Валанси. Повозка миновала наш дом, выехала из деревни, а я еще долго слушал ее громыание.

Ко мне снова подкрался сон, но вдруг у самого дома раздались приглушенные голоса. Сначала я подумал, это вернулась Сьюки, но потом сообразил, что голоса мужские. Я не знал, осмелюсь ли покинуть теплую безопасную постель и ступить босиком на пол, где, не исключено, стерегут меня пауки. Я все-таки спустил ноги с постели и пошел к окну. Для начала сзади что-то задвигалось, но это была моя собственная тень, пересекавшая освещенные места (свет проникал по краям ставня). Стена была толстая, окно помещалось в нише глубиной в несколько футов и имело подоконник, на который я и вскарабкался. Бесшумно подняв перекладину, державшую ставни, я раздвинул их. В комнату хлынул лунный свет, это помогло мне открыть створку окна, и я на коленях выглянул наружу. Там ничто не дви-

галось, разве только напротив, по широкой Хай-стрит пробежала тень облаков, ненадолго затмивших луну. Мне бросилась в глаза блеснувшая в лунном свете ограда, которая отделяла дом от проезжей части дороги, и я удивился, заметив, что во дворе, с моей стороны здания, лежит какой-то предмет, но вскоре узнал в нем лестницу – собственность рабочих, чинивших крышу.

Подняв голову, я разглядел только трубы противоположных домов, торчавшие над рядом деревьев. Наше обиталище стояло на окраине деревни, домов там было мало, и располагались они редко. В окнах других жилищ не видно было ни огонька, и я казался себе единственным неспящим на всей земле. Внезапно раздался собачий лай, судя по всему далекий, однако четко различимый, и я понял, что те люди, кто бы они ни были, наверное, ушли, иначе бы я услышал их шаги.

В тот же миг из глубины дома донесся шум: это, как я понял, Биссетт поднималась в свою спальню. Я спешно вернулся в постель, забрался под одеяло и вскоре заснул.

Глава 3

Я вбежал в дверь и начал подниматься по лестнице. Одолевая марш за маршем, я все время слышал за спиной преследователя. Лестница, казалось, не собиралась заканчиваться, сердце мое колотилось, ноги шагали, но словно бы не несли меня вперед. Я оглянулся и увидел нечто, неестественно плавно поднимавшееся по лестнице. Это было большое бледное лицо, в глубоких рябинах, будто после оспы, глаза из запавших глазниц смотрели на меня невидящим взглядом. За ним влеклось черное одеяние, тела как будто не было вовсе. Приближаясь, фигура росла и росла, она не была уже ниже меня, она вздымалась надо мной, простирая большие руки, похожие на крылья птицы или летучей мыши, и собиралась – я в этом не сомневался – на меня наброситься.

Я вскрикнул во сне и тут же пробудился, сердце бешено билось, лоб покрывала испарина, простыня и одеяла сбились в кучу. Действительно ли я кричал? Эха вроде бы не было, комната в лунном свете, струившемся через открытые ставни, казалась тихой и мирной. Тут взгляд мой упал на окно: оттуда, как с картины, глядела чья-то голова. Это продолжается сон, мне только привиделось, что я проснулся, подумал я, ведь добраться до окна снаружи невозможно. Черты я рассмотреть не мог, лунный свет шел сзади, и лицо оставалось в тени; правда, голова была большая, с копной торчащих волос. Но разве можно спать с открытыми глазами? Это мне только снится, что мои глаза открыты? Или же...

– Не вздумай кричать, а то я тебе руку оторву и ею же отхожу тебя до смерти!

Узнав голос бродяги, я едва не вскрикнул от облегчения. Выходит, я сумел все-таки проснуться! Я смотрел, как он перебрался через подоконник, подошел и встал надо мною.

– Ни слова никому, что ты меня видел, или я вернусь и перережу тебе глотку. Обещаю. И твоей драгоценной маменьке тоже.

И тут мы оба услышали шаги в коридоре. Выругавшись, бродяга метнулся к окну и скрылся за ним. В комнату вошла, со свечой в руке, матушка и испуганно воззрилась на меня. Произошло все это очень быстро, и я уже едва верил, что в моей комнате побывал посторонний.

– Что такое? – спросила она. – В чем дело, Джонни?

Я собирался заговорить, но тут из-за двери выплыло лицо: костлявое, с грубыми чертами, в странном силуэте вздыбленных волос. Я вскрикнул, матушка тревожно обернулась.

Вошла Биссетт. Никогда прежде я не видел ее в халате, с волосами под сеткой.

– Тут был человек! – взвизгнул я.

– О чем это ты? – вздрогнула матушка.

– Он тут был. Я его видел в ок-кне. – Я выдавил из себя всхлип.

– Джонни, тебе просто приснился плохой сон.

– Я предупреждала вас, мэм, – вмешалась Биссетт.

– Н-нет, – настаивал я. – Он и вправду тут был.

– Как такое возможно? – мягко возразила матушка. – Кто сюда залезет без лестницы?

Тут она запнулась, Биссетт перевела на нее взгляд. Матушка осталась со свечой у кровати, няня поспешила к окну и выглянула.

Не оборачиваясь, она серьезным голосом произнесла:

– И верно, лестница стоит, прислоненная к стене.

Матушка вскрикнула, и я заметил, как ее рука схватилась за тонкий футлярчик на цепи для ключей, который она, должно быть, взяла с собой, когда встала с постели. Я изогнулся, чтобы разглядеть, как Биссетт карабкается на подоконник и высовывает голову наружу. Затем снизу, прямо под окном, раздался грохот.

– Ну вот, это они! – в ужасе воскликнула мать.

Она обхватила меня так плотно, что мне стало больно. Послышался второй удар, громче первого, а за ним треск дерева.

Биссетт отошла от окна и встала над нами – высокая, костлявая, в длинном халате. Голос ее прозвучал удивительно спокойно:

– Они вломились в малую гостиную, мэм. Когда я высунула голову, было видно, как один из них влезал в окно.

– Боже милосердный! – воскликнула матушка. – Они явились, чтобы нас убить.

– Ерунда! – оборвала ее Биссетт.

Не выпуская меня из рук, матушка зарыдала, Биссетт же, к моему изумлению, схватила ее за плечи и резко встряхнула.

– Тихо. Нам нечего бояться. Разве что вы закричите и они нас заметят.

– Вы не понимаете? – простонала матушка. – Они пришли нас убить, меня и Джонни.

– Это всего-навсего воры, мэм. Увидели лестницу и решили воспользоваться случаем.

– Нет, нет! Вы ошибаетесь! – крикнула матушка. – Вы не понимаете. Живо к окну и зовите на помощь.

– Да нет же. Это нам выйдет боком.

– Поверьте мне. У них ружья, и они сейчас пойдут наверх.

Биссетт закрыла дверь и подперла ее спиной.

– Им не войти, даже если попробуют. Но, скорее всего, они боятся пуще нас и хотят только убраться подобру-поздорову.

– Тогда пусти, я пойду посмотрю. – Я попытался высвободиться из рук матушки.

– Нет, Джонни! – встревожилась матушка, заталкивая меня обратно в постель.

– Сидите смирно, – сказала Биссетт. – Дадим вору время уйти. Так будет лучше.

Ожидание казалось бесконечным, мы молча смотрели друг на друга и напрягали слух, ловя малейшие звуки. Мать не выпускала меня из объятий, и я чувствовал, как она дрожала, хотя ночь была теплая. Наконец мой чуткий слух что-то различил.

– Слышите? – спросил я.

Биссетт осторожно перебралась к окну и выглянула.

– Они уходят. Я их видела на дороге.

– Слава тебе, Боже, – выдохнула мать.

Но тут мы вздрогнули и обменялись взглядами: в коридоре звучали приближавшиеся шаги. Дверь медленно открылась, на пороге появилась миссис Белфлауэр со свечой в руке; длинный халат и ночной чепец придавали ей величественный вид. Лицо ее было от ужаса белым как мел.

Она рухнула на постель и несколько минут набиралась сил, прежде чем поведать, что с ней произошло. Спала она в задней части дома (и очень глубоким сном), поэтому мои крики ее не разбудили, но она услышала шум в первом этаже и спустилась.

– Спустилась я в самый низ, – продолжала она, – и вижу, кто-то силится отодвинуть засовы, их ведь все время заедает. Свечу я не взяла, но света хватило, чтобы разглядеть: это был мужчина! Чужак.

– Вы, должно быть, до смерти перепугались, – воскликнула матушка.

– Нет, мэм, мне было не до этого. Я просто спросила: «Кто вы и что вам здесь понадобилось?», а он в ответ... – Взглянув на меня, она продолжила: – Ладно, это неважно. Потом он вроде как оскалился и как ни в чем не бывало тянет засовы. Отодвинул, открыл дверь и давай бог ноги.

– Как он выглядел? – спросила матушка.

Но описать чужака миссис Белфлауэр не смогла и, даже когда матушка нарисовала ей портрет бродяги, не сумела ни подтвердить, ни опровергнуть ее догадку. Она была из нас единственной, кто не видел в тот день бродягу. Помня его угрозу, я ничего не сказал.

Биссетт внезапно спросила:

– Вы открывали ставни, мастер Джонни?

– Нет, – отозвался я, чувствуя, что краснею. Но это не была ложь, потому что я не собирался оставлять их открытыми, а кроме того, подумал я, если начнешь рассказывать, как услышал голоса, придется выложить всю историю, и тогда как бы тот человек не осуществил свою угрозу.

Многие вопросы могли подождать до утра, но один нужно было решать немедленно: как расположиться на остаток ночи. Обсуждалось, не вызвать ли для охраны мистера Пимлотта, но, поскольку даже неустрашимая Биссетт не решалась пройти несколько ярдов до его дома, этому замыслу предпочли иные меры. Миссис Белфлауэр заявила, что вернется к себе в постель, но оставит свою дверь открытой.

– Хочу с тобой, – сказал я матушке.

– Нет нужды, – вмешалась Биссетт. – Я до утра буду начеку, но, что угодно даю, они не вернутся. А если вы его возьмете, придется заново возиться, его убаюкивать.

– Не придется, – заныл я.

– Думаю, сыночек, няня права. Теперь тебе нечего здесь бояться.

– Почему ты всегда делаешь, что она говорит?

– Нет, что ты. – Матушка слегка покраснела. – Хорошо, от одной ночи, наверное, вреда не будет. – И, не послушав Биссетт, она на остаток ночи взяла меня к себе в постель.

* * *

Проснувшись на следующее утро в постели матушки, я воспринял это как должное. Как обычно, она успела уже встать; в комнате, когда я отдернул полог и осмотрелся, все выглядело по-старому, но казалось непривычным: шкаф для белья и умывальник стояли на тех же местах, на туалетном столике лежала красивая лаковая шкатулка с изображением тигриной охоты и с серебряными уголками, похожими на лапы. Но внезапно нахлынули воспоминания о прошлой ночи, и я сообразил, почему комната выглядит чужой: я уже долго тут не спал.

Спустившись вниз, я вздрогнул от звука мужского голоса, но в холле увидел, что это мистер Эмерис. Не теряя достоинства, он склонился над замком и засовами парадной двери. Даже в такой позе выглядел он великолепно: коричневый сюртук с золотым галуном, темные плисовые штаны до колен, треуголка, с пояса свисает дубинка. Деревенский констебль, церковный сторож (в каком-то качестве он, уже при ином атрибуте должности, провожал по

воскресеньям прочих дворян к их скамьям в церкви) и ризничий, он объединял в своем лице всю приходскую администрацию. Сидя с матушкой за завтраком в малой гостиной, я различал среди голосов в холле его негромкое низкое бормотание на ровной, ворчливо-успокоительной ноте.

– Взломщик, похоже, ничего не взял, – сказала мне матушка. – Ночью Биссетт нашла у передней двери пару серебряных подсвечников – должно быть, он уронил их, когда пытался выбраться, а все остальное как будто на месте.

– Здорово. Мы его напугали: он ничего не успел.

– Да, – кивнула она. – Вполне возможно.

Раздался стук, мистер Эмерис, едва приоткрыв дверь, чтобы протиснуть туда свое объемистое тело, вошел обратно, тут же закрыл ее за собой и сказал кому-то в холле:

– Очень вам благодарен, госпожа, позже я попрошу вас рассказать все заново.

Покачивая головой и вздыхая, он снял шляпу и сел по приглашению матери на софу.

– Вы уже пришли к каким-нибудь выводам, мистер Эмерис?

– Полагаю, мэм, я близок к тому, чтобы распутать это дело, – отвечал он хладнокровно.

– Хотите, я расскажу, что я видел? – выкрикнул я.

Хоть я собирался скрыть от всех самое интересное, мне все же очень захотелось оказаться в центре внимания.

– Я уже все это слышал от вашей маменьки и миссис Биссетт, – отвечал мистер Эмерис. – Так вот, мэм, что я думаю: преступник знал об оставленной лестнице. По словам миссис Биссетт, на крыше работал один из кровельщиков, Джоб Гринслейд. Он как будто водится с вашей служанкой, Сьюки Поджер.

– Ни за что не поверю, что здесь замешана Сьюки!

– Трудно спорить с очевидным, мэм. Я кое-что нашел под окном.

Театральным жестом призвав нас сдержаться на время свое любопытство, он встал и вышел, а мы с матушкой обменялись удивленными взглядами. Вскоре он вернулся вместе с Биссетт, которая, судя по всему, стерегла его в холле. При виде предмета, который он нес в руках, сердце у меня подпрыгнуло: это было точное подобие кротовой лопаты, какой пользовался накануне мистер Пимлотт.

– Смотрите, мэм. – Биссетт схватила у него лопату и стала размахивать ею, как посохом. – Это инструмент кровельщика!

– Ну, ну, миссис Биссетт, – с упреком произнес констебль, возвращая себе улику. – Это мое дело, с вашего позволения. Так вот, мэм, похоже, Джоба Гринслейда и вашу Сьюки вечерами частенько видели в деревне вместе.

– Чуть не каждый вечер, – добавила Биссетт.

– Учитывая это, а также оставленную лестницу, этот вот инструмент и все прочее, считаю, собрано достаточно доказательств, чтобы возбудить против него дело и взять его под арест.

Я все больше тревожился, потому что знал юного кровельщика и он мне нравился.

– Но это не Джоб! – воскликнул я.

– Как же, мастер Джонни, вы ведь говорили, что толком не разглядели того человека, так откуда вы знаете? – тут же вмешалась Биссетт.

Раскрыть правду я не решался, но мне пришло в голову другое возражение:

– Его видела миссис Белфлауэр, а уж Джоба она бы узнала.

Биссетт и констебль обменялись взглядами.

– Когда вы, юный джентльмен, поживете с мое, вам станет известно, что жизнь не всегда такая простая, как кажется.

– Верно, – поддакнула Биссетт. – Миссис Белфлауэр против этой девчонки слова не скажет. И против молодого Гринслейда тоже.

– Не верю, что это Джоб, – заявила мать. – Вы в самом деле не думаете, мистер Эмерис, что это был бродяга, который накануне приходил сюда просить милостыню?

– Не думаю. Просто так совпало, что он приходил в тот же день. И потом, учтите, мэм, из какой эта девушка семьи.

– Ага, – ввернула Биссетт, – и, как вы только что заметили, мистер Эмерис, ее прошлым вечером видели с Джобом. И всю ночь ее не было дома.

Тут мы услышали стук в заднюю дверь. Мистер Эмерис и Биссетт переглянулись, и констебль шепнул, когда она двинулась к двери:

– Не давайте ей поговорить с миссис Белфлауэр.

Биссетт возвратилась со Сьюки; измученная, с красными глазами, она вздрогнула, оказавшись пред лицом представителя закона.

– Простите, мэм, что меня так долго не было, – робко произнесла девушка. – У меня заболел дядя, и, знаете, тете тоже нездоровится, поэтому я всю ночь была у них, пока не пришла сестра меня сменить.

– Ох, Сьюки, дело совсем не в этом.

Мистер Эмерис предостерегающе поднял руку:

– Если позволите, спрашивать буду я, мэм.

Тут Сьюки заметно побледнела. Все же, хотя она была напугана с самого начала и пугалась все больше, по мере того как прояснялись обвинения против нее и Джоба, она упорно стояла на своем: отсюда она направилась напрямик в Хафем и находилась там безотлучно. Даже Биссетт не смогла ее сбить, смогла только довести до слез. Пришлось мистеру Эмерису признать, что под такие свидетельства ордер на арест ее и Джоба получить не удастся – хотя в виновности последнего он по-прежнему не сомневался и был убежден, что докажет свою правоту, стоит только предъявить мистеру Лимбрику инструмент и допросить самого Джоба.

* * *

Вскоре после полудня, при безоблачном небе, мы вышли на улицу: мать в белом прогулочном платье и соломенной шляпе от солнца, я в белой касторовой шляпе и бледно-голубом платьице. Мы направились в центр деревни и вскоре миновали деревенскую церквушку с большим неухоженным кладбищем. Из приземистых коттеджей с темными окошками прямо в голубое небо поднимался дым.

На ходу мы обсуждали происшедшее, и матушка повторила, что, как она думает, в дом вломился давешний бродяга.

– Если он мне опять попадется, – заверил я, – я его задержу и крикну мистера Эмериса.

Вдруг встревожившись, матушка встала как вкопанная.

– Обещай, Джонни, никогда не заговаривать с незнакомыми людьми.

– В деревне и чужих-то никогда не бывает, – пожаловался я и перевел взгляд вправо. – Оттого в постоялом дворе закрыли извозчичьи конюшни.

Напротив церкви находился единственный в деревне постоянный двор, старое, наполовину деревянное здание, которое словно склонялось к дороге, высматривая возможных гостей. Что и понятно, поскольку недавно была выстроена дорожная застава, большая дорога проходила теперь в полумиле от деревни, путники там больше не появлялись, и постоянный двор превратился в простой трактир. Прошел год, как перестал слышаться здесь грохот карет, несшихся к почтовой станции, и они сделались для меня не более чем воспоминанием, смутным, но славным.

– Можешь прочесть вывеску? – спросила матушка.

– Да. «Роза и Краб». – Но тут же я признался: – По правде, я не читаю, а знаю, что здесь написано. Но «Р» я узнал бы и без этого, и «К», конечно, тоже. Ты же понимаешь.

Когда, уже в давние времена, я спросил матушку, почему гостиница звалась так странно, она предположила, что слово «краб» обозначало сорт яблони. Как бы то ни было, картина на вывеске так выцвела от непогоды (да и живописец не отличался мастерством), что уверенно опознать можно было только розу, предмет же на заднем плане мог быть чем угодно, и мне нравилось видеть в нем не хорошо знакомый фрукт, а зловещего, похожего на паука морского обитателя.

– Еще немного, и ты будешь читать все что угодно, – заверила матушка, и мы, бредя через центр деревни, это обсудили.

Далее дома стали встречаться реже, по правую руку дорога вышла к реке и начала спускаться к Лугам, которые открылись теперь нашему взгляду: вокруг дома, в середине мутный пруд. Чтобы срезать путь к Силвер-стрит, где, как мне было известно, жили родные Сьюки, нужно было держаться правее, по краю Лугов. Но матушка никогда не ходила этим путем, потому что в паводок дорогу заливало и вообще это была не самая приятная часть деревни. Мы отвернули от Лугов и двинулись налево.

У домика на краю Лугов, где две пожилых сестры держали школу (я часто видел, как ходили туда и обратно ученики с книжками и грифельными дощечками), я спросил:

– Когда я научусь читать, я пойду в эту школу?

– Нет, я и дальше буду сама тебя учить. У нас будет собственная маленькая школа, очень веселая. Я попросила дядю Марти купить нам целую кучу книг, во вчерашнем письме сказано, что он их отправил, теперь их можно ждать со дня на день. Вот эту новость я и хотела тебе вчера рассказать. – Она схватилась за лоб. – Ох, за этой суматохой я забыла утром ответить на письмо. Напомнишь мне позднее, Джонни?

– Как по-твоему, какие он выбрал книги?

– Ну, – отвечала она, – он был немножко нездоров, а потому попросил другого джентльмена, чтобы тот выбрал книги, – мистера Сансю, мы оба его знаем.

Мы миновали пруд, где скапливалась речная вода, и в конце Лугов достигли моста; там дорога разветвлялась. Левая дорога большим кругом шла по деревне – этим путем мы пользовались всегда; другая, нами не хоженная, поднималась на Висельный холм, к дорожной заставе.

– Ну, пожалуйста, давай поднимемся на холм.

– Тебе было сказано уже сто раз, что никаких виселиц там больше нет.

Это было правдой, но я не мог поверить, что там так уж и не на что смотреть.

– Да ну их, виселицы. Я другое хочу увидеть, ты знаешь.

– Хорошо, мы пройдемся туда, но только до заставы.

Вначале дорога была зажата между высокой стеной слева и разросшейся живой изгородью справа, и по пути ничего нельзя было разглядеть. Однажды нам пришлось буквально вжаться в стену, когда с холма, подскакивая на дорожных камнях, прокатилась с грохотом большая повозка. Дальше верх стены местами был обломан, и мы видели по ту сторону густо-зеленый волнистый склон долины, там и сям украшенный случайным деревцем.

– Там вроде бы что-то блестит, – воскликнул я. – Как ты думаешь, это озеро?

– Это лесопарк при большом имении, – мягко заметила мать.

– Я вижу оленя!

– Да, они сохраняют дичь. – Через несколько шагов она добавила: – Кстати, Джонни, никогда не спрашивай Сьюки о ее отце. Ты сделаешь ей очень больно. Когда подрастешь, я тебе объясню.

Но я не слушал, потому что вот-вот должна была показаться застава. Временами я подскакивал, чтобы заглянуть за высокую живую изгородь, и однажды заметил верх большого

фургона, который предшествовал нам под прямым углом к нашему пути. Немного дальше мне уже не потребовалось подпрыгивать, чтобы увидеть груз – высокие охапки соломы – и человека наверху, но не кучера и не лошадей; поэтому казалось, что человек этот парит по волшебству над изгородью, как мальчик из арабских сказок. Двигалась эта громоздкая колымага на удивление быстро – явно быстрее, чем я, пеший. Взволновавшись, я повернулся и крикнул:

- Это, наверно, застава!
- Нам пора обратно.
- Ну, еще чуть-чуть, – заныл я.
- Нет. Погода портится, того и гляди пойдет дождь.

Это была правда, на востоке голубизна неба немного потемнела, хотя на западе по-прежнему светило солнце.

Мать потянулась ко мне, но я припустил в гору. К вершине путь сделался пологим, проезд расширился и превратился в грязное устье, откуда налево и направо расходились колеи. Внезапно я очутился на большой дороге: широкая, совершенно плоская каменистая полоса простиралась в обе стороны, местами терялась во впадинах хребта, неизменно появлялась снова и окончательно исчезала из виду на расстоянии две или три мили в том и другом конце. Я поскреб ее ногой, но зацепил лишь несколько мелких камешков; щебень держало твердое, смолянистое покрытие, какого я никогда не видел. У поворота стоял столб-указатель с надписью: «Л: CLIX», и теперь я знаю, какой город был обозначен буквой «Л».

День клонился к вечеру, небо начало темнеть, поднялся холодный ветер. Я посмотрел вниз на совсем крохотную деревню и попытался найти среди крыш нашу. Потом повернулся к парку и увидел, что в каких-нибудь нескольких ярдах находится выход прямо на заставу. По обе стороны стояли высокие столбы, увенчанные каменными шарами, большие ворота были распахнуты.

Тут меня догнала мать и, тяжело дыша, схватила за плечо.

- Ты в самом деле испорченный мальчик. Биссетт права.
- Ой, раз уж мы здесь, дождемся, пока проедет почтовая карета! – выкрикнул я.

Прежде чем матушка успела ответить, из ворот выкатилась карета, запряженная парой лошадей. Такого великолепия я не видел даже в те времена, когда в «Розе и Крабе» останавливались путешественники. Это было отлакированное, канареечно-желтое ландо, с нарядным кучером на козлах, а везли его превосходные серые лошади, подобранные под пару. Но в особенности привлекли мое внимание гербы на филенках.

Карета повернула к нам, и я заметил, как матушка внезапно побледнела. Рядом с нами карета словно бы притормозила, потому что я успел заметить двух седоков, которые, как мне показалось, высунулись наружу, рассматривая нас.

Это были старый джентльмен и мальчик, несколькими годами старше меня. Джентльмен сидел с нашей стороны, и я хорошо его рассмотрел. Волосы у него были редкие, седые, на выпуклом лбу залысины, лоб и все лицо уродовали большие пятна, напоминавшие мне коричневатых пауков. Нижняя губа нависала над длинной выступающей челюстью. Но больше всего поражали глаза, красные, глубоко запавшие, и под ними темные морщинистые мешки. Удаляясь, он повернул голову, словно не мог оторваться от лица моей матери, она тоже повернулась, волей-неволей отвечая на этот зловещий взгляд.

– Знала я, нельзя нам сюда, – пробормотала она, когда карета скрылась. – Ох, Джонни, что же ты наделал. Пошли, нам нужно немедленно вернуться.

Она пустилась в обратный путь, мне пришлось перейти на бег, чтобы не отстать.

– Кто был тот старый джентльмен? – спросил я. – Ты с ним знакома?

– Пожалуйста, Джонни, не задавай вопросов. – Матушка внезапно повысила голос. – Ты и так из рук вон плохо себя вел.

Мы шли быстро и молча, а я думал о том, о чем не осмелился ее спросить. Как я заметил, щит герба на дверце кареты был поделен по диагонали. На одной половине был изображен краб, как в жизни – с множеством ног, торчащих из панциря, с уродливыми клешнями у самой головы, – так что я, конечно, был прав относительно «Розы и Краба»! Но еще более примечательной оказалась вторая половина, с точно такой же фигурой из пяти четырехлепестковых роз, как на серебряной шкатулке для писем, которую я видел накануне.

* * *

Дома я был удивлен, наткнувшись на плотника и кузнеца: их, по распоряжению моей матери, вызвала в наше отсутствие Биссетт, и теперь в доме кипела работа. На передней и задней дверях были установлены более прочные засовы, на все окна, достижимые с земли, набиты перекладкины.

Даже задняя калитка в саду была снабжена острыми зубцами и висячим замком. Но этого мало, на следующий день работники вернулись и дополнили металлическими остриями также верх садовой стены и ворота. Вдобавок мать распорядилась, чтобы впредь с наступлением темноты слуги задвигали засовы на задней двери и запирали на замок садовую калитку.

Мне, однако, было не до того, потому что к нам прибыл с посыльным большой пакет. Матушка настаивала на том, чтобы я прежде допил чай, но я шумел до тех пор, пока не получил разрешения вскрыть пакет немедленно. К моему восторгу, там оказалась коробка с двумя десятками букварей, иллюстрированных чудесными офортами, среди которых немало было цветных.

– Давай начнем прямо сейчас?! – кричал я, в восторге перелистывая то один, то другой.

– Хорошо, только сперва я отвечу на письмо дяди Марти, поблагодарю за то, что он так замечательно все объяснил мистеру Сансью. – Матушка вышла из комнаты.

Вскоре раздался крик тревоги, и матушка вбежала обратно в общую комнату.

– Пропала отцова шкатулка для писем!

Призвав на помощь Биссетт, миссис Белфлауэр и Сьюки, мы обыскали все, что только можно. В конце концов нам пришлось отступить.

– Это он их утащил, мэм. – Биссетт не нужно было уточнять, о ком она говорит.

– Похоже, да, – согласилась матушка. Потом пробормотала себе под нос: – Пусть бы что угодно другое, только не ее.

Я спросил удивленно:

– Она такая дорогая?

– А как же, мастер Джонни, – вмешалась Биссетт, – она ведь из серебра!

Но матушка лишь печально покачала головой.

– Пока вас не было, – поведала Биссетт, когда миссис Белфлауэр и Сьюки вышли, – приходил мистер Эмерис и сказал, мистер Лимбрик, мол, клялся и божился, что тот инструмент не Джоба и вообще не кровельный. – Она покачала головой. – Какие прожженные бывают негодяи, даже представить себе трудно.

– Я никогда не верила, что это сделал Джоб, – сказала матушка. – А также и тому, что миссис Белфлауэр его узнала.

Биссетт тем не менее не отрекалась от идеи, что Джоб был в этом деле замешан, и продолжала упорно ее отстаивать.

Глава 4

С прибытием из Лондона посылки с книгами в моей жизни началась новая глава. По утрам, после завтрака, мы с матушкой усаживались за противоположные концы стола в общей комнате, на колени она клала вышивку, а перед собой – открытый букварь, откуда читала мне урок, я же слушал или, высунув от усердия язык и сосредоточенно хмурия брови, вырисовывал буквы на грифельной доске или корпел над задачкой.

Математика под матушкиным руководством продвигалась туго, зато мне очень нравилось слушать чтение и учиться читать самому.

Еще не умея разбирать слова, я был заворожен видом книг: иллюстрациями и оформлением. В первую очередь меня манили геральдика и карты – в особенности карты, которых имелось в доме немало, а больше всего одна, громадная, на веленовой бумаге, изображавшая окрестности Хафема и датированная почти веком ранее, – ее я рассматривал часами. (Загадка: в углу старинным почерком была написана фамилия дяди Мартина – «Фортисквинс».) Видя мой интерес, матушка договорилась с дядей Мартином, чтобы он послал мне карту Лондона, и в один прекрасный день к нам прибыл объемистый пакет: захватывающе подробная карта на двадцати двух страницах, опубликованная на следующий год после моего рождения. Я изучал ее час за часом, восхищаясь обширностью Лондона. Город сделался для меня местом не действительным, а воображаемым; чтобы прочитать сотни названий улиц, я торопился освоить грамоту. Вскоре я уже жадно поглощал «Дневник Чумного года» Дефо и страйповское издание «Обозрения Лондона» Стоу, справлялся одновременно по карте и замороженно отмечал, как менялся город со временем. Таким способом я «узнал» Лондон и был уверен, что не заблудился бы, по крайней мере в его центральных районах.

Наверное, я сделался, что называется, странным ребенком. Помню, как выглядывал ночью в окно и дивился, как странно все устроено: здесь деревья и дома, а там, наверху, луна и звезды, а самое странное, что я тут сижу и их рассматриваю. Я знал, что сверху на меня глядит Господь, потому что так говорили Биссетт и матушка. Няня уверяла, что если я буду хорошим, то отправлюсь на веки вечные на небеса, а если буду плохим, то отправлюсь в ад. Однажды, лежа в постели, я попытался представить себе эти «веки вечные». У меня в воображении возникла гигантская пропасть, куда я падаю, падаю и падаю, потому что дна у нее нет; матушка, няня, деревня – все это, по мере падения в нескончаемый пролом, делалось крохотным, отдаленным и бессмысленным; волосы у меня встали дыбом, сердце отчаянно заколотилось, и наконец я с усилием сосредоточил мысли на чем-то другом.

Как, наверное, все дети, я страшился в вещах их необусловленности, сомнительности. Мне хотелось, чтобы все имело цель, составляло часть композиции. Казалось, если я пренебрегу справедливостью, то нарушу композицию, и тогда, сотворив нечто безобразное и бессмысленное, лишусь права осуждать несправедливость, направленную против меня самого, и, еще того хуже, лишусь права надеяться на то, что в мире существует справедливость и порядок. Свою жизнь я видел как постепенное развертывание замысла, а удалось мне это или нет, еще предстоит узнать.

Выучившись читать, я нашел в книгах неиссякаемый источник удовольствия. В исторических и художественных сочинениях (я поглощал их часами, лежа на полу в общей комнате, при дневном свете, падавшем в окна у меня за спиной) мне виделась некая свобода, богатство опыта, которого мне, жившему в затворничестве, так не хватало. Иногда, наскучив чтением, я развлекался иначе: глядел из большого окна, как мимо проходит деревенский люд. Вот спешит фельдшер Джеймс Феттиплейс, а вот почтмейстер мистер Пассант со своей маленькой дочуркой. Вот неуверенно ступает под дождем в башмаках на толстой деревянной подошве мисс Медоукрофт. А по солнечным дням появлялись маленькие Яллопы, сыновья

главного деревенского бакалейщика, с молодым викарием, приставленным их учить. Дети, в отличие от взрослых, бросали иной раз взгляд на наш дом, и мне чудилось, что они при этом посмеиваются. Ни с кем из этих людей я не разговаривал, но их жизнь меня интересовала, и я сочинял про них истории: как мистер Яллоп в детстве сбежал на корабль, нажил себе состояние и женился на миссис Яллоп против воли ее родителей. Викарий был богатым герцогом, который инкогнито явился в деревню, чтобы искать руки мисс Летиции Медоукрофт, дочери приходского священника. Я спрашивал про них миссис Белфлауэр и Сьюки, но мои фантазии казались мне не такими скучными и, как ни странно, более правдоподобными, чем их рассказы.

Шли месяцы, миновал год, потом другой, и мне надоело запускать волчок и катать обруч на лужайках-террасах; я все больше злился из-за того, что не могу выйти за пределы дома и сада. Замечу между прочим: ни разу с тех пор я не видел у мистера Пимлотта кротовую лопату. (Это подтверждало мои подозрения, что он одолжил ее бродяге, помогая ему проникнуть в дом.) И еще я не отваживался больше забираться в заросли, прежде всего из страха, но также и по другой причине: вероятно, из суеверного желания сохранить некую неисследованную область, опасность, которой боишься, но знаешь в то же время, что можешь встретить ее лицом к лицу и при этом не пострадать.

В особенности я досадовал из-за своих ежедневных прогулок, поскольку деревенские ребяташки посмеивались, видя, как меня сопровождают, словно стражники, матушка или Сьюки; поэтому я обыкновенно забегал далеко вперед и делал вид, что гуляю один. Летом, видя детей, игравших на Лугах в орлянку, поцелуй в кружке или урони-платок, я завидовал тому, что они бегают босиком. Долгими летними вечерами я наблюдал из наших передних окон, как они на широкой улице играли в волан.

Но в первую очередь – и в то время, и позднее, когда я подрост и мне позволили уходить дальше от дома, – я завидовал моим ровесникам, слыша, как они переключаются у нас над головами с высоких ветвей, или видя, как они купаются в реке – ныряющие с берега тела мелькали в воздухе белой молнией. Раз или два, гуляя со Сьюки, мы встречали ее братьев, прежде всего Гарри, который был всего-то на несколько лет старше меня, и заставляли его за самыми увлекательными, как мне казалось, занятиями: он помогал гнать скот, пугал ворон или жал пшеницу. А вот Джоб попадался нам на каждом шагу и почти всегда ему было с нами по пути.

Джоб мне нравился, в особенности когда он не хихикал и не перешептывался со Сьюки, а рассказывал, чем он занимался мальчишкой. Он очень любил плавать и решил, что ему позволят научить и меня. Я попросил матушку, и в конце концов она разрешила.

И вот однажды, ясным воскресным днем, мы с Джобом отправились на реку, к запруде у Твайкотта. Учителем он оказался толковым, и в первый же день я очень многое освоил. Меня восхищало, как он нырял с берега и плыл под водой, я завидовал его умению, но не смел и подумать о том, чтобы повторить его подвиги, в особенности когда он проплывал под затвором заброшенной мельницы. Он попытался было меня научить, но, видя, как я напуган, сдался и сосредоточился на обычном плавании.

Такое у нас выработалось обыкновение, что в воскресные дни Джоб меня учил, а потом мы вместе отправлялись ко мне домой и пили чай на кухне со Сьюки и миссис Белфлауэр. Через месяц-другой, однако, Сьюки поведала мне со слезами на глазах, что теперь я его очень долго не увижу. Он внесен в список новобранцев. (Об этом, как она объяснила, позаботился мистер Эмерис, которому миссис Биссетт нашептала, будто он участвовал в попытке ограбления нашего дома.) Я был так расстроен, что матери пришлось в голову спросить Сьюки, не сможет ли старший из ее младших братьев, Гарри, дальше со мной заниматься. Сьюки удивленно подняла брови, но сказала, что, наверное, сможет.

И вот на следующее воскресенье я отправился на реку в компании Гарри, по большей части молчавшего, поскольку он не любил бросать слова на ветер, да и не рассчитывал услышать от меня ничего интересного. Это был стройный паренек с соломенными волосами, тяжелой челюстью и бледно-голубыми глазами. Он оказался не так уступчив, как Джоб, и требовал, чтобы я прежде всего научился находиться под водой и таким образом преодолел свой природный страх; мой испуг еще больше убедил его в том, что он прав. Он злорадно окунул меня с головой и держал так, хотя я барахтался и вырывался. Я искренне думал, что тону; помню, когда он наконец меня выпустил и я выбрался на берег, то, лежа там, хватая воздух и отплеываясь, я не сомневался, что доживаю последние минуты. Мой взгляд упирался в ближайшие ворота – обыкновенные ворота в ограде, окружавшей поле, – и они стоят у меня в памяти до сих пор, словно картина, помещенная в раму. В ближайшие несколько дней я все предметы видел как бы впервые, новыми глазами.

Как ни странно, метод Гарри действовал, я уже не боялся погружаться с головой и сделался таким искусником, что мы с ним начали соревноваться, кто быстрее проплывет под затвором. Но на следующее лето у Гарри не было времени на уроки, а матушка не пускала меня плавать одного, хотя, как я втайне думал, одному было бы безопасней, чем с таким наставником.

Я все глубже и глубже погружался в книги. Вдобавок к немалым домашним запасам, регулярно приходили все новые посылки от дяди Марти. Я прочел все имевшееся в библиотеке (а вернее, разбросанное по всему дому, потому что у нас не было помещения, которое бы служило именно библиотекой) и вскоре научился относить книги к нескольким вполне определенным категориям. Это были новые книги, присланные нам с матушкой из Лондона, романы приключенческие, романы бытовые, детские сказки и так далее. Наличествовали и тома куда более старые, изданные самое меньшее пять-шесть десятков лет назад и посвященные таким скучным предметам, как управление поместьем или сельское хозяйство, хотя попадались среди них и книги об истории, о путешествиях, а также учебник латыни. Я выделял их в особый раздел не только из-за их возраста, но и потому, что на них имелся очень простой экслибрис: всего лишь геральдический орел, а сверху инициалы «Д. Ф.». Их следовало отличать от другого раздела, книг преимущественно двадцати-тридцати лет давности, с удаленными, как мне показалось, экслибрисами. Все они трактовали вопросы юриспруденции, и я с досадой отложил их в сторону. И наконец, в немалом числе имелись детские книжки моей матери – хотя в этом я не был уверен, потому что они не были подписаны. Точнее говоря, у всех, за редкими исключениями, был отрезан край форзаца.

Освоив грамоту, я от корки до корки изучил «Тысячу и одну ночь» – сказки экзотические, но нередко грубые и непристойные, отчего матушка читала мне их не полностью.

В особенности нравилась мне длинная история об изобретателе – однако, на мой вкус, нередко неразборчивом – юноше Ала-ад-Дине, который переживает одно за другим невероятные приключения, чтобы наконец поправить дела своей обедневшей матери. И еще я прочитал, на сей раз до самой развязки, историю Сайеда Наомуна, который последовал за своей женой на кладбище и обнаружил ее с женщиной-гулем.

Я подхватил привычку или усвоил способность (не знаю, как лучше это определить) теряться (или, напротив, находить себя?) в книге, полностью отрешаясь от окружающего мира. (Кстати, впоследствии этот навык неоднократно служил мне добрую службу.) Я глотал труды по философии, путешествиям, истории и литературе, не успев даже усвоить значение этих терминов и научиться их различать. Не берусь перечислять все странные закоулки, куда я забредал, перспективы, мелькавшие у меня перед глазами, повороты, которым я следовал через сумрак. Часто я сбивался с толку, но проблески чего-то громадного, глубокомысленного, загадочного поддерживали во мне интерес. Плутал в обширных велеречивых писаниях

века прошлого (Великий Хан¹) и в напряженных, суматошных пьесах и прозе века позапрошлого. Мне открывались – прежде всего у Шекспира – страсти, природа которых обычно бывала непонятна, но проявления завораживали. Я читал о прокаженных, как они в давние века бродили по Англии, звоня в колокольчик и выкрикивая: «Нечист! Нечист!» – как прятали под капюшонами изуродованные лица; когда же они теряли последние силы, над ними читали заупокойную службу и запирали их в лепрозорий. Чтобы узнать, правдиво ли повествуют о Востоке мои любимые арабские сказки, я поглощал отчеты путешественников, читал о родах, приверженных тайному культу многоголовых богинь, о том, как его последователи душили по ночам случайно выбранных прохожих, принося их в жертву своим божествам, читал о ревнителях другого учения, находивших смерть под колесницей с их идолом. Читал о ненавидимой и презираемой индийской касте, члены которой появлялись на улице только по ночам и убирали нечистоты.

Матушка подолгу читала мне произведения сэра Вальтера Скотта, теперь же я самостоятельно принялся за его романы, в которых вымысел так искусно переплетен с историческими событиями, что их трудно отличить. Наверное, чтение исторических книг зародило во мне восторженный интерес к прошлому, к тому, откуда что взялось. Взрослые не помогали мне удовлетворить мое любопытство, только миссис Белфлауэр рассказывала о местных знатных родах, но ее повествования я не относил к разряду исторических, потому что она не указывала точного времени.

Мне все больше и больше хотелось узнать о прошлом. Откуда я происхожу? Где жила прежде моя мать? Расспросы она не любила, отвечала только, что росла в Лондоне. Усвоив, что наши предки не жили в этой деревне, я ничего так не желал, как обрести принадлежность, корни, раскрыть, что было до моего рождения.

Ключ я мог найти только в книгах. Я внимательнее изучил те, которые, видимо, принадлежали моей матери. Кое-где в углу форзаца мне попались буквы «М. Х.», и, поскольку матушку звали Мэри, оставалось предположить, что это ее инициалы. Далее я обратился к книгам по правоведению, ранее отложенным в сторону, и заметил, что в них когда-то были вклеены экслибрисы, но потом все до единого кто-то вырвал. Однако, поскольку удалены они были неаккуратно, я, сопоставляя остатки, восстановил оригинал. Он был похож на щит со знакомым рисунком из пяти четырехлепестковых роз. Наверху стояли слова: «Ex libris Дж. Х.», внизу – еще строчка, собрав которую по букровке я прочитал: *Tuta rosa coram spinis*. Все это было очень загадочно, однако приближалось уже время, когда матушка обещала удовлетворить мое любопытство, поэтому я приготовился терпеливо ждать Рождества.

Я предполагал, что слова эти латинские. Матушка не бралась учить меня этому языку, но я познакомился с ним на воскресных службах в церкви. В одно из воскресений произошло нечто, о чем я должен сейчас рассказать.

Была осень, мы отправились в церковь; матушка надела лучшую шляпку, желтое шелковое платье и набросила сверху мериносовый плащ; я был в высоких сапогах с отворотами, в синем сюртуке, светло-желтой жилетке, белом галстуке и кремовых штанах; как бывает осенью, к ощущению полноты жизни добавлялось зрелое в воздухе предчувствие непогоды. На деревьях лопались каштаны; мимо прошло несколько молодых людей с корзинками лещины и буковых орехов, которые они с утра пораньше собрали в лесу, чтобы, по деревенскому обычаю, преподнести своим возлюбленным. На трубах и соломенных крышах собирались ласточки, готовясь лететь в теплые края.

Как всегда, мы явились в церковь едва ли не первыми и проскользнули на нашу тесную скамью (сидели мы далеко позади и за колонной). Под визг и щебет настраиваемых инстру-

¹ Великий Хан Литературы – прозвище, данное писателем Тобиасом Смоллетом выдающемуся лексикографу Сэмюэлю Джонсону (1709–1784).

ментов церковного оркестра – кларнетов, труб, тромбонов, фаготов, валторн, скрипок и контрабасов – я наблюдал за мистером Эмерисом, который, с величавым достоинством сжимая свой жезл, сопровождал приходских почетных лиц через толпу деревенских жителей (они уже успели заполнить церковь и теперь почтительно расступались) к их скамьям в первом ряду. Эти скамьи, откуда был хорошо виден алтарь, принадлежали их родам как неотчуждаемая собственность, и я, с тех пор как стал интересоваться геральдикой, очень злился, что мы не владеем одной из них.

Наконец на трехэтажную кафедру взошел священник, доктор Медоукрофт. Клерк Эдваусон, внизу у аналая, возгласил номер первого гимна, и служба началась. Пока оркестр с хрипеньем и свистом наяривал Утренний гимн, я, как обычно, следил за многоцветными тенями, перерезавшими пыльные лучи, которые шли от витражей.

От гимнов у меня сводило скулы, потому что их язык был скучен. Но я наслаждался словами и фразами Книги общей молитвы и псалмов, прежде всего названиями грехов, которые звучали настолько театрально, что я никак не мог бы отнести их к себе: мстительность, жестокосердие, идолопоклонство, алчность, суета и непотребство. Многие из них я не понимал и позднее, обнаружив, что обозначаемые ими понятия уже мне известны, был разочарован. Но с особым нетерпением я ожидал проповеди, не потому, правда, что меня хоть сколько-нибудь интересовало ее содержание. (Постепенно я понял, что священник заготовил набор проповедей, которые повторяет каждые два года, скромно полагая, что на такой длительный срок они в памяти слушателей не удержатся.) Во время проповеди я мог на досуге разглядывать мемориальные плиты из бледного мрамора, украшавшие стены по соседству, разгадывать смысл латинских надписей и задаваться вопросом, что случилось ныне с семьями, которые бахвалились древностью своего рода и заслугами предков. Их имена не встречались мне нигде, кроме как в названиях соседних деревень: Деспенсер, Деламейтер, Момпессон, Торкард, Сатчвилл и Лейси, а также в топонимах наподобие Хэмптон-Торкард, Стоук-Момпессон, Сент-Джонс-Лейси и прочие.

Однако с нашей скамьи почти не был виден самый роскошный в церкви памятник, на стене напротив алтаря. Я знал, что, едва служба закончится, мать, по своему неизменному обыкновению, покинет церковь первой, и решил на этот раз подобраться поближе и рассмотреть памятник хорошенько. При звуках заключительного гимна матушка поднялась на ноги, я же соскочил со скамьи и двинулся вперед. Обернувшись, чтобы послать ей улыбку, я поймал ее испуганный взгляд. Но это меня не смутило, я остановился перед рядами скамей и впервые увидел, что бывает после нашего ухода: владельцы скамей ждут, пока доктор Медоукрофт займет место в дверях, а потом вереницей следуют мимо, обмениваясь с ним рукопожатиями и словечком-другим.

Пока тянулся этот церемониал, я вышел вперед, чтобы взглянуть на памятник. Он походил на гигантский каменный стол, под которым располагался еще один, и именно этот нижний привлек мое внимание в первую очередь, так как на нем покоился скелет, словно бы в насмешку повторявший позу фигуры с верхнего стола. Верхняя скульптура изображала рыцаря в великолепных доспехах, набожно скрестившего руки на груди. Холодный черный мрамор местами был испещрен мелкими щербинами, местами же отполирован до блеска проходившими мимо людьми. Выражение лица, источенного временем, не читалось, однако надпись из медных букв под ногами рыцаря, хоть и со сглаженным рельефом, еще можно было различить: «Жоффруа де Хафем, эскв.» Вглядевшись пристальней, я обнаружил снизу еще строчку: *Tuta rosa coram spinis*.

Тут матушка схватила меня за руку и прошипела:

– До чего же непослушный мальчишка.

Она повела меня к двери, и мы оказались в хвосте очереди, следовавшей мимо священника.

Когда мы с ним поравнялись, он удивленно поднял брови и протянул матушке руку.

– Рад вас приветствовать, миссис Мелламфи. Часто вижу вас в заднем ряду во время проповеди и размышляю о том, что на небесах более радости будет²... помните?

Матушка зарделась и быстро кивнула.

По пути из церкви я рассуждал:

– Ерунда какая-то. Ну что за радости в этой церкви?

Матушка молчала, все еще сердясь на меня, но я об этом не думал, потому что в пути домой и за обедом, которым нас встретила миссис Белфлауэр, мои мысли были заняты другим. Сегодняшние открытия так дразнили мое любопытство, что я решил, не дожидаясь Рождества, до которого оставалось еще несколько месяцев, тут же приступить к расспросам.

И вот, в тот же день за чаем (сидя дома в уюте и безопасности, меж тем как снаружи все сильнее задувал ветер), я спросил:

– Мама, что значит «Дж. Х.»? Мне эти буквы попадались в книгах.

– Доедай бутерброды, Джонни, и не задавай лишних вопросов.

– Я хочу лимонного кекса. – По правилам полагалось сперва закончить с бутербродами, но я указал на очередной шедевр миссис Белфлауэр, стоявший посреди стола. – И еще я хочу узнать про «Дж. Х.». И что значат те латинские слова.

– Мой отец говорил, что они означают: «Защита розы в ее шипах». Это фамильный девиз. То есть вот так предки старались жить.

Мысль о том, чтобы иметь девиз и им руководствоваться в жизни, мне понравилась, но смутил принцип, состоявший в том, чтобы прятаться и защищаться.

– Это он был «Дж. Х.», правда? – Матушка заколебалась, и я продолжил: – Помнишь, ты обещала ответить на мои вопросы в следующее Рождество? Оно уже скоро, так ответь сейчас.

– О чем ты хочешь знать?

– Во-первых, как звали твоего папу?

– Этого, Джонни, я тебе сказать не могу.

Раздался стук в дверь, и вошла Сьюки.

– Мэм, можно убирать чайные приборы?

– Да, Сьюки. – Перехватив мой взгляд, мать добавила: – Только оставь кекс и тарелку для мастера Джонни.

Помня, как смутилась однажды матушка, когда я задал этот вопрос при миссис Белфлауэр, я добавил:

– И еще хочу узнать о своем папе.

Мать ответила удивленным взглядом, Сьюки, как я заметил, внезапно подняла голову от подноса, куда складывала чашки. Когда Сьюки с подносом удалилась, матушка вышла из-за стола и села у окна на софу.

– Помнишь шкатулку с охотой на тигра, что стоит на моем туалетном столике?

Я кивнул.

– Сбегай, принеси мне ее, ладно?

Я сломя голову выбежал из комнаты, но в холле внезапно замедлил шаги, увидев Сьюки, которая стояла у подножия лестницы и с трудом удерживала одной рукой поднос, а другой шарил у себя в кармане передника.

Услышав мои шаги, она резко обернулась.

– Ох, мастер Джонни, как вы меня напугали.

– Фу, глупая головушка. Что ты тут делаешь? Уйди с дороги.

Я взбежал по лестнице, схватил лаковую шкатулку и отнес матери.

² Евангелие от Луки, 15:7.

Она положила шкатулку на софу между нами и повернулась ко мне.

– Я сейчас скажу тебе что-то очень важное. Я собиралась еще потянуть с этим разговором, да и ты, наверное, слишком мал и не все поймешь, но, боюсь, надолго его нельзя откладывать. Мне придется решить, делать кое-что или не делать. Если я решу делать, то нужно будет спешить, а когда сделаешь, то переделать уже не удастся. И это очень-очень касается тебя. Понимаешь?

– Да. – Я заметил, что пальцы ее коснулись футляра, который висел у нее на поясе.

– А теперь, сыночек, – продолжила она, – ты должен помочь мне с выбором. Если я решу это сделать, мы с тобой будем бедны, но, что важно, никто не задумает причинить нам зло или забрать тебя у меня.

– А зачем кому-то этого хотеть? – спросил я.

Прежде чем ответить, мать на мгновение опустила глаза.

– Помнишь, вначале я сказала, что у нас есть выбор? Так вот, если я решусь на то, о чем шла речь, то, возможно, в один прекрасный день наши дела поправятся.

– Мы разбогатеет? Сумеем купить коляску и лошадей?

– Не настолько, но ты сможешь получить хорошую работу. Правда, тогда нам будет грозить опасность.

– Какая опасность?

– У нас есть враг, нехороший человек, – отвечала она серьезно, – может быть, он попытается нам навредить. Помнишь человека, который пробрался к нам в дом?

– Да, конечно! – Я немного покраснел, вспомнив Джоба, которого мог бы освободить от подозрений, но промолчал.

– Так вот, думаю, его послал наш враг. Понимаешь, как мне трудно на что-нибудь решиться? Ты должен помочь мне сделать выбор.

– Опасность грозит мне или тебе?

– Немного мне, но в основном тебе.

– За себя я не боюсь, что бы ни случилось, – объявил я. – А тебя я не дам в обиду.

Матушка задумчиво посмотрела на меня.

– Ладно, пока я, во всяком случае, ничего предпринимать не собираюсь.

– А что же шкатулка? – спросил я.

– Думаю, пора тебе кое-что узнать. – Выбрав один из ключей в связке, прицепленной к поясу, она отперла замок. Потом откинула крышку и, убрав кусок синего бархата, который лежал сверху, вынула пакет, обернутый в гофрированную бумагу. В пакете обнаружился маленький медальон в форме сердечка, на золотой цепочке. – Смотри, вот так он открывается. – Она нажала на крохотный выступ сбоку, крышка распахнулась, внутри показалась миниатюра.

– Можно посмотреть? – спросил я, и матушка дала мне медальон.

В одной половинке сердечка помещался портрет юной дамы, в другой – молодого джентльмена. В даме я легко узнал свою мать – очень молодую и, как мне подумалось, очень красивую. Джентльмен тоже был очень красив: с большими карими глазами на тонком, довольно печальном лице.

– Это мой папа?

Матушка опустила глаза и тихо промолвила:

– Портрет был сделан за несколько дней до нашей свадьбы.

– А где он теперь?

Она качнула головой.

– Расскажи. Ты обещала. Так нечестно. Почему ты не говоришь?

– Я не обещала рассказать тебе все без остатка. – В голосе матушки угадывались слезы. – Я не могу, Джонни.

– Можешь. Ты обещала. Это нечестно.

Она печально завернула медальон в ткань и вернула в шкатулку. Тут послышался топот, и дверь распахнулась. Мы удивленно вскинули брови: внутрь влетела миссис Белфлауэр, красная и запыхавшаяся. Увидев наши лица, она остановилась. Потом воскликнула:

– Ох, мэм, пожалуйста, идемте скорее. С нею не все ладно.

– В чем дело? – вскрикнула матушка.

– Это у нее в кармане, но ей вроде бы позволено, хотя, по мне, ей и без того истощать не грозит. Но она говорит, ей положено, пока она на службе.

Мать быстро вышла, миссис Белфлауэр последовала за нею по пятам.

Недовольный тем, что матушка не сдержала обещание, я вынул медальон и вновь его открыл. Вертя его в руках, я обнаружил на обратной стороне гравировку: две пары инициалов, так искусно переплетенных, что трудно было их различить. Знакомые «М. Х.», а следующие как будто «П. К.». Загадочная «К» запомнилась мне с того дня, как в дом вторгся посторонний, и теперь нужно было бы восстановить в памяти остаток слова, ставшего таким важным. Кладя медальон на место, я заметил под бархатом что-то еще, сдвинул его и обнаружил листок бумаги. Любопытство взяло верх над щепетильностью, я убрал ткань: листок был сложен пополам и запечатан большой красной печатью с оттиском знакомого рисунка, четырехлепестковой розы. На листке была надпись, поблекшая, в чернильных пятнышках (похоже, случайно размазанных), но вполне различимая: «Адресат сего мой возлюбленный сын – и мой наследник. Джон Хаффам».

Я поспешно прикрыл письмо тканью. Хаффам! Странно, что эта фамилия, обозначенная вездесущей буквой «Х.», была та самая, издавна знакомая, хотя и в другом написании! В моем мозгу замелькали предположения, но меня прервала вернувшаяся матушка.

– Что там стряслось? – спросил я.

– Ничего. Было небольшое недоразумение, но все уже уладилось, – объяснила она с усталой улыбкой.

Закрыв шкатулку, она протянула ее мне.

– А теперь поставь ее на место и отправляйся спать. Уложит тебя миссис Белфлауэр: Сююки ушла к себе.

– Она заболела? А что такое с Биссетт?

– Не то чтобы заболела, но няня сегодня немного не в духе.

Я знал, что это значит, и радовался такому везению.

* * *

Итак, не Биссетт, а миссис Белфлауэр, отдуваясь и проклиная меня на чем свет стоит, спешила за мной вверх по лестнице, а я улепетывал с криками и смехом, забыв в пылу гонки о страшных тенях, что подстерегали в спальне.

– А теперь быстро в постель, – проворчала миссис Белфлауэр затем. – А то продрогнете, ночь больно студеная. Слышите, как разгуливается ветер?

Она держала мою ночную рубашку, а я протискивался внутрь. Чистое, пахнувшее крахмалом полотно окутало мне голову, затуманивая свет свечей, я утонул в белом тумане, пока не обнаружил случайно, куда сунуть макушку, и не увидел комнату и миссис Белфлауэр, которая закрывала шторы.

– Что сделалось с пшеницей, это просто ужас, – заметила она. – Говорят, такого никудышного урожая не было уже давно. Страшно и подумать, сколько будет стоить на Святках четырехфунтовая булка. В деревне народу... – Она осеклась. – Только бы девочка успела уже добраться домой.

– Наверняка добралась, – успокоил я миссис Белфлауэр, сидя в постели и наблюдая, как она убирает мою одежду.

– Если не отправилась проведать тетю и дядю. Ему, видно, опять неможется. – Миссис Белфлауэр покачала головой. – Бедная девочка. С ее семьей хлопот не оберешься. Но они ведь из Хафема, это плохая деревня, чего еще и ждать-то.

Сверкнула молния.

– Почему это Хафем плохая деревня?

– Сказать не могу, но плохая – хуже некуда. Даже Мампси, уж на что люди состоятельные и со связями тут и там, и те дрянь. Со всех сторон слышишь рассказы о них и их проделках.

– Мампси, – повторил я. Фамилия была мне незнакома. По полям в нашем направлении прокатился гром, и я задрожал от восторга, потому что любил бурю. – Что за рассказы?

– Да по большей части о том, как они обзавелись большим домом и землей. Ведь им это все досталось от семьи, которая там жила спокон веку – с тех еще времен, когда римляне строили в Даунсе укрепления.

– А как их звали? – спросил я.

– Хафем, как деревню, правда, кто первый получил это имя, ведасть не ведаю.

Хаффам! Выходит, здесь жила семья, носившая эту фамилию! Потомки Жоффруа! Наверняка я как-то с ними связан!

– Расскажите мне эту историю? – попросил я.

– Не сейчас, слишком она длинная.

– Но я все равно не усну в такую бурю!

Тут же вновь сверкнула молния, послышались громкие раскаты грома.

– Хорошо, – кивнула миссис Белфлауэр и грузно опустилась на краешек постели. – Это история о том, как на дом, землю и всех, кто ими владел, пало жуткое проклятие.

– Боже! – воскликнул я, потому что мне очень нравились проклятия миссис Белфлауэр. Как правило, они кончались дуэлью или сумасшествием.

– Ну вот, эти самые Хафемы жили в большом доме на окраине деревни. Поживали они тихо-мирно век за веком, но тут, как бывает со старыми семьями, пошли вымирать. Дошло до того, что остались от них всего лишь один старик и трое его детей: две дочери и мальчик. Сын, Джемми, был молодой негодник. Я так говорю потому, что он всю транжирил деньги, просадил все состояние за азартными играми, пил и занимался всякими непотребствами в Лондоне.

– Что за непотребства, миссис Белфлауэр?

– Всякие-разные, – отрезала она. – Ну вот, взял он за себя богатую наследницу, которая принесла ему пятнадцать тысяч фунтов, и породил с нею сына и дочь. Мальчика звали Джон.

Джон Хаффам!

– Как меня! – крикнул я.

– Джонов на земле сколько угодно. А девочку они окрестили именем Софи. Ну вот, за несколько лет он потратил все женины деньги, а обращался он с нею так плохо, что разбил ее сердце и она умерла. А он все продолжал в том же духе, дошло до того, что никто уже не давал ему в долг ни гроша. Прослышал тогда этот Джемми об одном ростовщике в Лондоне – все кликали его дьяволом или дьяволовой родней, потому что, говорили, он был из некрещеного народа и звался Старый Ник. И вот приходит Джемми однажды к Старому Нику и просит дать ему займы тридцать тысяч фунтов. «А залог какой?» – спрашивает Старый Ник.

А Джемми отвечает: «Пока жив отец, у меня не будет ни гроша». А Старый Ник ему: «Предлагаю такую сделку: можешь соглашаться, можешь нет. Я одалживаю тебе тридцать тысяч фунтов, а ты должен поторопить своего отца на тот свет. А когда унаследуешь поместье, то отдашь мне в жены свою дочь, Софи. Землей можешь владеть до самой своей смерти,

но, если не отдашь долг, потом она достанется детям Софи». Джемми согласился, ведь он от этого ничего не терял, и Старый Ник научил его, как избавиться от отца, и дал то, что для этого потребно.

– Как же он собирался его убить? – поинтересовался я.

– А как вы думаете? – Она посмотрела на меня задумчиво.

– Самое лучшее – отравить.

– Ага, угадали. Вернулся Джемми в большой дом и на следующий вечер, когда они со стариком вместе выпивали, подсыпал ему в вино яд, и отец в ужасных мучениях помер. Джемми унаследовал поместье, Старый Ник одолжил ему тридцать тысяч фунтов, а взамен Джемми отдал ему свою дочь, Софи. Ей сравнялось всего-навсего семнадцать годков, и была она красавица, а Старый Ник был старый урод, и потому она исплакала все глаза.

Тут я с досадой услышал приближавшиеся шаги матери. Матушка не должна была узнать, что я расспрашиваю про семейство Хаффам, ведь она могла догадаться, что я видел письмо.

– Вы оба, похоже, очень уютно устроились, – улыбнулась она.

– Я как раз начала рассказывать мастеру Джонни историю, – пояснила миссис Белфлауэр.

– Думаю, ваши истории нравятся ему больше, чем волшебные сказки, которые я ему читаю. – Матушка улыбнулась мне.

– Нет-нет, – сказал я. – Я люблю и то, и другое. Но истории, которые рассказывает миссис Белфлауэр, правдивые, потому что они случились с живыми людьми.

– Так продолжайте, миссис Белфлауэр, – предложила матушка.

– Нет, пожалуйста, конец я послушаю в другой раз, – поспешно вмешался я.

– Какой же ты невоспитанный, Джонни.

Миссис Белфлауэр поднялась на ноги.

– Раз вы здесь, то я уж пойду, мэм. Доброй вам ночи, и вам доброй ночи, мастер Джонни.

Она наклонилась и поцеловала меня в лоб.

– Доброй ночи, миссис Белфлауэр. И спасибо вам за историю.

– Спи спокойно, голубчик. Надеюсь, гроза пройдет стороной.

Когда она ушла, матушка сказала:

– Джонни, ты безобразно вел себя с миссис Белфлауэр. А еще раньше – со мной.

– Неправда.

– Правда. Пожалуйста, постарайся исправиться.

– Мне не нужно стараться, – заупрямился я. – Я и так хороший.

Матушка вздохнула, простилась, поцеловала меня в лоб, затушила свечу и вышла.

Уютно устроившись под одеялом, я стал слушать, как тихо воет ветер, как рыщет вокруг дома и трясет дверями и окнами, словно отыскивает щелку, чтобы проникнуть внутрь. Еще одна вспышка молнии, залившая всю комнату неземным светом, таким ярким, что, вновь оказавшись в темноте, я словно бы ослеп, – и гроза наконец разразилась. Едва над головою прокатился гром, хляби небесные внезапно разверзлись, и стремительные капли застучали в окна, как пригоршня камешков. Мне подумалось о побитых посевах вокруг дома, о том, как под мокрой соломой жмутся друг к другу испуганные мышки и птички.

Конечно, я как-то связан с семейством Хаффам! Девиз похожий, а еще и письмо, которое я видел сегодня. И тут мне пришла еще одна мысль: печать-то не была сломана. Матушка не распечатывала это письмо! Означает ли это, что оно было адресовано не ей? Тогда кому?

Я постарался сосредоточиться на этой загадке, но в голову полезли другие мысли. Как странно быть окруженным кирпичами и шифером, которые отделяют меня от холода и сырости. Но нынче, когда ветер накатывал на дом волна за волной, раскачивал шторы и оконные

рамы, я задался вопросом, долго ли он сможет противостоять ударам, потому что Сьюки рассказывала мне о том, как в деревне ветром сносило крыши; и я представил себе плиты нашей крыши, улетающие в воздух, как горсть осенних листьев. Конечно, у зверей есть шкуры, а у птиц перья, которые не дают им промокнуть, – вроде просмоленного брезента, им укрывают, как я видел, телеги. И с такими вот мыслями я, не дождавшись окончания бури, погрузился в сон.

Глава 5

Следующий день выдался холодным, погода хмурилась, словно на нее плохо повлияли вчерашние излишества. Матушка провела из-за бури бессонную ночь, Биссетт все еще была «не в духе»; они отказываются гулять со мною после полудня, объявили они, за мной теперь не угнаться, очень уж длинные у меня выросли ноги, а посему эта задача возлагается отныне на Сьюки. Таким образом я смог исполнить замысел, который уже очень долго вынашивал.

– Пойдем на Висельный холм, – как ни в чем не бывало предложил я и двинулся в направлении деревни.

– Вы же знаете, это не позволено, – отозвалась она. – Да и первой всего мы должны заглянуть к моей матушке.

– Так нечестно, – запротестовал я. – Это тоже не позволено.

Сьюки встревоженно обернулась.

– Дядюшка снова приболел, я хочу узнать, как он там. Вы ведь не выдадите меня, а, мастер Джонни?

Матушка, надо заметить, не высказывалась определенно по поводу прогулок в эту часть деревни, но ей и не было известно, что Сьюки меня туда водит.

– Нет, если ты обещаешь повести меня сегодня к дорожной заставе.

– К заставе? – весело прощепетала она. – Ну, хорошо. Мы сделаем петлю через Лоуэр-Хемпфорд.

Я был удивлен и даже разочарован столь легкой победой; Сьюки уронила себя в моих глазах, проявив такую уступчивость.

Мне пришло в голову, что Сьюки втайне идет против желаний моей матери, в точности как я вчера, когда рассматривал медальон и письмо. Если так может поступать Сьюки, то, наверное, в этом нет ничего плохого, но я все же чувствовал, что это плохо: мне ведь не хотелось, чтобы матушка меня тогда застала. Дело, по-видимому, заключалось в том, что нарушать запреты – поступок нехороший, но все же не такой плохой, как лгать или воровать. Если бы матушка, вернувшись в комнату, спросила, что я делал, я бы скорее сказал правду, чем солгал.

Скоро мы достигли Силвер-стрит, которая тянулась вдоль южного края Лугов и состояла из двух рядов низких домиков по обе стороны речки (ей следовало держаться в пределах своего широкого, размытого русла в середине дороги, но часто – как в этот день, после грозы – вода подступала к самому краю тротуаров). Домишки с кривыми стенами из дранки и глины, с гнилыми соломенными крышами словно бы норовили стыдливо спрятаться, отступить в грязь, от которой и так едва отличались. Напротив показался домик Сьюки, и нам, поскольку мы следовали другим берегом, пришлось перебираться по ряду больших плоских камней.

– А теперь будьте хорошим мальчиком, подождите здесь, – попросила Сьюки и вошла в дом.

Домик Сьюки прижимался к еще одному, точно такому же, как будто они искали друг в друге опору. Единственное окошко представляло собой небольшую дыру, забитую тряпками и щепками. Постукивая ногой об ногу и дуя на озябшие пальцы, я наблюдал, как несколько

оборванных ребятишек тащили в соседний дом ведро воды. По другому берегу шли два мальчика с вязанками дров. Один был чуть старше меня, другой приблизительно мой ровесник. Жалкая, обтрепанная одежонка была им велика, босые ноги обмотаны дерюгой – так обычно ходила в морозы деревенская детвора.

– Ты откуда? – крикнул старший, и оба – недобрый знак – положили вязанки на землю.

– Ты ведь от священника, да? – прокричал второй.

Я помотал головой.

– Ты от священника, – настаивал старший мальчик. – Твой папа – его брат, приехал в гости.

– Нет, ты ошибаешься, – мягко возразил я.

– Тогда кто твой отец? – Мальчик ухмыльнулся.

Я заколебался, и он выкрикнул:

– Не желает говорить!

Я увидел, как младший что-то поднял с земли. Не успел я опомниться, как в мою сторону полетел камень и шлепнулся в траву в нескольких футах от меня. Другой мальчик тоже наклонился за камнем.

– Я готов драться с одним! – крикнул я. – Но двое на одного – это нечестно.

– Да ну? – прозвучало в ответ, и в меня полетело два камня. Оба промазали, и старший мальчишка завопил:

– А ну, Дик! Давай на ту сторону, поймем его и вздуем.

Набрав камней, они начали пересекать поток, но приостановились, чтобы дать еще один залп.

К счастью, один из камней ударил в дверь дома, и оттуда мгновенно выбежала Сьюки, угрожающе размахивая корзинкой (хотя вряд ли собиралась ею швыряться).

– Убирайся прочь, Том, сын Джо, а не то скажу твоему папаше, чтобы отделал тебя ремнем по первое число! К тебе это тоже относится, Бобов Дик!

Бормоча угрозы, мальчишки подобрали свои вязанки и пошли дальше.

– Вы целы, мастер Джонни? – беспокойно спросила Сьюки.

– Да, Сьюки. Они промазали. Подошли бы ближе, я бы их так взгрел, как им и не снилось.

– Ну, слава богу, все обошлось, – вздохнула Сьюки и двинулась в путь.

– А почему мы туда идем? – спросил я, видя, что мы направляемся к Висельному холму.

– Я должна отнести еду моей бедной тете. – Сьюки указала на свою корзинку. – Больше пойти некому. Если мы поторопимся, то успеем смотаться в Хафем и обратно до чая. Но пообещайте никому не говорить, что мы туда ходили.

– Да-да, обещаю! – обрадовался я, так как слышал, что тропа в Хафем на одном из участков идет вдоль дороги на заставу.

Ага, Сьюки вела себя из рук вон плохо! Но мне случалось поступать даже хуже, чем вчера: я ведь скрыл от всех, что взломщик говорил со мной и что я его узнал. И про историю с кротовой лопатой я умолчал. Когда я набрался храбрости, чтобы спросить об этом старика-садовника, он как раз перестал к нам ходить.

– Сьюки, что стало с мистером Пимлоттом? – спросил я.

– Он больше не будет работать на вашу матушку. Пошел жить в богадельню.

– Почему?

– Потому что он слишком старый и не может сам за собой присмотреть. Как мой бедный дядя. Скоро он потеряет место – эконо так сказал ему и тете; слишком он хворый, какой из него теперь привратник. А если их выселят оттуда, в этом приходе им в богадельню не устроиться, придется возвращаться туда, где родились.

Мог ли мистер Пимлотт быть причастен к взлому? Пока Сьюки болтала, я снова задал себе этот вопрос. Тогда я в это не верил, отчасти потому, что вспоминал, как яростно он защищал собственность моей матушки от захватчика-крота. Но теперь думал, что по молодости лет мог и ошибаться. Или взломщик действовал в одиночку?

– Я никогда не верил, что Джоб замешан во взломе, – заметил я.

– Бог мой, мастер Джонни, как же так получилось: я целый день только о нем и думаю, и тут – бац! – вы называете его имя. Вы ведь знаете, его забрали в солдаты и увели, а все потому, что мистер Эмерис, что бы ни стряслось, во всем обвинял его.

Наверное, я был не прав, что промолчал, даже если правда грозила неприятностями мистеру Пимлотту.

– Сьюки, – спросил я, – разве хорошо с твоей стороны вести меня туда, ты же знаешь, моя мать этого не желает?

– Но мой дядя заболел! Хочешь не хочешь, а пойдешь.

– Выходит, иногда ты решаешь поступить плохо, потому что, если поступишь иначе, получится еще хуже?

– Верно-верно, мастер Джонни, – благодарно закивала она.

– Тогда, – обрадовался я, – ты с тем же успехом могла бы сказать: почему бы не нарушить закон, если тебе это нужно. Но знаешь, Сьюки, человек, который пробрался в наш дом, мог рассуждать точно так же.

Я как замороженный наблюдал за тем, какое мощное воздействие оказали мои слова на Сьюки: она застыла на месте и, потеряв дар речи, уставилась на меня.

– Но если он был голодный, мастер Джонни, – прорвало ее, – если он смотрел, как плачут от голода его детки, а он знал, что в доме есть что взять, а хозяевам эта вещь не нужна, они о ней даже не знают, а добывать ее трудно и опасно, то разве он будет не прав, если пойдет и попробует?

И вновь я пожалел о том, что матушка запретила мне спрашивать Сьюки о ее отце. Как бы то ни было, ответ на ее вопрос был очень простым:

– Нет, Сьюки, потому что, если не соблюдать закон, каждый у каждого сможет забирать все, что ему угодно. И где мы все тогда окажемся?

Это заставило Сьюки прикусить язык. Но мысль была интересная: ради чего-то хорошего можно сделать что-то плохое.

– И что ты скажешь, когда моя мать захочет узнать, где мы были? – спросил я. – Соврешь, что мы и близко не подходили к заставе?

– Но вам совсем не к заставе запрещено подходить! – выкрикнула она и осеклась.

Не к заставе! Тогда почему матушка вечно отказывалась ходить этой дорогой? Мы шагали в молчании, а я размышлял. Потом я обратился к другой загадке:

– Сьюки, не расскажешь ли мне об отцах? О, я говорю не о твоём отце, – поспешно вставил я, а Сьюки покраснела, – я говорю о своем.

– Об этом я ведать не ведаю, мастер Джонни.

– Но мне только и хочется узнать, не умер ли он за много лет до моего рождения?

– Нет, вряд ли. Нет, конечно же нет.

В задумчивом молчании мы продолжали путь. У самой заставы Сьюки внезапно сказала:

– Мой отец нарушил закон. Больше я ничего не скажу, я и этого не должна была вам говорить.

Ее слова я отложил про запас, чтобы обдумать потом, а теперь мои мысли были заняты дорожной заставой, разочарованием, которое я испытал, не увидев ни с той, ни с другой стороны никаких средств передвижения. Мы прошагали еще полмили вдоль парковой стены по левую руку, и проехали мимо нас всего-то две повозки и легкий фаэтон.

– Пора поворачивать назад, мастер Джонни, – огорченно вздохнула Сьюки, когда мы достигли поворота на Хафем.

– Можно чуточку подождать? – спросил я.

В тот же миг до меня донесся издали металлический визг.

– Послушай, Сьюки. Там что-то едет.

– Нам нужно поторапливаться, мастер Джонни.

Дорога взбиралась по протяженному склону и приблизительно в миле сворачивала; к этой точке и был прикован мой взгляд. Внезапно там что-то появилось. Прежде чем я успел разобраться, что это, раздался перестук – такой дробный и от такого множества конских копыт, что прежде я ничего подобного не слышал. Я различал уже карету и упряжку, галопом несшиеся нам навстречу. Видел лошадиные головы в шорах, они вздергивались и тянулись в сторону, словно противясь движению, и в то же время длинные передние ноги так и мелькали в воздухе, как бы подбирая под себя дорогу. Вот показался закутанный в плащ кучер, он сидел на козлах, держа перед собой кнут, показалась и сама карета, ярко-красная и блестящая. Внезапно Сьюки схватила меня и бесцеремонно оттащила на широкую травянистую обочину.

Карета была уже близко, стук копыт и больших, окованных металлом колес по твердой дороге становился все оглушительней, тяжелые удары отдавались у меня в голове. Пронеслись мимо лошади, до их гигантских голов, выкаченных глаз, казалось, можно было дотянуться рукой, потные бока отливали блеском; за ними – карета, похожая на огромное чудовище на шатких ногах; мелькнули в окнах лица внутренних пассажиров; мелькнули кучер и внешние пассажиры на крыше, жавшиеся друг к другу под ветром.

Еще мгновение – и экипаж укатил, и мне осталось только следить из-под руки Сьюки, как раскачивался и подскакивал его тыл на неровной дороге.

Мы оба помолчали, потом я спросил:

– Видела, Сьюки? Это была почтовая карета, что ходит из Йорка в Лондон. «Стрела».

– Да что вы? – Лицо Сьюки все еще пылало от волнения. – Откуда вы знаете?

– Это было написано на боку большими золотыми буквами, – сообщил я гордо, потому что Сьюки, конечно, не владела грамотой. – Хотя, – добавил я с досадой, – это была не «Королевская почта».

– О чем я только думаю! – внезапно воскликнула она. – Нам пора.

Мы поспешили вниз по пешеходной тропе, по левую руку тянулась та же ограда. Она была сильно разрушена, и местами нам виден был парк, спускавшийся на дно долины; плотные заросли кустарника и деревьев обозначали путь скрытой от глаз реки; далее ее серые воды разливались вширь, образуя озеро.

Мы прошли краем Стоук-Момпессона, где вдоль широкой главной улицы стояли два ряда красивых домиков, прошагали еще полмили, пока беспорядочное скопление грубо оштукатуренных хибар справа не подсказало, что мы добрались до места. По сравнению с Мелторпом эта деревня была совсем уж убогая, мне она напомнила Силвер-стрит, только растянутую: жалкие одноэтажные домишки из сучьев утесника, скрепленных глиной и известковым раствором, на многих крыши из торфа. Я думал увидеть поблизости большой дом, но он не показывался.

– Штука в том, что деревню передвинули, – объяснила Сьюки. – Она теперь не относится к приходу, а усадьба относится.

Мы шли еще минут десять, и только тут Сьюки объявила:

– Вот здесь живет моя тетка.

Она указала на небольшой домик, рядом с двумя высокими каменными колоннами, каждую из которых венчал шар. Меж колонн помещались двустворчатые черные ворота,

очень высокие, искусной кузнечной работы, в причудливых завитках и цветочках; их скрепляли большой висячий замок и цепь, стойки заканчивались остриями.

– Вы не против обождать здесь чуточку, а, мастер Джонни? Озорничать не будете?

Я кивнул, и Сьюки вошла в дом. Одолеваемый любопытством, я приблизился к воротам и заглянул между перекладин, с которых, обнажая ржавчину, облуплялась черная краска. За воротами просматривался мощеный двор, каменные плиты (их, видно, уже долгие годы никто не приводил в порядок) не заросли ни мхом, ни травой, но расшатались и местами были сдвинуты.

Вдалеке смутно вырисовывался контур дома. Глядя под углом, я все же догадывался, что по размеру он громаден, и так же, как и все остальное, запущен. Окна были то ли закрыты ставнями, то ли обсыпаны краской, облезшей с рам и перекладин; из труб не поднимался дым, у многих отсутствовали колпаки; с видимой мне части крыши свалился шифер; в целом дом походил на брошенные, необитаемые развалины.

Тем не менее из-за угла дома показался, толкая перед собой тачку, человек в рабочей одежде. Он начал собирать обломки каменной кладки и шифера – вероятно, они свалились во двор накануне, во время бури.

Вскоре из-за дома вышли еще двое. Я смотрел на них, зная, что надо бы отойти от ворот, но что-то меня удерживало. Казалось, большой пустой дом Хафемов (или Хаффамов?) затронул в моей душе какую-то струну и пробудил в ее сокровенных глубинах эхо, зову которого я не мог противиться.

Когда те двое подошли поближе, я разглядел, что это были маленькая девочка приблизительно моего возраста и высокая пожилая дама, обе в черной одежде. Дама остановилась побеседовать с работником, девочка же (заметив, видимо, меня) продолжала медленно идти к воротам, туда, где стоял я. Лицо у нее было бледное как полотно – настолько бледное, что я подумал, не больна ли она; темные глаза от этого казались совсем черными. Руки она прятала в муфте, которую несла перед собой, и в целом ее маленькая фигурка имела вид странный и торжественный.

– Ты ведь не из деревенских мальчишек, правда? – спросила она.

Обещание, данное матушке, обязывало меня не вступать в беседы с незнакомыми людьми, но, сказал я себе, это относится к взрослым, а никак не к маленькой девочке.

– Нет, – отозвался я.

– Мне строго запрещено знаться с детьми из деревни, – пояснила девочка.

– А ты разве не в деревне живешь?

– Нет. Я живу здесь.

– То есть в этом большом доме? – заинтересовался я.

– Да.

Она сказала об этом как о самом что ни на есть обыденном обстоятельстве.

– Та леди – твоя мать?

– Нет. Моя мать умерла. Отец тоже. Так что я круглая сирота.

Сирота? Интересное слово. Я позавидовал девочке, но потом сообразил, что и сам, наверное, могу назваться сиротой – по крайней мере, наполовину.

– Та леди – экономка, – объяснила девочка. – Мне, конечно, полагалась бы гувернантка. У меня была не одна, но опекуны сказали, что все они не подходят. Миссис Пепперкорн очень строго следит, чтобы я не разговаривала с чужими.

Позади девочки виднелась высокая фигура экономки, которая продолжала разговор с работником. Они, судя по всему, были друг с другом не согласны, работник несколько раз порывался уйти, но дама не замолкала, и ему приходилось возвращаться.

– Она очень близорукая, наверняка тебя не разглядит, – продолжала девочка. – Но если увидит, то прогонит прочь, а меня накажет.

– Накажет? Как?

– Отправят спать без чая, это точно, – спокойно пояснила она. И добавила: – А может, и высекут.

– Высекут?

Она вынула руку из муфты и показала мне жуткие красные полосы на тыльной стороне.

– Тогда, наверное, – сказал я, – лучше мне будет уйти, пока она не увидела.

– Нет, – очень решительно заявила она, – мне хочется еще с тобой поговорить. Мне ведь тут не с кем словом перемолвиться.

– Братьев или сестер у тебя нет? – поинтересовался я.

– Нет. Только миссис Пепперкорн и Бетси, и еще двое слуг, но с ними говорить тоже не позволено.

– И больше ни души – в таком большом доме?

– Ни единой. Но, знаешь, большая часть комнат закрыта. Мы живем только в нескольких. Вот бы здесь были еще дети. А у тебя есть братья и сестры?

– Нет. И знакомых детей тоже нет.

– А как тебя зовут?

– Джон Мелламфи.

– И это все? – удивилась девочка.

– Да. А тебя как зовут?

– У меня очень длинное имя. Хочешь, назову его полностью?

– Да, пожалуйста.

Она набрала в легкие воздуха, закрыла глаза и проговорила:

– Генриетта Луиза Амелия Лидия Хафем Палфрамонд. – Открыла глаза и, не переводя дыхания, пояснила: – Маму звали Луиза, а Генриетта и Лидия были двоюродные бабушки. Вот насчет остальных не знаю.

– Но Хафем? – воскликнул я. – А как это пишется – так же, как название деревни?

– Да. Х-а-ф-е-м.

Желая показать, что я, хоть ношу всего два имени, также не лыком шит, я воскликнул:

– Это и мое имя тоже! Во всяком случае, я думаю, его носил мой дедушка, только писалось оно иначе: Х-а-ф-ф-а-м. Так, знаешь ли, звалась семья, которой принадлежали этот дом, деревня и все окрестные земли.

– Не может быть, – фыркнула девочка.

– Очень даже может. (Вот ведь хлебом ее не корми, дай только сказать поперек.) – Знаешь, Мампси... – Я заколебался. – Они все это получили от Хаффамов.

– Мампси! Не Мампси, а Момпессоны. «Мампси» говорят только деревенские.

Я залился краской стыда. Конечно же, эта фамилия была мне знакома по памятнику в церкви. Почему же я не связал ее с той, которую упомянула миссис Белфлауэр?

– Ты наверняка ошибаешься, – продолжала Генриетта, – ведь я знаю, что этот дом построил дед моего опекуна.

– Так, может, он носил фамилию Хаффам?

– Не думаю, потому что моего опекуна зовут сэр Персевал Момпессон.

Я сгорал от унижения. Выходит, несчастная миссис Белфлауэр все переврала и я зря воображал, будто имею к этому месту какое-то отношение. А эта девочка живет здесь по праву, если сэр Персевал Момпессон ее опекун!

Увлеченные разговором, мы не заметили, как экономка рассталась с работником и подошла к воротам. Голос ее раздался совсем близко:

– В письме к мистеру Ассиндеру я пожалуюсь на наглость этого малого. Заявляет мне нахально, что не может починить окно без... – Она осеклась, поднесла к глазам лорнет, который висел на цепочке у нее на шее, и воскликнула: – Мисс Генриетта? Что это, мальчик?

– Да, миссис Пепперкорн, – как ни в чем не бывало ответила Генриетта.

– Выходит, вы, вопреки строжайшему запрету вашего опекуна, затеяли разговор с деревенским ребенком?

– Он не из деревни, миссис Пепперкорн, – холодно возразила Генриетта.

– В самом деле? – Экономка воззрилась на меня через лорнет. – Вижу, он похож на сына джентльмена. – Она спросила меня: – Как фамилия вашего отца?

Вопрос меня смутил. С одной стороны, я уважал обещание, данное моей матушке, не разговаривать с чужими людьми, с другой – не мог же я быть настолько невежливым, чтобы не ответить на прямой вопрос?

– Его зовут Джон Мелламфи, – вмешалась Генриетта.

– Мелламфи, – повторила экономка. – Не знаю поблизости ни одного солидного семейства с такой фамилией. Как бы то ни было, вы, мисс Генриетта, нарушили распоряжение сэра Персевала. Мы немедленно возвращаемся в дом, а я решу, как вас наказать.

– Он хоть и чужой, миссис Пепперкорн, – произнесла Генриетта, – но говорит, что его дедушку звали Хаффам, а это одна из моих фамилий, так что, выходит, он не совсем чужой.

– В самом деле? – Экономка быстро повернулась ко мне. – Где живет ваш батюшка, мастер Мелламфи?

– Не могу вам сказать.

Приняв, несомненно, сказанное за дерзость, экономка поджала губы и собиралась заговорить, но тут ко мне подскочила Сьюки.

– О, мастер Джонни! Непослушный мальчишка! Вы ведь знаете, вам нельзя разговаривать с чужими. Что на это скажет ваша матушка?

Она схватила меня за руку и потащила прочь.

– Пойдемте. Мы опаздываем. До Мелторпа еще добрый час ходу.

Поворачиваясь, я бросил последний взгляд на Генриетту: похожая на узницу, она все еще прижимала свое бледное личико к черной кованой решетке, а на плечо ей опускалась рука экономки, затянута в черную перчатку.

– Ох, мастер Джонни, – заговорила Сьюки, пока мы спешили прочь из деревни, – только бы мне из-за вас не попасть в передрыгу. Пожалуйста, не говорите никому, что мы здесь побывали. Ни матушке и никому другому.

– Но, Сьюки, если матушка спросит, где мы были, не могу же я солгать?

Сьюки вдруг застыла на месте, и я, поскольку она держала меня за руку, тоже остановился. Обернувшись, Сьюки произнесла торжественно:

– Прошу, мастер Джонни, не говорите ничего такого, из-за чего я могу потерять место. Знаю, вы в глубине души добрый мальчик и не хотите зла моей семье.

– Обещаешь, что, когда мы будем гулять, позволишь мне пойти на заставу и побыть там, сколько я захочу? – Она кивнула. – Хорошо. Тогда я тоже обещаю.

Мы прошли еще несколько шагов, и у Сьюки вырвалось:

– Ох, ну что нас сегодня понесло в Хафем! Не вышло бы из этого какой беды. Да и дядюшка совсем плох. А случись с ним что, бедную тетюшку выпроводят за порог.

Я слушал ее вполуха, раздумывая о том, возможно ли, что между мною и Генриеттой существует родственная связь, и значит ли это, что я имею какое-то отношение к семейству Момпессон.

Когда мы добрались домой, мать, ждавшая у задней двери, вошла в кухню, пока мы снимали верхнюю одежду.

– Вы очень припозднились, – сказала она. – Я беспокоилась. Где вы были?

Вопрос был обращен к нам обоим. Я, покраснев, отвел глаза, но Сьюки, тоже пунцовая, тут же отозвалась:

– Мы ходили за Овер-Ли, мэм. Там очень плохие проулки.

– Наверняка вы ходили дальше. Вернулись на целый час позднее, чем обычно.

Щеки у Сьюки пылали; совсем растерявшись, она бросила на меня отчаянный взгляд. Я не успел опомниться, как из моего рта полилась бойкая речь:

– Когда мы вернулись к Овер-Ли, брод оказался совсем затоплен, пришлось обходить по тропе через Мортсейский лес.

Чувствуя на себе взгляд Сьюки, я отвел глаза.

– Тогда вы, наверное, смертельно проголодались, – заметила матушка, и я, поняв, что она поверила моей лжи, испытал одновременно облегчение и испуг. Я говорил, чтобы защитить Сьюки, так как признал: бывают случаи, когда ложь оправданна. Но если разрешена ложь, разрешены и некоторые другие вещи, и тогда вообще не понятно, как вести себя в этом мире. А еще меня восхищало ощущение своей силы: я создал историю, которая сделалась реальной, оттого что в нее поверила моя мать, историю о том, как мы самым невинным образом блуждали между Овер-Ли и Мортсейским лесом.

Книга II

Потерянные друзья

Глава 6

Вообразим себя стоящими зимним днем, несколько лет назад, в западной части Лондона. Сгущаются сумерки, отчего эта большая тюрьма для светского общества делается еще угрюмей; величественно-неприветливые улицы и площади все плотнее укутывает туман, делая их похожими на плавучие темницы на якоре, узилища наподобие многих, предназначенных для содержания Света и перевозки его к обширным берегам модной скуки. Но самая из них унылая и мрачная – Брук-стрит. А самый унылый и мрачный дом на унылой и мрачной Брук-стрит (где мы, собственно, и находимся) – это тот, над парадной дверью которого укреплен ярко раскрашенная металлическая табличка – «Свидетельство аристократических претензий»; о тех же претензиях говорят и окна – очень высокие и пустые, они взирают на противоположную сторону с гримасой светского высокомерия. А самое высокое и пустое из этих высоких и пустых окон – это центральное окно огромной парадной залы на втором этаже.

Рядом с нами на тротуаре топчется субъект в потрепанном верхнем сюртуке и шляпе, поля которой опущены ему на самые глаза. Задрав голову, он рассматривает один из домов. Мы тоже, подобно ему, вскидываем подбородки и, отвратив взгляд от Бедности, устремляем его к высотам Богатства, Надменности и Могущества.

В центральном окне второго этажа едва различается (поскольку внутри еще не зажигали огней) некая высокая фигура. Мы, однако, не осуждены оставаться и далее на холодном тротуаре, а имеем средства, чтобы войти в комнату. Оттуда нам видно, что высокий человек у окна – это джентльмен в черном, он стоит к окну спиной и обращается к собеседникам – даме и еще одному джентльмену. Дама сидит в шезлонге, второй джентльмен полулежит в кресле, а его прикрытые пледом ноги покоятся на скамеечке.

Начнем, как положено, с леди: Надменность – дама в шезлонге – являет собой воплощение британской женской красоты: высокая, с величавой осанкой, но в тонком рте сквозит намек на жестокость. В лице полулежащего напротив нее Богатства прослеживаются одновременно принадлежность к древнему роду и грабительский образ жизни, длившийся веками: холодные голубые глаза жестокого тана, большой нос хищного норманна, желтоватые челюсти алчного тюдоровского царедворца, мародерствующего во времена Роспуска Парламента. Что касается Могущества, стоящего у окна, то его характер как нельзя яснее читается в кустистых черных бровях, выпуклых надбровных дугах, красноватом лице человека, не терпящего, когда низшие ему противятся.

Входя, мы слышим голос Могущества:

– Если говорить об этом, то мы по крайней мере знаем, что у нее есть ребенок, который, как бы то ни было, рожден в законном браке. И это нам на руку.

– Конечно, – томно вставляет дама, – если считать неопровержимой законность происхождения ее отца.

– Что ж, раз уж та сторона не сумела опровергнуть ее за полвека, вряд ли она преуспеет сейчас. – Ответ Могущества звучит твердо, но почтительно. – Хотя я бы почувствовал себя куда более уверенно, если бы нашлась брачная запись. И кстати, последние донесения подсказали мне идею, где ее искать.

– Как любопытно. – Ноту интереса Надменность, однако, в свои слова не вкладывает, считая это вульгарным. – Объясните, будьте добры, что вы имеете в виду.

– Если позволите, я тотчас объяснюсь. Но если это в самом деле та женщина, которую мы ищем, то как же ей хватило смелости поселиться в той самой деревне?

– Я подробно расспросила свою служащую, – холодно и подчеркнуто бесстрастно произносит дама, – и она ни минуты не сомневается, что служанка, сопровождавшая ребенка, упомянула это имя.

– Это нелепо! – нетерпеливо восклицает Богатство. – Какой-то бред. Разве лисица, спасаясь от собак, побежит напрямик в их конуру!

– В первое мгновение я и сам так подумал, – слышится хладнокровный голос у окна. – Однако достаточным подтверждением служит то, что с тем местом существует связь через ее... ее покровителя, Фортисквинса.

– И что вы рекомендуете предпринять? – спрашивает дама.

– Я предлагаю использовать прямой путь, но одновременно продолжать окольные действия, к которым мы уже прибегли. В первую очередь...

Он замолкает, потому что в залу входят двое лакеев со свечами.

– Не задернуть ли портьеры, миледи? – спрашивает один из лакеев.

– Да, Эдвард.

Джентльмен в черном отходит от окна в глубину комнаты, лакеи расставляют на пристенных столиках свечи, потом задерживают портьеры. Молчание прерывается только после того, как за ними тихонько захлопнулась дверь. Тогда (с какой стати Могуществу замечать Обслужу?) джентльмен в черном продолжает, словно бы не прерывался:

– Под прямым путем я – с вашего разрешения – разумею вот что: я отправлюсь туда и сам с нею поговорю.

– Не опасно ли это, – удивляется Надменность, – притом что за вами ведется наблюдение? Если ее обнаружит та сторона...

Она смолкает.

– От наблюдателей я сумею скрыться. Один из них стережет сейчас на улице, потому-то я и стоял в окне. Постоянно им показываясь, я их избаловал, усыпил бдительность и теперь проскользну у них между пальцев.

Дама усмехается.

– И вы уверены, что она согласится это отдать?

Ответ внезапно предваряет джентльмен в кресле:

– Возьмите с собой парочку крепких парней, пусть ее принудят.

– При всем своем уважении повторяю еще то, что имел честь произносить уже много раз: не нужно превращать закон во врага, если можешь использовать его как союзника.

– Думаю, нет смысла возобновлять этот спор, – бросает дама.

– Полагаю, однако, она должна внять голосу разума, – продолжает Могущество.

– Как же, – слышится восклицание Богатства. – Она должна знать, что у нас на руках все козыри.

Могущество улыбается даме.

– Она сама у нас в руках, сказал бы я. Кроме того, там я продолжу розыски записи, о которой только что шла речь, поскольку мне напомнили, что эта деревня связана с историей вашей и ее семьи. Нужная запись может найтись в церковных книгах или на кладбище. – Помедлив и бросив осторожный взгляд на Богатство, он добавляет: – Воспользуюсь также случаем и поговорю кое о чем с управляющим.

Дама предостерегающе покачивает головой, но поздно. Богатство восклицает:

– Опять за свое! Этот человек служит у меня долгие годы. А до него служил его дядя. Не желаю слышать о нем ничего дурного.

Могущество идет на попятный:

– Я всего-навсего хотел обсудить с ним проект местного закона об огораживании общинных земель.

– Да уж, – замечает дама. – Злосчастный закон. Скажите, есть ли какие-нибудь успехи?

Джентльмен извлекает из саквояжа пачку бумаг, перевязанную красным шнурком, и по приглашению дамы садится рядом с нею на софу. Начинает распутывать им же завязанные узлы. Ах, сколько же несчастий связано этим шнурком! Сколько судеб схвачено этими узлами! Но оставим троицу за их занятием.

Глава 7

Хотя я часто вспоминал о Генриетте, мы со Сьюки больше не ходили вместе в Хафем. Помимо прочих соображений, ее дядюшка в самом деле через несколько дней умер, и ей уже не было смысла туда стремиться.

За прошедшие месяцы (а зима в тот год выдалась ранняя) я заметил, что письма из Лондона сильно расстраивали матушку, хотя чем именно, она не говорила.

Близились Святки, и, возвращаясь домой с вечерних прогулок, мы с матушкой и Сьюки встречали обычно компании христославов – местных мальчишек и музыкантов из церковного оркестра со своими инструментами; обвешанные рождественской зеленью, они ходили из дома в дом (не заглядывали только в наш) и выпрашивали в награду за пение засахаренные фрукты и мелкие монетки.

Однажды поздним утром, за несколько дней до Рождества, щекочущий запах корицы, имбиря и гвоздики заманил меня в кухню, где миссис Белфлауэр терла пряности и взбивала яйца для рождественского пудинга – предназначенного, разумеется, не для ближайшего, а для следующего Рождества. (Судьба распорядилась так, что в первый раз в моей жизни мы ели этот пудинг без нее.)

– Не поможете ли мне замешать в тесто чары? – спросила она, указывая на небольшую кучку монеток и мелких предметов на столе.

– Хорошо, – отозвался я без особого восторга, хотя в прежние годы обожал это занятие; теперь же я немного из этого вырос.

– Помните, нужно загадать желание? Но только одно. И никому о нем не рассказывать, а то не исполнится.

– Ну да, помню. Но вот что, миссис Белфлауэр, не могли бы вы сейчас досказать мне ту историю?

– Какую, голубчик?

– О том, как Момпессоны обманом завладели землями семьи Хаффам. – Увидев в ее глазах недоумение, я добавил: – Помните, Джемми Хаффам оставил без наследства собственного сына, Джона?

– Вот теперь вспоминаю, голубчик. Вот только приведите мне на ум, докуда я дошла?

– Джемми должен был убить своего отца, потому что взял деньги взаймы у Старого Ника.

– Ага, помню-помню. Так вот, когда Джемми явился к нему за деньгами, Старый Ник говорит: «А что дашь в залог?» И Джемми в ответ: «Разве что свою душу». «Беру, – говорит Ник, – но только ты еще человек молодой, ждать мне придется, глядишь, лет пятьдесят, поэтому придется тебе добавить, а иначе денег не будет». Ну и, одним словом, потребовал Старый Ник: «Пиши законное завещание, чтобы, если не вернешь деньги, мне и моим наследникам досталось твое имение».

– Потому что его дети все равно будут приходиться Джемми внуками, так ведь?

– А как же, голубчик, – рассеянно согласилась миссис Белфлауэр. – Я сейчас добавлю муки, и тогда можете бросать туда монетки. «По рукам», – говорит Джемми. И тут Старый

Ник ему: «Но у тебя есть сын, Джон, если ты его отстранишь от наследства, он может обратиться в суд. Поэтому нам надо подписать такой договор, чтобы никак его было не нарушить». Сочинил он такой договор, и Джемми подписал его собственной кровью.

– А потом убил своего отца, – воскликнул я, – примешав яд к вину (тут я уронил в тесто потертый шестипенсовик), – и тот в муках скончался.

– Все верно. Его крики были слышны по всему большому дому и даже долетели до Хафема.

– Это тот самый дом, который там стоит сейчас? – тут же спросил я.

– Тот самый. – Миссис Белфлауэр усердно размешивала тесто.

– Значит, все это выдумки! – торжествующе воскликнул я. – Тогда этот дом еще не был построен.

– Наверное, правда ваша, голубчик. По соседству был еще старый дом, уж не знаю, что с ним случилось, там-то все и происходило. – Как ни в чем не бывало она продолжила: – Ну вот, времечко шло, а Джемми не бросил своих дурных привычек, все так же выпивал, резался в карты и творил всякое такое, что и помянуть не хочется. Однажды вечером играл он в кости с сэром Персевалом Мампси. И вот сэр Персевал...

– Но это не мог быть сэр Персевал!

– Почему, мой утенок? Подбавьте-ка еще монеток, голубчик.

– Потому что вы говорите, это было давным-давно, а он ведь еще жив. – Я добавил в смесь гнутую-перегнутую гинею времен Георга Второго – лучший из волшебных предметов, который всегда оказывался в моем куске пудинга.

– Значит, это был его отец, – не смутилась миссис Белфлауэр, – и он тоже звался сэром Персевалом. Он был богат из богатей, черных невольников имел тысячи, на его венчание в Лондоне явились сами король с королевой смотреть, как он взял за себя одну из самых знатных в стране леди, свадебная карета была вся в золоте, и перед нею шли по улицам сотни черных рабов. Пора положить еще что-нибудь. Киньте старый фартинг с женской головкой. И вот тот вечер, о котором я толкую, он проводил с Джемми Хафемом за азартной игрой и...

– Азартная игра? Что это?

– Это игра в кости, так я понимаю.

– Но что значит это слово? – Я бросил в миску монету и на миг закрыл глаза, чтобы загадать желание – то желание, которое только сейчас вот-вот исполнится.

– Что значит? А должно оно что-то значить? Это просто название, а названия не значат ничего. И, скажу я вам, играл он тем вечером с сэром Персевалом, но кости выпадали не так, и он потерял все, что имел. По конец ему уже нечего было ставить, кроме имения. И хотя он знал, что не владеет им целиком – долг ведь не был выплачен, – он все-таки поставил имение на кон, и дело решал один бросок. Сэр Персевал выбросил пять очков, и это значило, что Джемми тоже нужно не меньше пяти. Но он выкинул крабов и проиграл.

– Крабов?

– Так говорят, когда кто-нибудь выкинет мало очков. И вот Джемми отдал ему имение. Оттого-то Мампси взяли в девиз краба, и еще пять цветков, знак Хафемов. И сэр Персевал начал строить себе тот большой и красивый дом в Хафеме, где уж не знаю сколько бальных залов, и лестниц, и парадных комнат. И план по его указанию был составлен так, что главный корпус и крылья были похожи на пять точек на игровой кости: по точке в углах и одна в середине.

– Но дом совсем не такой! – Я вспомнил, что никто не должен был знать о нашей со Сьюки прогулке туда, и добавил, запинаясь: – То есть мне так говорили.

– Ну да, он выстроил только середину и два передних крыла, и тут даже его больших денег не хватило. Правда, он успел разрушить большую часть старой деревни, чтобы заложить парк, на мили и мили вокруг. Старый Ник на Джемми очень разозлился и, пого-

варивают, так его напугал, что тот умер. Но пятьдесят тысяч фунтов Джемми не уплатил, и потому...

– Прежде вы говорили тридцать.

– Проценты выросли, и стало пятьдесят. Так или иначе, взял он долговую расписку Джемми и пошел с нею к лорд-канцлеру, чтобы тот истребовал для него у Мампси имение Хафемов.

– В пользу своей жены Софи и ее детей, потому что она была дочь Джемми?

– Вот именно. Все-то вы замечаете, мастер Джонни, но Мампси не хотели уступать, они сказали, что это был честный выигрыш, спор не кончался и не кончался – говорят, идет и по сей день.

– Но ведь у Джона было больше прав, чем у Момпессонов?

– Ох, у меня и из головы вон. Ваша правда, мастер Джонни. А случилось вот что. У сэра Персевала была красавица-дочка, леди Лидди, они с Джоном встретились и полюбили друг друга.

Я вздохнул: история близилась к переломному мигу.

– Понятно, – быстро вставил я. – После глупых недоразумений и размолвок они убежали и поженились. А теперь расскажите, что стало с иском Джона, почему он не вернул себе имение.

– Да, мастер Джонни, ума вам не занимать, – весело отозвалась миссис Белфлауэр и, прежде чем продолжить, хорошенько размешала пудинг. – Они и вправду бежали, но поженились или нет, о том вы узнаете чуть погодя. А перед побегом леди Лидди пришла к Джону и рассказала, как ее отец хвастался, что надул Джемми.

– Я так и знал! Он играл фальшивыми костями!

– Все верно. Больше того, она подписала бумагу, где говорилось, что она это слышала от отца. Потом они бежали в Хафем.

– Но почему? – удивленно спросил я.

– Почему? Да потому, что так уж было в те дни заведено, чтобы влюбленные убегали. Но сэр Персевал их выследил, и на площадке перед старым домом – четыре дерева в углах и статуя в середине – у них состоялась дуэль. А леди Лидди смотрела в окно и молила Бога, чтобы ни с одним ничего не случилось, но победил бы Джон. Так оно и вышло: Джон разоружил сэра Персевала и мог выбирать, казнить его или миловать. Но тут леди Лидди увидела, как ожила статуя, и что это не статуя вовсе, а незнакомец, весь в черном. Не успела она крикнуть возлюбленному, чтобы он остерегся, как незнакомец подобрался к нему сзади и заколол в спину.

– Что? Он был убит?

– Конечно. – С раздражающе довольной улыбкой миссис Белфлауэр энергично размешивала пудинг.

– Но они точно не поженились с леди Лидди и не родили детей?

– Совершенно точно, и она так ни за кого и не вышла, потому что помешалась от горя, бедняжка.

– А кто был его убийца?

– Этого никто не знает. Но верно одно: этот старик и в наши дни показывается окрест Хафема. Одет в черное, лицо – как сама смерть. Люди поговаривают, будто это Старый Ник собственной персоной. А послушать других, так это убитый старик-отец. Находятся и такие, кто говорит, что это Джемми: он, мол, потерял душу и не может покинуть этот свет. Так ли, иначе ли, но с тех пор, как на Мампси свалилось проклятье, канцлерский суд, им ни в чем не везло, вот почему большой дом опустел, земли превращаются в болото, стены разваливаются, на фермах нет арендаторов.

Пока она говорила, я вздрогнул, вспомнив старика, который так напугал мою матушку.

– Ну да все это уже быльем поросло. Не дадите ли мне вот то блюдо?

Протягивая ей блюдо, я подумал о том, что на карете старика имелось изображение краба и пяти роз, а следовательно, он, должно быть, Момпессон. Но нет, это была глупая мысль, ведь он не был привидением, а кроме того, я сомневался в правдивости большей части этой истории – особенно того, что Джон был убит, не оставив потомков. Я не сомневался, что сам являюсь потомком Хаффов.

Глава 8

Когда мы в тот день отправились со Сьюки на прогулку, погода нам благоприятствовала, за исключением разве что ветра: землю подморозило и слегка обсыпало снегом, отвердевшие колеи на Хай-стрит звенели у нас под ногами. Мы решили отправиться по тропе к Овер-Ли, но прежде Сьюки хотела заглянуть к своей матери, а для этого нужно было пройти через деревню, а потом вернуться.

Она дрожала под своим тонким красным плащом.

– Ленивый этот восточный ветер: не облетает тебя, а забирается внутрь.

– Дурочка, нужно теплее одеваться, – заметил я.

В теплом верхнем сюртуке из меринсовой шерсти я не боялся замерзнуть, а кроме того, знал, что, когда вернусь, миссис Белфлауэр подаст мне с пылу с жару пряный кекс с коринкой и изюмом и дюжину рождественских пирожков. Праздник был уже не за горами, и на дверях многих домиков красовались ветви остролиста и падуба, а в окнах – высокие восковые свечи, пока что не зажженные.

На подходе к церкви Сьюки сказала:

– Перейдем-ка на ту сторону, мастер Джонни, не нравится мне в это время года ходить мимо кладбища.

– Почему? – спросил я.

– А вы разве не знаете, что за день сегодня? – Сьюки обратила ко мне тревожно округлившиеся глаза. – Канун святого Фомы!

– А что это значит, Сьюки?

– Это день, когда по земле гуляют привидения.

– Что такое привидение?

– А то вы не знаете? В этот день встают духи умерших и разыскивают живых, кому назначено за год умереть. – Я вздрогнул и схватил ее за руку. – Если вы увидите привидение, значит, или вы скоро умрете, или кто-нибудь из ваших близких.

Мы ускорили шаг и миновали кладбище, не осмеливаясь поднять глаза. Вскоре мы поравнялись с «Розой и Крабом», и я был удивлен, увидев у дверей нарядный фазтон с упряжкой.

– Слушай, Эймос, – внезапно обратилась Сьюки к мальчику приблизительно моего возраста. Я сперва его не заметил, потому что он стоял между двух лошадей, держа поводья. – Что ты делаешь?

– Джентльмен попросил меня приглядеть за лошадьми, а сам пошел искать церковного клерка, – отвечал Эймос.

– Кто он такой? – поинтересовалась Сьюки.

– Знать не знаю. Он не отсюда. Обещал, даст мне пенни.

– Только принеси его домой, – сказала Сьюки. – А если поторопишься, найдешь там что-то хорошенькое.

– Мне нужно будет сперва набрать растопки на общинной земле, – помотал головой мальчик. – Скажи мамаше, я припозднюсь.

– Хорошо, – кивнула его сестра, и мы пошли дальше. У дома Сьюки поглядела на меня с сомнением и сказала: – День слишком холодный, чтобы стоять снаружи. Пойдемте лучше внутрь.

– Если ты беспокоишься из-за тех мальчишек, то я их не боюсь. Пристанут опять, я тоже буду кидаться в них камнями.

– Нет, мастер Джонни, – настаивала Сьюки, – придется вам все же войти. Я никогда себе не прощу, коли вы подхватите простуду.

Она сдвинула в сторону дверь (не на петлях), и я последовал за нею через низкий проем. Несколько мгновений я ничего не видел в темноте, а когда вдохнул, в ноздри мне хлынула смесь едкого дыма и зловония, какое бывает в звериной норе. Моих рук касались чьи-то липкие ладони, к бокам прижимались теплые тела; я было испугался, но тут мои глаза привыкли к сумраку, и я разглядел, что напала на меня всего лишь стайка маленьких полуголых ребятишек. Они теснились вокруг меня и Сьюки, залезали ей в карманы, а она с улыбкой их отталкивала. Полутьма в комнате объяснялась тем, что два крохотных окошка – не более чем дырки в растрескавшейся от старости фахверковой стене – были заткнуты тряпками, и еще тем, что дым от очага, где тлели сухие лепешки навоза, шел обратно в жилое помещение.

– Пошли прочь. – Сьюки схватила одного из малышей и отцепила его пальцы от моего сюртука. – Оставьте молодого джентльмена в покое.

– Где оно, Сьюки? – захныкали дети. – Что ты нам принесла? Где оно?

– Сейчас-сейчас. – Она взглянула на меня. – Из-за вас нам повернуться негде.

Она взяла меня за руку и подвела к очагу. Тут нам навстречу шагнула, прихрамывая, старая женщина, которую я раньше не заметил.

– Это мастер Джонни, – проговорила Сьюки. – Посиди с ним, пока я разберусь с мелюзгой.

Старая женщина улыбнулась, выдав, что во рту у нее сохранилось всего три зуба, схватила меня за руку и повела к единственному предмету мебели, который я обнаружил в комнате, а именно к ветхому старому стулу перед очагом.

– Благослови вас Бог, молодой господин, – произнесла она, – и вашу милую матушку; если б не она, не знаю, что с нами бы и стало. Подсаживайтесь к огню, на улице собачий холод.

Я подсел к огню и смог наконец осмотреться. Весь домик состоял из одного помещения, размером приблизительно с нашу общую комнату, пол был сделан из утоптанной глины, поперек проходила канавка. Потолка не было, над головой у нас зияли голые балки, служившие насестом для домашней птицы, а над ними виднелась растрепанная, заросшая паутиной солома.

Старуха стояла со мною рядом, улыбалась и кивала.

– Простите, огонь не жаркий. Эймос отправился в общинный лес за растопкой.

– Мы его встретили, он предупреждал, что припозднится, – вмешалась Сьюки. – Он стоял у гостиницы, держал лошадей одного джентльмена.

Я увидел, как она вынула из кармана какое-то лакомство, разломала на кусочки и отдала младшим братьям и сестрам, которые жадно на него набросились. Перехватив мой взгляд, она слегка покраснела и отвела глаза в сторону.

– Не хотите ли чашку молока, мастер? – спросила старуха. – Это от нашей коровки, мы пасем ее на общинных землях.

Стараясь по возможности не раскрывать рот, я помотал головой.

– Побереги кусочек для Гарри, матушка. – Сьюки вложила что-то ей в руку.

Так это была ее мать! А я принял ее за двоюродную бабушку Сьюки.

– Останешься, дожدهшься тетушки? – спросила старуха.

– Нет, нам с мастером Джонни пора, – ответила Сьюки, к моему облегчению.

Я встал и, с неприличной быстротой попрощавшись, направился к двери. По дороге я заметил в руке одной особенно грязной девочки что-то очень похожее на миндальный торт, который мы с матушкой ели за чаем и половину оставили.

Снаружи я обратился лицом к холодному ветру и втянул его в себя, обжигая глотку и легкие.

Глава 9

Мы шли меж живых изгородей, ярко расцвеченных ягодами боярышника, любовались барвинками и голубыми, похожими на звездочки цветами мирта, но, правда, ранние подснежники искали безуспешно. По дороге я размышлял о том, что недавно видел. Воровать очень нехорошо. Я поднял глаза на Сьюки, которая, против обыкновения, помалкивала. Но слишком много было в ее семье голодных ртов.

– Сколько у тебя братьев и сестер, Сьюки?

– Семь, – ответила она.

Мне показалось, что это очень много.

– А еще будут, как ты думаешь?

Она обратила ко мне большие глаза.

– Моего отца уже пять лет как забрали, мастер Джонни.

Вновь наступила тишина, я размышлял.

Мы дошли до Оффланда, маленькой деревушки за Овер-Ли, и на обратном пути так замерзли, что приходилось отогревать дыханием онемевшие пальцы. Вблизи деревни я осмелился спросить:

– Почему мы не срежем путь?

– Срежем путь? – Когда Сьюки поняла, о чем я говорю, у нее округлились глаза.

Летом мы часто ходили по заросшей тропе через кладбище. Но одно дело было сворачивать туда солнечным летним днем, а другое студеным зимним вечером, да еще и в канун святого Фомы!

И все же Сьюки колебалась недолго.

– Давайте срежем! – воскликнула она. – Я не боюсь.

К тому времени, когда мы через задние ворота свернули на большое заросшее кладбище, уже сгустились сумерки. Стена там была разрушена до основания, потому что участок за церковью давно стоял заброшенный и никто о нем не заботился. Тропа терялась в траве, поэтому мы вскоре с нее сошли и вынуждены были плутать в подлеске, натываясь время от времени на спрятанные надгробия.

– Ох, не дело это, мастер Джонни, гневить мертвых, – прошептала Сьюки, опередившая меня на несколько ярдов. – Зря нас сюда понесло.

– Не будь такой размазней, – усмехнулся я. Ее испуг немного меня ободрил.

Внезапно она остановилась и голосом, от которого у меня по коже побежали мурашки, воскликнула:

– Там могильный огонь!

Испуганный до полусмерти, я проследил за ее взглядом: она часто рассказывала мне о мерцающих огнях, которые парят над могилами, предвещая несчастье. И в самом деле! Правее нас и ближе к Хай-стрит над одним из склепов, с высокой оградой, под сенью большого тиса мерцал неяркий огонек.

Мы припустили со всех ног, и лишь когда рядом, в почти полной тьме, замаячила церковь, я осмелился оглянуться. На прежнем месте огонька не было, он – о ужас! – находился теперь гораздо ближе к нам.

– Он за нами гонится! – крикнул я.

– Господи помилуй! – всхлипнула Сьюки, мы кое-как преодолели последние ярды заросшей местности, добрались до неухоженной тропы вокруг церкви и перешли на бег.

Когда мы огибали угол церкви, от сероватых теней впереди отделилась одна почти черная и, принимая угрожающие размеры, заступила нам дорогу. Мы застыли на месте, Сьюки схватила меня за руку, так что мне стало больно.

– Дух моего бедного батюшки! – простонала она. – Так я и знала!

Внезапно нас ослепил яркий свет, послышался плач Сьюки. Свет поблек, и я разглядел, что это кто-то держит в поднятой руке потайной фонарь.

Едва я начал приходить в себя, как привидение с пугающей фамиллярностью меня окликнуло:

– Мастер Мелламфи?

Судя по голосу, это был пожилой джентльмен, я разглядел пронзительные черные глаза под нависшими бровями.

– Да, – ответил я с легкой дрожью; Сьюки в ужасе что-то бормотала.

– Я добирался сюда из самого Лондона, чтобы увидеться с вашей матушкой, – произнес джентльмен. Он был в черной шляпе с широкими полями, заслонявшей лицо, в черном рединготе, с черной же тростью. – Вам ведь известен кое-кто из лондонских жителей, правда?

– Да-да, – ободрившись, отвечал я.

– В самом деле? И кого же вы там знаете?

– Не разговаривайте с ним, мастер Джонни, – внезапно вмешалась Сьюки.

– Не будь такой глупой и невежливой, Сьюки, – отозвался я.

Незнакомец повернулся к ней и очень мягко произнес:

– Я посоветовал бы вам, юная особа, молчать, пока вас не спросят.

– Вы не дядя Марти, – предположил я, – потому что дядя Марти болен.

– Совершенно верно. Я не дядя Марти. Угадывайте дальше.

– Пожалуйста, ни слова больше, мастер Джонни, – взмолилась Сьюки, дергая меня за рукав, – меня уволят за то, что я ослушалась распоряжений вашей матушки.

– Тогда вы, наверное, мистер Сансью. – Я стянул с себя руку Сьюки.

– Нет, – проворно отозвался незнакомец, словно бы довольный моим неправильным ответом, и сунул руку в карман редингота. – Видите ли, – продолжил он, – вы меня не знаете, хотя я вас знаю. Но в награду за старания вот вам полсоверена.

Я взял и стал восхищенно рассматривать маленькую блестящую монетку, лежавшую у меня в руке вполне весомым грузом. Золото. Я впервые такую видел, потому что монеты в совершен и полсоверена ввели в обращение всего лишь года два назад.

– А взамен, – продолжал джентльмен, – проводите меня к дому вашей матушки.

– Не знаю, позволено нам это или нет, – проговорила Сьюки.

– Послушайте, юная особа, взгляните-ка вот на что. – Джентльмен еще что-то вынул из кармана. – Найдется и для вас полсоверена, если будете вести себя разумно.

Он вытянул раскрытую ладонь, на которой блестела в свете фонаря монета.

– Нет, не возьму, – мотнула головой Сьюки. – Не стану я брать деньги у привидения.

– Не будь дурочкой, Сьюки. Это не призрак твоего отца, а живой джентльмен.

– А может, призрак, он такой и есть: думаешь, что видишь призрака, даже если это не призрак.

Она несла сущую бессмыслицу, и мне было стыдно перед таким солидным джентльменом за ее глупость.

– Не обращайтесь на нее внимания, – сказал я. – Я покажу вам дорогу.

Он меня поблагодарил, и мы отправились в путь. Однако когда мы покинули кладбище и молча двинулись по Хай-стрит, мне показалось странным, что незнакомец словно бы вел нас за собой, тогда как дорогу знали мы, а не он.

В честь гостя я направился к парадной двери, Сьюки же свернула за угол, чтобы войти через заднюю. Я стукнул дверным молотком, и на пороге появилась Биссетт с негодующим выражением лица, которое при виде незнакомца сменилось удивленным.

– Добрый день, уважаемая, – произнес джентльмен. – Рад с вами познакомиться.

Я поразился, наблюдая, как Биссетт неловко присела, приподняв свой передник, и с глупой ухмылкой пробормотала:

– Почитаю за честь, сэр.

Она посторонилась, джентльмен вошел, снял шляпу и отдал ей вместе с тростью, снял и отдал редингот, под которым обнаружились черный сюртук, штаны до колен и длинный жилет с красивым батистовым платком вокруг шеи.

Кроме того, мне бросились в глаза золотые часы с крышкой на цепочке, с которой свисала также богатая коллекция кармашков и брелоков. Помимо священника, это был первый джентльмен, которого я видел вблизи, и по одежде и манерам он мог дать священнику сто очков вперед; лицо его, правда, не отличалось кротостью: нависшие брови щетинились, краснота кожи словно бы предвещала близкую вспышку гнева.

– У меня есть дело к вашей хозяйке, – продолжал джентльмен, а потом небрежным жестом указал на Сьюки, которая тем временем вошла в холл и принялась снимать с меня башмаки. – Вашей сослуживице я, видимо, показался очень подозрительным; она никак не желала меня сюда проводить.

– Не лезь в то, что тебя не касается! – рявкнула Биссетт. – Как ты смеешь грубить джентльмену, пришедшему к твоей хозяйке? Ступай прочь. – Сьюки отступила в заднюю комнату, а Биссетт вновь обратилась к незнакомцу: – Простите, ваша честь, за неподобающее обращение. Эта глупая деревенская девка не умеет держать себя в приличном обществе.

– Вижу, – заметил визитер, – что имею дело с особой, знакомой со светским обращением.

Биссетт зарделась от удовольствия и вновь присела.

– А теперь не будете ли вы так добры доложить вашей хозяйке, что ее хочет видеть джентльмен из Лондона? Представляюсь я самостоятельно, потому что моя фамилия ничего ей не скажет.

– Да, сэр.

– Я сам, – крикнул я и стремглав кинулся в общую комнату. Влетев внутрь, я завопил: – К тебе пришел джентльмен из Лондона! Он знаком с дядей Мартином!

Матушка тревожно подняла взгляд. Я наскоро рассказал о нашей встрече, но ответить она не успела, потому что дверь, торопливо постучавшись, распахнула Биссетт.

– Мэм, вас желает видеть один джентльмен.

Когда незнакомец бесцеремонно шагнул в комнату, мать испуганно поднялась с софы.

– Кто вы, сэр?

– Я адвокат, фамилия моя Барбеллион. Здравствуйте, миссис... – Чуть помедлив, он произнес с расстановкой: – Миссис Мелламфи.

Матушка вспыхнула.

– Чего вы от меня хотите?

– Кодицилл, – мягко проговорил незнакомец.

Она побледнела и тут же протянула ладонь к продолговатому футляру, который носила на поясе. Мистер Барбеллион, как я заметил, проследил это движение, и матушка с еще большей тревогой перехватила его взгляд. Делая жалкую попытку взять себя в руки, она отозвалась:

– Не понимаю, о чем вы говорите. Вы, должно быть, явились не по адресу.

– Ну-ну, не будем зря терять время. Мы с вашим сыном уже подружились, и он рассказал мне о мистере Сансью и о своем дяде Марти – то есть мистере Мартине Фортисквинсе.

Сокрушенная этими разоблачениями, матушка снова села на софу и закрыла лицо руками. Затем опустила руки и устало, с глубоким упреком взглянула на меня:

– Джонни! Ты не должен был с ним разговаривать. Ты ведь знаешь, тебе нельзя разговаривать с чужими людьми.

– Но я думал, он тебя знает. Я всего-то и сказал...

– Хватит, Джонни, помолчи. Мистер Барбеллион, я ждала чего-то подобного уже долгое время. Я догадывалась, что мой враг меня нашел, но скажите – как?

Я ужаснулся, поймав на себе его взгляд – взгляд тайного сообщника, как мне показалось. Экономка в Хафеме! Только бы он промолчал!

– Это неважно. Но не нужно драматизировать обстановку, называя моего клиента врагом. Я не хочу ничего дурного, мне поручено предложить вам за документ тысячу пятьсот фунтов.

– Я не собираюсь его продавать. Мне известно, зачем он понадобился вашему клиенту и как это отразится на моем сыне и на мне.

– Вы ошибаетесь. Моему нанимателю безразличны ваши интересы и интересы ребенка. В самом деле, у него есть к вам еще одно предложение: он желает взять у вас ребенка и за свой счет дать ему образование.

– Нет, – вскричала матушка, хватая меня за руку, – этого-то я всегда и боялась. Немедленно покиньте мой дом.

Посетитель нахмурился.

– Мадам, я не привык к такому обращению.

Нарядное белье, цепочки и брелоки взывали, на мой взгляд, к большему уважению.

– Мама, нельзя быть такой невежливой.

– Помолчи, Джонни. Ты не понимаешь.

Мистер Барбеллион встал и направился к двери. На пороге он сказал:

– Думаю, вам придется горько пожалеть о вашем нынешнем поведении.

– Видишь, Джонни? Он мне угрожает!

Мистер Барбеллион пожал плечами и презрительно фыркнул. Тут же появилась Биссетт (она, видно, топталась в коридоре) с его шляпой, тростью и рединготом.

С мимолетным поклоном он проговорил:

– Всего хорошего. Ваша замечательная служанка меня проводит.

Дверь за ним закрылась, мы с матушкой испуганно уставились друг на друга.

Немного помолчав, она воскликнула:

– Значит, теперь ему известно, где я!

– Кому?

Словно только что меня заметив, она спросила:

– Мистер Барбеллион еще не ушел? – Ясно было, что нет: из холла доносились голоса. – Пока он не уйдет, я не почувствую себя в безопасности. Безопасность! О безопасности нам теперь придется забыть. Как же мне не пришло в голову сказать, что я его уничтожила, ведь я уже думала так поступить!

– Мама, – отчаянно взмолился я, – пожалуйста, скажи, что это все значит.

– Что он там внушает Биссетт? Слушай!

Тут со стуком захлопнулась парадная дверь. Я подошел к окну и выглянул.

– Спускается по ступеням, – доложил я.

– Слава богу!

– Расскажи. Что за опасность нам грозит?

– Ничто нам не грозит, Джонни. – Взгляд ее растерянно блуждал.

– Ты говорила ему, что мы в опасности! – Матушка отвернулась, словно бы терзаемая мукой, я почувствовал себя так, будто вонзил в нее клинок, но ранил при этом и себя самого. – И что-то не так с нашей фамилией, правда? Что?

Она мотнула головой.

– Ты должна мне признаться.

– Ничего я не скажу. Тебе нельзя доверять.

– Это неправда!

– Правда. Ты рассказал ему, что мы знаем дядю Марти. Если бы не ты, я могла бы это отрицать.

Сознание, что ей известны не все мои провинности, заставило меня тем больше обидеться:

– Это нечестно! Ненавижу тебя!

– Не смей так со мной разговаривать!

– Ненавижу тебя, не хочу, чтобы ты была моей ма-терью!

Я вылетел из комнаты. Слепленный слезами, едва разбирая дорогу, я добрался до своей постели, рухнул в нее и зарыдал. Я молотил кулаком подушку, а перед глазами у меня стояло лицо матери. Так оно и было, я действительно ее ненавидел. Ненавидел за то, что она так испугалась мистера Барбеллиона, что была такой несчастной. Не спущусь к чаю, пусть знает: я не шутил!

Приняв решение, я немного успокоился и попытался свести воедино все мне известное. Матушка как будто думала, что взломщик, побывавший у нас несколько лет назад, и мистер Барбеллион были посланы одним и тем же врагом. Но ведь могло быть и иначе: мистер Барбеллион обнаружил наше убежище из-за неосторожных слов, несколько месяцев назад сказанных мною Генриетте и ее спутнице. И что такое он намекал по поводу нашей фамилии? А если «Мелламфи» – не наша настоящая фамилия? Да разве такое возможно? Как дом – это дом, так я – это Джон Мелламфи. Может ли у меня быть «настоящая» фамилия, которой я даже не знаю? И что же, ее носит настоящий «я», тоже мне не известный? Эта мысль не укладывалась в голову.

Было уже поздно, но матушка не шла. Я прислушивался, ловя ее тихие шаги в коридоре. Ждал долго, но тщетно. И вот наконец дождался. Но бес противоречия заставил меня закрыть глаза и притвориться спящим. Я слышал, как матушка шагнула в дверь, немного постояла и тихо удалилась. Когда она ушла, я пожалел, что не окликнул ее, но было уже поздно.

Глава 10

На следующее утро, сойдя к завтраку, я хотел помириться с матушкой, но решил не делать первый шаг. Однако матушка поздоровалась со мной холодно, словно обижаясь на то, что я накануне не дождался ее и уснул.

– Я в самом деле очень сержусь из-за твоего вчерашнего поведения, Джонни, – сказала она. – Ты должен извиниться за свои слова.

Я собрался было возмутиться, но тут вошла испуганная Сьюки:

– Вот это только-только принесла письмоносица, мэм.

Она протянула матушке письмо, обведенное, как я заметил, черной каймой.

– Мартин! – вскричала матушка, хватая листок. Пока она быстро читала письмо, я следил за ее лицом. Она закусила нижнюю губу, потом подняла на меня печальный взгляд. – Да, он умер. Два дня назад.

– Ух! – выдохнула Сьюки. – Выходит, это не о моем папаше!

– Займись своей работой, Сьюки. – Сьюки вышла, а матушка через стол потянулась к моей руке. – Никого у нас теперь нет, Джонни, только мы двое.

– Ты очень горюешь?

Она тихо покачала головой:

– Смерть стала для него избавлением. Но нашу жизнь это осложнит. Видишь ли, это его дом.

– Его дом! – Прежде я не сомневался, что это дом моей матери.

– Да, он много лет принадлежал его семье. Его отец служил управляющим в соседнем имении, и дядя Мартин в детстве жил здесь со своей матерью. Он сдавал нам дом, можно сказать, задаром, но вдова в письме говорит, что ей придется назначить настоящую плату: сорок фунтов в год!

– Вот противная! Она, должно быть, жуткая старуха.

– Нет, ты попал пальцем в небо. Она всего на несколько лет старше меня.

– А она будет так же получать письма от мистера Сансью и переправлять тебе?

– Какой же ты премудрый, Джонни! – взволновалась мать. – Откуда ты об этом узнал?

– А правда, что «Мелламфи» – не наша настоящая фамилия?

Она схватилась за голову:

– Пожалуйста, только не начинай все сначала, Джонни. Хотя нет, ты должен знать. Ненстоящая.

– А какая настоящая?

– Нет, не скажу. Пока не скажу. Когда-нибудь ты обо всем узнаешь.

– Тогда скажи хотя бы, откуда взялась фамилия «Мелламфи»?

– Я ее выбрала случайно. Увидела на вывеске.

От этой мысли голова моя пошла кругом. Если такое важное, такое содержательное, казалось бы, название, как фамилия человека, может оказаться бессодержательной игрою случая, то, вероятно, и все названия вообще – или даже все слова, ибо что они такое, как не названия? – столь же случайны и лишены глубинной связи с понятиями, ими обозначаемыми? Тут я содрогнулся.

– Пожалуйста, объясни почему, – взмолился я.

– Не сейчас, сыночек. Но обещаю, что бы ни случилось, придет день, когда ты обо всем узнаешь. Я уже начала об этом заботиться.

Это была новая тайна, и я стал гадать, не связана ли она с письмом из лаковой шкатулки, где лежал медальон, но матушка больше не захотела об этом говорить.

– Мне будет не хватать советов дяди Марти по денежным делам, – продолжала она. – С этих пор придется обращаться к мистеру Сансью, потому что мне просто непонятно, как поступить. Выложить еще сорок фунтов мы никак не можем. Налог в пользу бедных и без того высокий и все время повышается.

– А тебе не кажется, мама, что мы держим больше слуг, чем нам нужно?

Мы обменялись взволнованными виноватыми взглядами, словно бы втайне замыслили что-то вроде убийства.

– Ты о чем, Джонни? – Матушка понизила голос до шепота.

– Так вот, Сьюки получает всего пятнадцать шиллингов в три месяца, на ней много не сэкономишь. А вот Биссетт двадцать фунтов в год и миссис Белфлауэр – двадцать пять. Без кухарки, понятно, мы обойтись не можем, но няня мне уже не нужна, так ведь?

– Да, – отвечала матушка, не сводя с меня пристального взгляда.

– Тогда предупреди ее об отказе от места.

С блестящими от возбуждения глазами матушка кивнула.

Книга III Отцы

Глава 11

Спустя два с небольшим месяца подошло Благовещение, когда миссис Белфлауэр должна была получить расчет. Сразу после разговора с миссис Биссетт, который должен был закончиться ее увольнением, матушка объяснила: едва она упомянула о необходимости расстаться с кем-нибудь из слуг, та тут же назвала кухарку, очень посочувствовала матушке, обязанной сообщить эту новость миссис Белфлауэр, и в то же время бодро уверила, что кухарке – в отличие от няни не первой молодости – ничего не стоит найти другую работу; после этого матушке не хватило духу объявить, что в жертву назначена сама Биссетт, и догадка последней (или то, что она выдала за догадку) должна была сделаться действительностью.

И вот рано утром миссис Белфлауэр стояла в переднем холле с упакованными коробками и ждала возчика. Он должен был доставить ее на своей повозке в ближайший город с почтовым отделением, Саттон-Валанси, откуда ей предстояло в карете отправиться к своему новому нанимателю – он жил у черта на куличках, в деревушке на крайнем западе, о которой я никогда не слышал. Когда с дороги донесся скрип колес, Сьюки не выдержала и разрыдалась.

– Будь хорошей девочкой. – Тон миссис Белфлауэр был бы назидательным, если б не поток слез, неостановимо струившийся по ее щекам. – Помни мои уроки, не переваривай овощи. – Она обняла плачущую девушку, потом, осторожно высвободившись, обернулась к матушке. Они взялись за руки и попытались улыбнуться. – Я была здесь так счастлива, мэм. Вряд ли еще где-нибудь буду так счастлива. Вы были хорошей, доброй госпожой, лучше и не пожелаешь.

– Ох, миссис Белфлауэр, – воскликнула матушка, – хотела бы я... – Она замолкла.

– Я понимаю, без этого было не обойтись; молю Бога, чтобы у вас и маленького господина все сложилось хорошо.

Они обнялись и дали волю слезам. Когда явились возчик с подручным, чтобы перенести коробки из холла в повозку, их глазам предстало, наверное, тягостное зрелище. Тут явилась из кухни Биссетт, встала в дверях со мною рядом, и я прочел в ее взгляде: ей известно, как я желаю, чтобы на месте миссис Белфлауэр была она. Миссис Белфлауэр быстро разомкнула объятия и двинулась к нам; заметив ее неверную походку, я осознал внезапно, что она не так молода, чтобы начинать жизнь с чистого листа. Биссетт протянула ей руку, словно ограждая себя от более теплого прощального жеста.

– Прощайте, миссис Биссетт, и Господи вас благослови. – Миссис Белфлауэр схватила предложенную ей руку. – Что греха таить, мы с вами иной раз не ладили. Но я всегда уважала вас как человека, блюдущего законы своей веры.

– Прощайте, – отозвалась Биссетт, – вот бы и вам попасть к людям набожным и набраться от них благодати. Буду молить Бога об этом.

Она отпустила руку миссис Белфлауэр, и на лице у той выразилось беспокойство, словно она раздумывала, заговорить или промолчать.

– Все готово, – громко объявил возчик, просунув голову в дверь.

Миссис Белфлауэр вздрогнула и быстро повернулась ко мне.

– Я буду всегда думать о вас, мастер Джонни, о том, каким славным вы станете молодым человеком и как будете заботиться о своей матушке. – Наклонившись, чтобы меня поцеловать, она шепнула: – Постарайтесь не делать так, чтобы ей жилось еще труднее.

– Знать не знаю, о чем это вы! – Я отпрянул от нее.

Миссис Белфлауэр тихонько покачала головой и, в последний раз обняв матушку и Сьюки, спустилась с крыльца и с помощью возчика забралась в повозку. Мы махали руками, пока не смолк грохот колес.

Дом без миссис Белфлауэр казался пустым, мы держались как на похоронах.

Приблизительно через неделю матушка послала за мной Сьюки. Я застал ее в общей комнате за секретером, вид у нее был деловой, озабоченный.

– Джонни, я только что узнала от мистера Сансью, что, как я и ожидала, дядя Мартин ничего нам с тобой не оставил.

– Должен был оставить! – вырвалось у меня.

Матушка покраснела.

– Почему ты так решил?

– А как же, он ведь был твой дядя, правда?

– Я называла его дядей, но кровного родства между нами не было. – Она смотрела все так же озабоченно.

– Не было кровного родства? – повторил я.

Я задумался. И тут у меня сорвался с языка вопрос, не дававший мне покоя с тех самых пор, как я увидел медальон:

– Мама, мой отец жив?

Она вспыхнула.

– Джонни, я... я не знаю, что тебе ответить. Придет день, когда ты все узнаешь, обещаю. Но я хотела рассказать тебе и добрую новость: мистер Сансью согласился давать мне советы по денежным делам.

Тут в дверь постучали, и вошла Биссетт.

– Я не знала, что мастер Джонни здесь. Нельзя ли поговорить с вами наедине, мэм, если это удобно?

– Мы уже закончили, – заверила матушка.

Поняв намек, я отправился в кухню и нашел там Сьюки, которая сидела за столом и рыдала в передник.

– Она что, задразнила тебя? – спросил я. – Не поддавайся.

– Я не из-за того, мастер Джонни. Мне пришла плохая новость. Помните, как мы тем Рождеством видели на кладбище привидение? Я еще испугалась, что это мой папаня. Но нынешнее Рождество уж миновало, у меня и отлегло от сердца. А вчерась моей бедной матушке пришло письмо, мы отнесли его церковному клерку, и он сказал, помер мой папа. Он еще до Рождества отдал богу душу, выходит, его это был призрак. – Она снова спрятала лицо в передник.

– Но сейчас уже март, Сьюки. Почему письмо шло так долго?

– Так и путь был неблизкий, – пояснила она и ничего не захотела к этому добавить.

Когда Биссетт вернулась в кухню, я отправился к матушке узнать, чего она хотела, но ответа не получил.

Глава 12

Вновь Справедливость призывает Закон к себе, и вы вторично можете проследить воображаемый путь интересующего вас лица (то есть, разумеется, мистера Сансью) к дому на Керситор-стрит. Справедливость (то есть, как вам тоже известно, мистер Барбеллион) все так же поджидает его среди теней в той же темной комнатухе, но на этот раз мистер Сансью пересекает ее порог с видом вполне уверенным. Едва кивнув друг другу, они подсаживаются к противоположным концам стола.

– Чему обязан вашим... приглашением?

– Мне вновь требуется ваша помощь.

– На прежних условиях?

– С точностью до пенни. – Мистер Барбеллион ухмыляется.

Мистер Сансью отвечает улыбкой.

– Не уверен, что смогу вам служить.

– В самом деле? Отчего такая перемена?

– С недавних пор миссис Клоудир облекла меня куда большим доверием – оттого.

– Понятно. Вы хотите сказать, что цена за обман доверия тоже, соответственно, выросла. Продолжайте.

Мистер Сансью хмурится.

– Я хочу знать, как зовут вашего клиента и почему он так жаждет получить этот документ.

– Как вы понимаете, я не уполномочен посвящать кого-либо в дела моего клиента.

Мистер Сансью вздрагивает, однако продолжает:

– Ваше имя, дорогой сэр, настолько широко известно и уважаемо в профессиональных кругах, что определить, кто из сильных мира сего пользуется вашими услугами, не составляет труда. Таким образом, вы можете действовать в интересах одной из следующих сторон: графа Честерского, виконта Портсмута, семейств Верни, Уолдгрейв, де Темпере, Момпессон и де Коверли. Выбрать кого-то из списка – вопрос времени, не более.

– И что тогда?

– Просто я смогу установить справедливую цену на свои услуги.

– Понятно. Но, по вашим словам, ваша самая сильная карта – доверие, которым вас облекла миссис Клоудир?

– Пожалуйста, сэр, не надо о картах. – Мистер Сансью брезгливо передергивает плечами. – Я противник азартных игр и из принципа никогда не рискую. Скажите лучше, что я объявил вам шах.

– Если вам больше по душе такие выражения, скажем уж, что вы пытаетесь дать мне мат на втором ходу. – Мистер Сансью хмурится. – Если вы сделали доверенным лицом, не знаете ли, где она находится? – Адвокат молча краснеет и опускает взгляд. – Для меня не секрет, – продолжает мистер Барбеллион, – что вам по-прежнему приходится ей писать через вдову Фортисквинса. А поскольку она не сообщает вам даже своего адреса, то вряд ли сообщила что-то еще.

– Откуда вам все это известно? – негодуяще-удивленным тоном спрашивает мистер Сансью.

– Это мое дело. Но я не ошибся, утверждая, что вам неизвестен ее адрес?

Закусив губу, мистер Сансью трясет головой.

– Отсюда вам следует сделать вывод, – продолжает мистер Барбеллион, – что я тоже презираю азартные игры. Если сяду играть в кости, то должен быть уверен, что они – заимствуем выражение ваших профессиональных знакомцев – с подвохом. Ну что, согласны мне помочь?

Мистер Сансью кивает, второй джентльмен достает из бумажника еще пачку банкнот и кладет на стол.

– Очень скоро миссис Клоудир задаст вам в письме вопрос, может ли она повысить жалование служанке. Вы должны ответить, что это решительно невозможно.

– И это все? – удивляется адвокат.

– Пока все. – Мистер Барбеллион дергает шнурок колокольчика, посетитель встает, забирает пачку банкнот и поспешно удаляется.

Глава 13

В конце улицы мистер Сансью переходит Чансери-лейн и ныряет в путаницу грязных переулков. По пути он сердито бормочет что-то себе под нос и кусает нижнюю губу. Но вот он замедляет шаг и несколько раз оглядывается, будто что-то услышал. Припускает быстрее, держась за карман. Сворачивает в длинный кривой проход. В конце он уже почти бежит. Оглядывается, и в тот же миг в другом конце кто-то возникает. Сердце мистера Сансью начинает бешено колотиться, он приваливается к стене и, словно заслоняясь от удара, прикрывает лицо руками.

– Тронь хоть пальцем – клянусь, пожалеешь!

Попутчик, однако, удивлен:

– Да я и близко ничего такого. Вы ведь мистер Сансью, так? Я уже бог знает сколько за вами слежу, папаша.

Мистер Сансью разглядывает его через щит из пальцев. Субъект, стоящий перед ним, высок, бедно одет, рыжие волосы на крупной голове коротко острижены, нос большой, голубые глаза ярко горят.

– Следите за мной? О чем это вы? Кто вам платит?

– Да никто. Я уже не один день слежу за вами, хотел поговорить с глазу на глаз, как сейчас. Вы ведь мистер Сансью, так?

Законник кивает.

– Вы адвокат? – Мистер Сансью снова кивает. – Вы единственный с такой фамилией, о ком я слышал. Это ведь вы спасли Конки Джорджа, когда его хотели забрать в матросы, да?

Мистер Сансью опять кивает.

– Чего вы от меня хотите?

– Мы с ним приятели. Но я не к тому. У меня есть кое-что, вам, надо думать, интересное. – Он извлекает из кармана смятую бумажку (видимо, обрывок) и дает мистеру Сансью посмотреть.

– Вверх ногами, – выдыхает законник.

– Вот черт, – бормочет собеседник, – по мне, что так, что эдак. – Он переворачивает бумажку, мистер Сансью вглядывается.

– Ничего не разобрать, – говорит он. – Слишком далеко.

Он тянется за клочком, но собеседник проворно отступает.

– Э нет, руки прочь. Я перескажу, будете слушать?

– Ну да.

Собеседник читает наизусть:

– И под конец, скоро вы получите игрушки и книги, купленные по моей просьбе мистером Сансью. Что касается его, вы увидите, что я вложил внутрь еще одно письмо от этого джентльмена. Должен вас предостеречь: он снова пытался окольным путем разузнать, где вы живете; думаю, он ради этого многое бы отдал. – Последние слова незнакомец повторил еще раз, пристально изучая лицо мистера Сансью, пока тот в потемках пытался рассмотреть письмо. – Ну что, будет разговор? – Незнакомец складывает письмо и прячет обратно в карман.

– Возможно, – бормочет мистер Сансью. – Но адрес там есть?

– Ого-го. Вы все так же спите и видите, как бы докопаться? В точности как тут сказано.

– Вот что, приятель. Даю вам гинею за это письмо.

– Гинею! – Незнакомец повторяет это таким тоном, что мистер Сансью спешит добавить:

– Очень хорошо, мы это еще обсудим. Но, бога ради, не здесь.

– В «Лебеде с двумя шеями» на Лэд-лейн, идет?

Адвокат кивает, и они отправляются; незнакомец ведет его темными проходами, где по стенам сочатся капли, через сумрачные задние дворы, идущие сплошняком, по грязным проулкам, пока не выводит к убогому питейному заведению, с облупившимся фасадом и заросшими грязью окнами. Вот они уже сидят в отсеке напротив бара, отделенные от остального зала деревянными перегородками, перед мистером Сансью стоит стакан, перед его спутником – высокая пивная кружка.

– Это письмо было составлено почти два года назад. Как оно к вам попало и почему вы только сейчас меня нашли? – Мистер Сансью отхлебывает разбавленное водой бренди.

– В двух словах и не расскажешь. – Незнакомец выливает себе добрую долю своей полукварты портера. – Было это позапрошлым летом. Мне тогда нужно было стронуться с места – а по какой такой причине, о том вы меня, конечно, спрашивать не станете. Я промышляю плотницким делом и не один уже год нанимался от случая к случаю к одному большому семейству в городе, а тут услышал, что есть у них кое-какая работенка в их загородном доме в одном из графств, обратился к домоправителю, своему знакомцу, и он меня нанял. Хотя вообще-то те края не то чтобы мне по вкусу.

– А как зовется это семейство? – спрашивает мистер Сансью.

– Нет уж, будьте добреньки, мистер Сансью, все в свой срок. Когда работа кончилась, я пустился на своих двоих обратно в город. Деньги все вышли, нужно было постучаться в какую-нибудь дверь, попросить милостыни. И вот свернул я с большой дороги на тропу. Вижу сад, а в саду молодую леди с маленьким мальчиком.

Мистер Сансью вытягивает шею.

– Леди бы раскошелилась, но тут встряла старая карга из obsługi – нянька или вроде того. Не вздумайте, мол, ничего ему давать, нечего тут. И ну поносить меня ни за что ни про что. – При этом воспоминании он нахмурился и выругался сквозь зубы. – А тут еще и малец на меня напустился. Разорался как резаный. Поднимаюсь я по дорожке обратно к дороге, и на самом углу окликает меня какой-то старый пройдоха. Что, мол, они тебе сказали? Я рассказываю, а он, похоже, у них садовник и имеет зуб то ли против хозяев, то ли вообще против всех – разобрать трудно. «А не хочешь ли, – говорит, – с ними поквитаться и вдобавок кое-что поиметь?» «Что это ты задумал?» – спрашиваю. А он: «Смотри, прямо во дворе брошена лестница. Грех будет не попользоваться». Скумекал я, киваю. Приглашает меня поесть, захожу к нему в домишко. Дал он мне там длинную лопату – подцепить лестницу, когда перелезу через ограду, и рассказал, какое выбрать окошко наверху, чтобы не попасть в спальню. Той же ночью вскарабкался я на ограду и достал лестницу, а он стоял на стреме. Вначале все шло как по маслу. Я спустился во двор, приставил лестницу к стене и добрался до окошка. Вынул ножи, что прихватил с собой, вскрываю ставни. И скоро понимаю, что мне с ними не справиться. То есть справиться можно, но вот по-тихому – никак. А на соседнем окошке ставни, гляжу, не заперты, я и подумал: «Если не шуметь, то можно пробраться и мимо спящего. Как бы там ни было, уж взглянуть-то не помешает». Я туда, приоткрываю ставень, заглядываю, и черт меня побери, если там не открывает глаза тот самый малец и не начинает орать как оглашенный – еще немного и крыша рухнет. А дальше я вижу, что лестницу мне не сдвинуть: низ ее застрял в земле у стены под моим весом. И ничего больше не придумаешь, как только забраться в одно из нижних окошек. Срываю запор ставень и вламываюсь внутрь, прямо через переплет. Внутри – не уходить же с пустыми руками? – хватаю было подсвечники, но далеко с ними не убежишь, слишком уж большие, приходится бросить. И все, что я поимел за свои труды, это шкатулка для писем. Серебряная. Открываю парадную дверь и давай бог ноги. А на дороге поджидает старый хрыч: «Ну, что тебе досталось?» Ну, мне понятно, что от него только и жди беды, и к тому же ему видна шкатулка у меня в кармане. Вынимаю шкатулку, срываю с нее крышку, швыряю в канаву и убегаю.

Оглядываюсь мимоходом: вижу, хрыч шарится в траве, ищет. И дальше уж улепетываю без оглядки до самой утренней зари, и все прислушиваюсь, готовлюсь, чуть что, затаиться в живой изгороди на обочине, ведь если, не дай бог, поймают, то светит мне за эту шкатулку Ботани-Бей, а то и дерево об одном листе. А на рассвете я схоронился в большом старом амбаре – там я ночевал еще по дороге в Мампси-Парк, это меньше чем в двух днях пути.

– Куда-куда? – тут же переспрашивает мистер Сансью.

– В Мампси-Парк. Тот самый большой дом, о котором я вам рассказывал. Мампси – фамилия его хозяев.

– Мампси. – Мистер Сансью качает головой.

– Ну ладно, – продолжает собеседник, – я завернул шкатулку в кусок мягкой кожи, чтобы не отсырела, а открыть даже не подумал. Сунул в дырку в стене, а сам побег дальше. Больше года я туда не возвращался, но вот полгода назад вернулся и нашел шкатулку на прежнем месте в амбаре. Тут-то я ее и открыл, а внутри, глядь, письмецо. Собрался было его выкинуть, да вовремя одумался, сказал себе: «Слыхать, письма и документы всякие кучу денег стоят», – вот и решил не торопиться. Признаться, мистер Сансью, с образованием у меня не все слава богу: во-первых, потому, что папаша мой был пьяница, а во-вторых, хоть и ходил я мальцом в Морское училище в Чатеме, но выучился, говоря по правде, только щипать паклю да терпеть колотушки, а книжную премудрость не осилил. Одним словом, показал я это письмо девчонке моего брата. Она как есть дока, по писаному ли, по печатному – прочтет в два счета и без запинки. Вот тут-то я и узнал о мистере Сансью: какие-то с ним нелады и ему до зарезу нужен адрес с письма. Пока искал вас, ноги по коленки сносил. Так что, мистер Сансью, про гинею больше ни слова.

– И какая же сумма вас бы устроила, любезный?

– Пятнадцать.

– Благие небеса! – восклицает адвокат. – Вы сильно преувеличиваете ценность этих сведений. Не воображаете ли вы, что найдутся еще желающие расплатиться за них звонкой монетой?

Собеседник, осушив кружку, поднимается на ноги.

– Может, и так, но если вам жалко за них пятнадцати гиней, черта лысого вы их получите.

– Стойте! – Собеседник садится, а мистер Сансью вынимает из кармана пачку банкнот, полученных от мистера Барбеллиона, и отделяет от них несколько. Протягивает их через стол одной рукой, а другой хватается письмо.

Собеседник поочередно рассматривает банкноты в свете масляной лампы, висящей поблизости на гвозде, потом, очевидно удовлетворившись, сует их в карман.

– Ну, спасибочки, одно удовольствие иметь с вами дело.

Мистер Сансью поднимает глаза от письма.

– Подождите немного. Может, вы мне еще понадобится.

Собеседник с готовностью садится и, пока мистер Сансью читает, всматривается в его лицо. Вверху письмо помечено: «23 июля, Голден-сквер, 27», внизу подписано: «Мартин Фортисквинс». В последнем абзаце говорится:

«И наконец, скоро вы получите игрушки и книги, купленные по моей просьбе мистером Сансью. Что касается последнего, вы увидите, что я вложил внутрь еще одно письмо от этого джентльмена. Должен вас предостеречь: он снова пытался окольным путем разузнать, где вы живете; думаю, он ради этого многое бы отдал. К сожалению, здоровье мое не поправилось, и это письмо снова пишет под диктовку моя дорогая супруга.

Опасаясь, что за моим домом ведется наблюдение. Не прознал ли каким-то образом ваш враг, что мне известен ваш адрес?»

Мистер Сансью переворачивает лист и видит надпись: «Миссис Мелламфи, ***шир, Мортси-мейнор-фарм, коттедж».

– Мелламфи! – негромко повторяет он. – Вот, значит, ее настоящая фамилия. – Он обращается к своему спутнику, который с любопытством за ним наблюдает: – Не исключено, что вы мне понадобится. Согласны помочь?

– За добавку, – отвечает тот, с улыбкой похлопывая себя по карману, – готов сделать все, что ни попросите, папаша.

– Тогда как мне вас найти, если будет нужно?

– Оставьте здесь весточку.

– Как вас зовут?

– Спрашивайте Барни.

– Отлично. – Мистер Сансью встает и запахивает пальто. – Только никогда не являйтесь ко мне домой или в контору. Понятно?

– А как же. – Барни привстает, чтобы проститься, мистер Сансью небрежно кивает и уходит. Глядя ему в спину, Барни повторяет: – А как же, понятно.

Глава 14

Мне, конечно, не следует рассуждать о том, чем руководствуется мистер Сансью, но, кажется, он поверил, что фамилия его таинственной клиентки – Мелламфи, а также весьма заинтригован вопросом, почему она и ее адрес являются предметом такого интереса. Он получил существенное преимущество – узнал ее адрес и теперь, вооружившись этим знанием, отправляется к единственному человеку, способному, как он верит, открыть ему то, что он желает выяснить.

Спустя несколько дней после описанного выше случая мистер Сансью стучит в дверь дома на Голден-сквер, называет свою фамилию робкой девушке-служанке и слышит от нее:

– Хозяйка получила ваше письмо и ждет вас, сэр.

Служанка принимает у него шляпу и пальто и ведет его в гостиную, где на изящной оттоманке сидит хозяйка дома. Он входит с любезной улыбкой, но, увидев хозяйку, останавливается, явно чем-то пораженный. Вновь улыбается и произносит:

– Я мистер Сансью. У меня дело... видимо, к вашей матушке.

– Едва ли, мистер Сансью, едва ли. – Дама слабо улыбается. – Моя бедная матушка вот уже двадцать лет как покоится в могиле. Миссис Фортисквинс это я.

– Простите за промах. Дозволено ли мне будет заметить в свою защиту, что моя ошибка вполне понятна?

Миссис Фортисквинс улыбается и указывает на стул рядом с оттоманкой.

– Примите, мадам, мое глубочайшее сочувствие в связи с кончиной вашего супруга – человека, весьма ценимого сообществом его не столь блестящих коллег, к числу которых отношусь и я. – Адвокат вздыхает и садится.

– Вы очень любезны, мистер Сансью. Очень. Но нельзя ли спросить о цели вашего визита?

– Я пришел по делу, к которому мы оба имеем касательство.

– Я так и поняла. Вы имеете в виду миссис Клоудир?

Отвечая на вопрос, мистер Сансью внимательно наблюдает за ее лицом.

– Ее, или миссис Мэри Мелламфи. – Вдова наклоняет голову в знак того, что фамилия ей известна, и слегка поднимает одну бровь. – Вижу, вас удивляет, что я знаю эту фамилию, –

продолжает адвокат, – но миссис Мелламфи недавно оказала мне честь, избрав меня своим доверенным лицом.

– В самом деле?

– Таким образом, теперь мне известно, что она со своим сыном живет уединенно в деревне Мелторп. И еще мне известно о ее затруднениях, связанных с... – Он осекается и бросает на вдову выразительный взгляд, словно ожидая, что она заговорит. Но она молчит, и он продолжает: – С «неким знатным семейством», так, наверное, следует выразиться?

Судя по всему, вдову мало волнует, как он выразился.

– Признаюсь, мистер Сансью, я немного удивлена, поскольку полагала, что миссис Клоудир не открывала свое местопребывание никому, кроме моего покойного мужа и меня. Но мне все еще непонятно, что вас сюда привело.

– Это предмет деликатный, мэм. Я разыскиваю кое-какие сведения относительно миссис Мелламфи.

– И вновь вы меня удивляете, мистер Сансью. Если она, как вы утверждаете, полностью вам доверяет, то что я могу вам поведать такого, чего не откроет она сама?

Адвокат беспокойно ерзает на стуле.

– Как же, миссис Фортисквинс, случается порой, что адвокату приходится, в интересах клиента, наводить о нем справки без его ведома.

– Вы меня заинтриговали, мистер Сансью. Поскольку мой покойный муж был адвокатом, я имею некоторое представление о юридической практике, но ни о чем подобном ни разу не слышала. При каких обстоятельствах такое возможно?

Мистер Сансью сдвигает брови.

– К примеру, мэм, адвокату становится известно о неких расплывчатых пока возможностях, благоприятных для клиента или же наоборот, и при этом он не желает ни пугать его, ни внушать ложные надежды.

– И вы, разумеется, руководствуетесь интересами миссис Клоудир, – замечает вдова.

– А как же, мэм, – серьезно отзывается мистер Сансью.

– И готовы в этом поклясться?

– Безусловно. Допустить иной мотив значило бы бросить тень на свою благородную профессию.

Миссис Фортисквинс как будто размышляет.

– И о чем вы меня спросите, если я соглашусь вам помочь?

– Мне необходимо знать ее девичью фамилию и получить сведения о некоторых родственных связях.

– Мистер Сансью, я вновь теряюсь в догадках. Вы знаете фамилию ее мужа, семейство это известно – чтобы не сказать, прославлено – в коммерческих кругах, так что вам стоит зайти с этого конца?

– Мелламфи – прославленная фамилия? – удивляется мистер Сансью, но тут же замолкает. – Прошу прощения. Ее настоящая фамилия. Конечно. Клоудир. Совсем запутался.

– Я собиралась сказать, что, к сожалению, ничем больше не могу вам помочь. Мой покойный муж занимался делами миссис Клоудир просто из любезности, и потому мне ее интересы несколько не близки.

– Спасибо, миссис Фортисквинс. – Адвокат с готовностью встает и улыбается. – Пре-многу вам благодарен.

Миссис Фортисквинс приподнимается и дергает за шнурок колокольчика.

– Но я не сказала вам ничего для вас нового.

– Как раз этим вы мне и помогли.

Дверь распахивается, и мистер Сансью с поклоном удаляется, а хозяйка, слегка нахмурившись, вновь садится на оттоманку.

Глава 15

Представим себе, что с нашей последней встречи с мистером Сансью минуло день или два, мы вновь за ним следуем, на дворе зимний вечер, холодный и сырой, близится время закрытия магазинов. Он спускается по Ладгейт-Хилл, углубляется, забирая к реке, в лабиринт узких проулков и оказывается наконец чуть западнее Аппер-Теймз-стрит, у входа в улочку, которая вдоль мощенной булыжником дороги идет к одной из старых лестниц на набережной Темзы. Осторожно сходит вниз и у берега осматривается. Единственным источником света служит окно на первом этаже одного из высоких домов, которые выстроились задами вдоль улочки. Похоже, это конторское здание, и, когда мистер Сансью заглядывает в заросшее грязью окошко, он видит, что газовая горелка светит совсем слабо и, несмотря на холод, угли в камине кто-то сгреб в кучу.

Когда мистер Сансью входит в приемную, ему навстречу поднимается из-за высокой стойки служащий. Это мужчина лет пятидесяти, среднего роста, но плотного сложения, с лысеющей головой и круглым, довольно пухлым лицом, с красными веками и носом. Одет он в табачного цвета сюртук с крупными медными пуговицами, ярко-желтую жилетку и вельветовые штаны.

– Добрый вечер, сэр. Не правда ли, я имею честь обращаться к мистеру Сансью? – Он промокает большим платком слезящиеся глаза.

– Именно-именно. – Адвокат улыбается.

– Тогда мой начальник ждет вас, сэр. Не будете ли вы так добры проследовать вот туда?

Клерк готов уже отвернуться, но адвокат жестом его останавливает:

– Одну секунду, пожалуйста. Сейчас шесть часов. Когда я закончу здесь дела, будет пора обедать. Поблизости у меня назначена еще одна встреча, а поскольку эти места мне незнакомы, не будете ли вы так любезны указать харчевню где-нибудь невдалеке?

– Проще простого, сэр. Заведение Милличампа на углу. Вы должны были его видеть, когда шли сюда.

– Вы можете его рекомендовать?

– Вполне, сэр. Обычно я там обедаю. Собственно, в скором времени я туда как раз собираюсь.

– Тогда, вероятно, я буду иметь удовольствие вас там видеть. – Мистер Сансью сопровождает свои слова легким поклоном.

– Почту за честь, сэр. – Клерк кланяется в ответ.

– С каким дьяволом вы там сцепились языками, Валльями! – раздается внезапно окрик из внутреннего помещения. – Я вам не за сотрясение воздуха плачу, балаболка вы чертова!

– Совершенно верно, сэр. Сию минуту, уже иду. – Клерк распахивает дверь и показывает мистеру Сансью дорогу.

Личный кабинет мал и пропитан горьким запахом, от которого мистеру Сансью почему-то вспоминаются дохлые мухи. Темень такая, что адвокат с трудом различает фигуру, притаившуюся в дальнем пыльном углу. Он слышит шелест бумаги, потом высокий резкий голос:

– Чего вы от меня хотите, мистер Сансью?

Мистер Валльями включает газовый рожок на стене у двери и выходит. Теперь света достаточно, чтобы адвокат разглядел начальника мистера Валльями – худого низенького человечка с бледным лицом (он моргает и закрывает глаза ладонью). Черты лица у него резкие, серые глазки беспрерывно мигают, тонкие губы часто приоткрываются, и язык недоверчиво пробегает по верхней губе. Небольшой парик на его голове похож на подгнившую цветную капусту, широкий галстук пожелтел, долгополый зеленый сюртук старомодного

фасона грязен и заплатан, на жилетке едва видны выцветшие полосы, ноги обтянуты нанковыми штанами.

– Я пришел от имени моего клиента – узнать относительно размещения некоторой денежной суммы.

При этих словах лицо старика загорается чуть ли не детским восторгом.

– В самом деле? – Он спешит из своего угла навстречу визитеру; тощие ноги словно рвутся вперед сами по себе, помимо его тела и помимо воли. Мистер Сансью видит, что при общей худобе живот его нелепо раздут. Старый джентльмен протягивает свою длинную руку, мистер Сансью пожимает ее и тихонько вздрагивает, ощутив ее липкость. – Тогда я очень рад видеть вас, мистер Сансью. Я-то думал, вас привело совсем иное дело. Садитесь, пожалуйста, располагайтесь поудобнее. – Пока мистер Сансью устраивается, старик с улыбкой потирает руки. – Не желаете ли чего-нибудь выпить?

– Вы очень любезны, сэр.

– Бренди с водой?

– Благодарю.

– Очень хорошо. – Старый джентльмен произносит это таким тоном, словно услышал от гостя остроумную шутку. Внезапно он пронзительно кричит: – Бренди с водой, Валльями, да поживее!

Дверь открывается, мистер Валльями спешит внутрь с небольшим подносом, где стоят бутылка, стаканы и фляжка с водой. Со стуком поставив поднос на стол, он быстро удаляется.

– Ну вот, сэр, – произносит старый джентльмен, когда в руках у обоих оказывается по стакану. – Цифры вы не упоминали? Как будто нет.

– Что, если тысяча фунтов или около того?

– Почему бы и нет? Почему бы и нет? – Руки у старого джентльмена начинают трястись.

– А впоследствии, возможно, еще сколько-то, – добавляет адвокат.

– Еще сколько-то, – повторяет старик. – Очень хорошо. Так вот, сэр, в настоящее время я владею долями нескольких компаний, но в особенности рекомендую «Консолидейтид-Метрополитан-Билдинг-Компани». Скажу откровенно, сэр, я продвигаю эту компанию, так как верю в ее полную надежность.

– От человека с вашей репутацией я другого высказывания не ожидал, – отзывается адвокат.

Старый джентльмен молча смотрит на него, прежде чем продолжить.

– Именно, именно. Вашему клиенту повезло: еще не все акции успели разойтись. Да, думаю, я найду для него пакет стоимостью в тысячу фунтов, но окончательно это выяснится через неделю или две. – Он начинает рыться в бумагах на столе и на полках, время от времени улыбаясь адвокату. Потом хмуро скашивает глаза на дверь. – Валльями! – кричит он внезапно.

Дверь открывается, пожилой клерк входит, волоча ноги и вытирая рот платком.

– «Консолидейтид-Метрополитан-Билдинг-Компани», – рявкает старый джентльмен. – Найдите мне проспект.

– «Консолидейтид-Метрополитан-Билдинг-Компани», – повторяет мистер Валльями, поглядывая на адвоката, который с выражением полнейшего спокойствия наблюдает за ними обоими. – Вы уверены, сэр? Точно уверены?

– Конечно уверен, недоумок! Выметайтесь и ищите!

Мистер Валльями, шаркая ногами, выходит. Старик улыбается адвокату:

– Печальный случай, сэр. – Он выразительно поглядывает на свой стакан. – Пьянчуга. Держу его только из жалости. У него больная жена и хромоногий ребенок. Возможно, я

поступаю неправильно, однако, надеюсь, заслуживаю прощения. Видите ли, он поступил ко мне еще мальчишкой.

Старый джентльмен тяжело вздыхает, адвокат произносит:

– Ваши чувства делают вам честь, сэр.

– Вы так считаете, сэр? Вы меня успокоили. Конечно, я доверяю ему только самую простую работу. Ничего конфиденциального, уверяю вас. О моих делах он почти ничего не знает.

Дверь открывается, мистер Валльями кладет на стол перед патроном печатный документ и уходит.

Старый джентльмен усаживается за стол, макает перо в чернильницу и поднимает взгляд.

– А теперь, сэр, если позволите, мне нужны некоторые сведения. Имя джентльмена...

– Это леди.

– Леди? – Старик удивлен.

Внимательно изучая лицо собеседника, мистер Сансью неспешно кивает.

– Живет за городом. – Вновь пауза. – С маленьким ребенком. – И вновь пауза, но лицо старого джентльмена остается невозмутимым. – Мальчиком, – заключает мистер Сансью.

– Очень хорошо. А ее фамилия?

Мгновение поколебавшись, адвокат произносит:

– Мелламфи.

Все так же невозмутимо старый джентльмен склоняется над листом бумаги и начинает писать.

– Миссис Мелламфи, – добавляет мистер Сансью и диктует по буквам.

– Да-да, так я и понял, мистер Сансью, – нетерпеливо уверяет собеседник, поднимает глаза и улыбается. – Адрес?

– Письма направлять мне.

– Очень хорошо. – Он отодвигает в сторону бумагу и берет проспект. – Так вот, дорогой сэр, как я уже говорил, я являюсь представителем этой компании, которая предпринимает данную спекуляцию. Ей удалось сделать выгодное приобретение: взять в аренду участок земли площадью четыре с четвертью акра в лучшей части столицы и все же незастроенный, между Пимлико и Вестминстером. Не сообразовали ли взглянуть на вторую страницу? – Он открывает документ и указывает на изображенную там карту.

– Вероятно, не самый фешенебельный район? – предполагает адвокат. – Или не самый здоровый для проживания?

– Не самый фешенебельный на сегодняшний день – пожалуй, но с очень здоровым климатом, поскольку Бейсн и топи осушены, и еще он прилегает к имению Гроувенор, которое пущено под застройку и пользуется все большим успехом у самых уважаемых семейств. – Откашлявшись, он продолжает: – Цена, которую компания согласилась платить, сорок пять тысяч фунтов, исключительно благоприятна. Аренда, как принято в таких случаях, заложена, но, разумеется, будет выкуплена, как только разойдется достаточное количество акций.

– Разумеется.

– Кредитор по закладной – в высшей степени уважаемый банкирский дом Квинтард и Мимприсс.

– Мне известны и этот банк, и его незапятнанная репутация.

– Превосходно, – осклабившись, кивает старый джентльмен. – Наиболее выдающиеся архитекторы и искусные геодезисты уже составили планы сооружения ста семидесяти восьми жилых домов. – Старый джентльмен открывает проспект и кладет на стол, приглашая мистера Сансью взглянуть. Оба джентльмена рассматривают план, на котором вычерчены

будущие улицы и площади. – Вы убедитесь, что проектом предусмотрены по большей части дома для приличных людей – собственно, для аристократии, – с изысканными фасадами, прочные и удобные. К настоящему дню компания собрала около десяти тысяч фунтов; по закладной она должна платить банку три тысячи пятьсот фунтов в год в течение двенадцати лет, что покроет основную сумму и проценты. Но выплаты, как принято в таких случаях, начнутся только через два года. Что делает вложение чрезвычайно надежным.

– По-видимому, так.

– Как опять же принято, компания не будет самостоятельно вести работы, а сдаст участки за шесть тысяч фунтов в год главному подрядчику, и тот решит, осуществлять ли проект самому или силами субподрядчиков. Когда дома будут возведены, главный подрядчик начнет платить компании по шесть тысяч фунтов в год. Таким образом, как вы видите, прибыль компании составит не меньше двух с половиной тысяч фунтов в год, риск же практически сведен к нулю.

– У меня только один вопрос. – Мистер Сансью откидывается на спинку стула и произносит с расстановкой: – Будет ли предлагающийся главному подрядчику договор содержать условие относительно сроков строительства?

По лицу старого джентльмена расплывается улыбка, говорящая о том, что этот вопрос радует его как никакой другой.

– Да, мистер Сансью, вижу, вы проникли в самую суть. В контракте будет содержаться обычное условие: арендные платежи за земельный участок под застройку пойдут с того времени, когда будет закончена половина домов.

Мистер Сансью лишь поднимает брови, и старый джентльмен спешит добавить:

– Как вам, несомненно, известно, это стандартное условие, позволяющее привлечь необходимый для строительства капитал.

– И все же, – рассуждает мистер Сансью, – это означает, что, пока условие не выполнено, подрядчик может продавать готовые дома и брать себе прибыль, не делясь с компанией ни единым медным фардингом!

– В теории – да, – уступает старый джентльмен так, словно эта мысль ему самому не приходила в голову. – Но, при ваших знаниях, вы не усомнитесь в том, что такое условие, вопреки видимости, для компании весьма выгодно.

– В самом деле?

– Да, поскольку, чтобы покрыть понесенные подрядчиком расходы, он должен закончить и продать много больше, чем половину домов.

Мистер Сансью, судя по всему, размышляет, а затем бросает небрежно:

– А помимо того имеется фригольдер, который сохраняет за собой земельную ренту.

В ответ на удивленный взгляд старого джентльмена он объясняет:

– Видите ли, за фригольдером сохраняются реверсивные права, и он может восстановить владение землей в случае, если договор нарушен, или арестовать имущество за долги.

– Поскольку юрист вы, а не я, – снисходительно уступает старый джентльмен, – не сомневаюсь, вы правы. Но, заверяю вас, подобное развитие событий невозможно.

– Вы уверены? А кто владелец земли?

Старый джентльмен начинает перебирать свои бумаги; губы его поджаты, словно бы он впал в глубокое замешательство. Наконец он поднимает взгляд и честно признается:

– Не могу сказать, так как сделка оформлена на номинального фригольдера, «Пим-лико-энд-Вестминстер-Лэнд-Компани», за которым скрывается владелец реальный. Но заверяю, о невыполнении компанией своих обязательств перед фригольдером речь не идет. Вспомните, дорогой сэр, за нами стоят Квинтард и Мимприсс.

– В самом деле, Квинтард и Мимприсс. Название, внушающее доверие.

Старый джентльмен улыбается, и мистер Сансью продолжает:

– Так вот, сэр, выслушав ваши ответы, я расстался с последними сомнениями по поводу надежности проекта.

Старый джентльмен улыбается до ушей.

– У меня совсем не осталось сомнений. – Мистер Сансью улыбается в ответ. – Никаких.

– Вы очень любезны, сэр.

– Это мыльный пузырь, так ведь? – С лица адвоката не сходит улыбка.

Любезная мина старого джентльмена превращается в оскал.

– Что вы этим хотите сказать, сэр?

– Ловушка для дурачков.

– Да как вы смеете! – яростно восклицает старый джентльмен, поднимаясь со стула. Но тут же хватается за грудь и с хрипом и кашлем падает обратно. – Мне нельзя волноваться. Никак нельзя, – задыхаясь, бормочет он.

– Вы неправильно меня поняли, сэр, – мягко произносит мистер Сансью, по-прежнему удобно сидя в кресле и поигрывая перчатками. – Я, право слово, очень заинтересовался вашим проектом. Думаю, мы с вами могли бы взаимовыгодно сотрудничать.

Старый джентльмен широко открывает глаза.

– Так вы намерены посоветовать своей клиентке, чтобы она вложила деньги в это предприятие?

– Безусловно, я весьма настоятельно порекомендую ей купить на тысячу фунтов акций.

– В «Консолидейтид-Метрополитан-Билдинг-Компани»?

– Именно. Более того, у меня имеется собственный небольшой капитал, который я хотел бы разместить под приличный процент.

Старый джентльмен озадачен.

– Но конечно...

Мистер Сансью смеется:

– Нет-нет, не в «Консолидейтид-Метрополитан-Билдинг-Компани». Я очень желал бы приобрести долю во фригольде.

Они со старым джентльменом обмениваются взглядами. Наконец последний произносит:

– Рискну предположить, что мне удастся установить личность фригольдера. Не исключено, что он пойдет на эту сделку.

– Очень на это надеюсь, – кивает мистер Сансью.

– И если мы сможем договориться об условиях, мистер Сансью, не захотите ли вы взять на себя роль главного подрядчика?

– А что от меня потребуется?

– Сущие пустяки: создать компанию, которая будет существовать – исключительно на бумаге – в качестве главного арендатора. Все работы будут поручены мелким субподрядчикам. Но даже этим вам заниматься не придется, если вы знаете какого-нибудь ремесленника – каменщика там или столяра, – на которого можно положиться.

– Можно положиться? – повторяет мистер Сансью. – Вы имеете в виду, дорогой сэр, положиться в том, чтобы он внушал доверие другим людям? – Старый джентльмен кивает. – Что ж, наверное, я смогу такого найти. – Он удобно откидывается на спинку стула и поднимает стакан. – Идея мне нравится. Давайте же отметим рождение... скажем, «Вест-Лондон-Билдинг-Компани».

Джентльмены пьют за здоровье друг друга.

– Вижу, нам многое предстоит обсудить, – замечает адвокат. – Надеюсь, мы оба честно выложим карты на стол, мистер Клоудир.

Книга IV Спекуляции

Глава 16

Харчевня, окрещенная в честь некоего Милличампа, до сих пор стоит (во всяком случае, стояла два-три месяца назад) на углу Аппер-Теймз-стрит и Аддл-Хилл. Немного позднее тем же вечером мы могли бы наблюдать там мистера Сансью; мальчик-прислужник провожает его в угол напротив бара, разделенный деревянными перегородками, где он обнаруживает мистера Валльями – в уюте кабинета, со стаканом под локтем, тот мирно наслаждается бараньей отбивной и гарниром с каперсами.

– Дорогой сэр, вы устроились со всеми удобствами, – восхищается мистер Сансью.

Мистер Валльями поднимает свое большое меланхолическое лицо и привстает с сиденья, чтобы приветствовать подошедшего поклоном.

– Почту за честь, если вы согласитесь ко мне присоединиться, – бормочет он со слабой улыбкой.

Просияв, мистер Сансью усаживается напротив старшего клерка.

– На редкость аппетитно выглядит эта отбивная, – любезно замечает он. – Думаю, стоит заказать себе такую же. И стаканчик спиртного в придачу. Не соблаговолите ли, мистер Валльями, выпить со мною вина?

Мистер Валльями соблаговолит, и мальчику дается соответствующий заказ.

– Ей-богу, – задумчиво произносит мистер Сансью, – нет ничего приятнее, чем иметь дело с таким человеком, как ваш начальник. Любезнейший джентльмен старой закалки.

– Вот какое у вас создалось впечатление, сэр?

– Да-да. – Как раз в этот миг мальчик приносит бутылку. – Так и воображаю себе его в окружении хохочущих внуков, мистер Валльями. Наверное, он очень счастлив в семейной жизни?

– Жена умерла, – бормочет мистер Валльями. Когда мистер Сансью наливает ему стакан, лицо его светлеет.

– Вот как? Ну да. – Мистер Сансью печально качает головой и отхлебывает из стакана. – Дочери?

– Нет.

– В самом деле? И невестки тоже нет? – Мистер Валльями молчит, и адвокат замечает вскользь: – Он как будто единственный мистер Клоудир, кого я знаю в городе. – Вновь не дождавшись ответа, он добавляет: – То есть мне не попадалось другого джентльмена с такой фамилией.

Мистер Валльями молча смотрит на мистера Сансью, а его левая рука энергично ходит вверх-вниз, нажимая на ручку невидимого насоса.

Намек на «подкачку» собеседника адвокат встречает веселым смехом и наливает ему второй стакан.

Выпив, мистер Валльями произносит:

– Как вы сказали, мистер Сансью, в Лондоне нет молодого человека с такой фамилией, занимающегося коммерцией или каким-либо ремеслом.

В этот миг мистеру Сансью приносят обед, и он как будто не слышит собеседника. Но вскоре он спрашивает:

– Может, внук?

Мистер Валльями пожимает плечами.

Мистер Сансью переводит разговор на другую тему, а клерк, пока он ест, занимается остатками вина. Когда бутылка кончается, адвокат заказывает другую, а когда в глотке мистера Валльями исчезает еще полбутылки, замечает:

– Этот проект, который помогает продвигать ваш наниматель, «Консолидейтид-Метрополитан-Билдинг-Компани», – остроумная затея, не правда ли?

Мистер Валльями кивает и улыбается.

– В высшей степени неблагоприятно со стороны фригольдера – кто бы там ни скрывался за «Пимлико-энд-Вестминстер-Лэнд-Компани» – сдать в аренду такой ценный участок за сущие гроши, – размышляет вслух адвокат.

– Вам так показалось? – выразительным тоном спрашивает мистер Валльями.

– Вы хотите сказать, фригольдер знал, что делает? – восклицает мистер Сансью. Мистер Валльями, судя по его виду, несколько удивлен проницательностью адвоката, но тот продолжает: – Дорогой сэр, как вы можете делать такие утверждения?

Мистер Валльями подпирает щеку не совсем уверенной рукой, а потом тыкает себя в грудь.

– Понятно! Вы номинальный владелец «Пимлико-энд-Вестминстер-Лэнд-Компани»! Кто же истинный ее владелец, хотел бы я знать?

Мистер Валльями опирается на локоть и многозначительно подмигивает. Впрочем, локоть его соскальзывает с края стола, что несколько портит эффект.

– Мистер Клоудир! – восклицает адвокат, а спутник, ошеломленный скоростью его умозаключений, вновь кивает. – Тогда, похоже, я понял все до конца! Но как же он должен вам доверять!

– О, он во мне уверен. – Мистер Валльями трясет головой.

– А вы, в свою очередь, доверяете ему, – дружески замечает мистер Сансью. – Поскольку публичное разоблачение повредит вам обоим.

– Как я могу ему не доверять? Знайте, мистер Сансью, я многим ему обязан. Да и как не доверять человеку, который через слово поминает правосудие? А еще столь многое вложил в этот треклятый процесс?

– Какой процесс?

Вероятно, день для мистера Валльями выдался особенно трудный: во время разговора он начинает клевать носом.

– Как же, мистер Сансью, вы должны знать. В Сити только об этом и говорят. У него уже много лет длится процесс в суде лорд-канцлера.

– В самом деле? Как будто я что-то об этом слышал. А с кем он судится?

– С семейством по фамилии Момпессон.

– Момпессон? – повторяет мистер Сансью. – Мампси, вот оно что! – восклицает он и, чтобы скрыть свое удивление, залпом осушает стакан. – Вы уверены, что у него нет невестки? Молодого мистера Клоудира не существует, сказали вы. Но, может, он существовал раньше?

Но мистер Валльями склоняется вперед и, словно непосильный груз, роняет голову на сложенные руки.

Мистер Сансью встает и трясет его за плечи.

– Не было ли у него сына, ныне умершего?

Ответа нет. Адвокат все грубее расталкивает собеседника. Убедившись наконец, что мистер Валльями заснул, он звонит в колокольчик и говорит прислужнику:

– Найдите мне носильщика. Кажется, по пути сюда я видел одного: он торчал в соседней подворотне.

Мальчик убегает, а мистер Сансью отнюдь не дружелюбным взглядом оглядывает своего сотрапезника, который, уткнувшись лицом в стол и устроив локти среди объедков, громко

храпит. Вскоре прислужник возвращается, ведя за собой нечесаную личность в заляпанном жиром верхнем сюртуке. Адвокат отпускает мальчика и говорит носильщику:

– Знаете «Лебедя с двумя шеями» в Чипсайте?

Тот ухмыляется:

– А как же, хуже притона в городе не найдешь.

– Попрдержите язык и послушайте. – Адвокат понижает голос, так что грузчику, чтобы его расслышать, приходится наклонить голову.

Глава 17

Однажды утром, через месяц или два после отъезда миссис Белфлауэр, я пошел после завтрака на уроки в гостиную и застал матушку в очках для чтения, которые она надевала всякий раз, когда занималась «делами». Она с улыбкой подняла взгляд.

– Я получила такое любезное письмо от мистера Сансю. Он, видно, вплотную занимается моими делами, потому что очень настойчиво советует не соглашаться на просьбу Биссетт. Она, видишь ли, хочет, чтобы я повысила ей жалованье, ведь после ухода миссис Белфлауэр у нее прибавилось обязанностей.

Так вот о чем она хотела поговорить с матерью, когда Сьюки рассказывала мне о смерти своего отца!

– По словам мистера Сансю, его очень беспокоит, что наши доходы не покрывают расходов, а новых доходов не предвидится. Видишь ли, правительство понизило процент по бумагам консолидированного фонда – у меня такие имеются. Другими словами, Джонни, мы совсем обед-нели.

– А разбогатеть мы как-нибудь можем?

– Да, Джонни. Он советует мне вложить деньги в более доходные бумаги.

– Как будто неплохая идея! – воскликнул я. – Не понимаю, почему дядя Мартин об этом не подумал.

– Ну, сыночек, он был довольно старомодным человеком.

– И что пишет мистер Сансю: как тебе нужно поступить?

– Это очень запутанная история, я сама не все поняла, ты и подавно не поймешь. Но я прочту выдержки, может, станет яснее. – Она поправила очки и стала читать вслух, запинаясь на трудных словах: – «Соответственно, мы советовали бы средства, в размере тысячи фунтов, помещенные сейчас в бумаги консолидированного фонда, отсюда изъять и приобрести на них акции вышеупомянутой «Консолидейтид-Метрополитан-Билдинг-Компани». Компания эта намерена получить прибыль от освоения участка земли на крайнем западе столицы, арендованного ею на очень выгодных условиях. Долг велит нам оговорить, что такого рода предприятия всегда связаны с известным риском, однако в данном случае у нас есть все резоны доверять компании, руководство которой знакомо нам лично. Более того, владение землей, даже на условиях аренды, является надежнейшей формой капиталовложения. По самым скромным подсчетам, за два года общая стоимость аренды – а соответственно и акций компании – должна по меньшей мере удвоиться». – Матушка взглянула на меня. – Видишь, Джонни, мистер Сансю как будто убежден, что эта идея хороша, так? А земля и дома – это вложение самое надежное, правда?

– Конечно, – согласился я, хотя мало что понял.

– Если мы, как предлагает мистер Сансю, вложим тысячу фунтов, то на следующие два года нужно будет совсем затянуть пояса, потому что жить придется на те средства, которые останутся в фонде.

– Тысяча фунтов! Думаешь, мама, мы должны это сделать? В конце концов, мистер Сансю и сам говорит, что есть риск.

– Но он будет очень обижен, если я не последую его совету, он ведь так хлопотал ради нас.

– Верно. Но вот что! Отдай ему триста фунтов.

– Да, наверное, это лучшее решение. Это все же изрядная сумма, так что он не слишком обидится.

– А если она удвоится, будет шестьсот фунтов!

– Очень хорошо. Так я ему и напишу. Хорошо, что я тебя спросила. Ты умница. – Она обняла меня. – А скоро мы сможем вздохнуть спокойно. Шесть сотен фунтов! Не исключено, что и сверх того! Это большой день. Нужно его отпраздновать. Знаю: я приготовлю негус!

Это замечательное действие, приуроченное к особым случаям, привлекало меня скорее своим праздничным характером, нежели конечным результатом, – сам напиток мне не нравился, но матушка уверяла, что в конце концов я его полюблю, и я ожидал, что в один прекрасный день мои вкусы разом переменятся. Матушка помчалась в кухню и возвратилась с горячей водой и прочими ингредиентами; пока она перемешивала сахар, лимон, корицу, херес и еще одну или две составляющие, мы толковали о том, как благодаря предусмотрительности мистера Сансью я смогу поступить в хорошую школу и получить достойную профессию. Потом мы чокнулись (мой стакан был полон на четверть) и отпили горячей жидкости, очень сладкой, но одновременно горькой.

– Мне так и не нравится, – вздохнул я. – Откуда этот противный вкус?

Матушка рассмеялась. Потом сказала серьезно:

– Теперь я должна поговорить с Биссетт. – Она налила себе еще стаканчик. – Не сходишь ли за ней, Джонни?

– Ты ее собираешься уволить? Мы сэкономили бы кучу денег.

– Ну, – заерзала матушка, – может, она сама решит уйти.

Я помчался в кухню, где нашел багровую от гнева Биссетт; она стояла, уперев руки в бока, и отчитывала Сьюки, которая сидела на стуле перед камином и рыдала в передник.

Я сказал Биссетт, что ее зовет матушка, и, когда она вышла, осторожно спросил Сьюки, не нужна ли ей моя помощь.

Она подняла глаза, хлюпнула носом и спросила:

– Как насчет картишек?

– Мне запрещено играть на деньги, – грустно отказался я.

– Это не такие карты. – Она извлекла из кармана и выложила на стол грязную колоду карт, рисунок которых оказался очень странным. – Они для предсказаний.

– Этого мне точно не запрещали.

Она принялась за гаданье, надеясь утешиться видениями будущего благополучия, но, как ни старалась получить хороший расклад, карты упорно пророчили самые страшные бедствия. Это, как она выразилась, злосчастье вконец ее расстроило; я попытался поднять ей дух уверенением, что теперь она предупреждена и сумеет предотвратить самое худшее, но Сьюки настаивала на том, что грядущие события изменить невозможно. Увлечшись, мы не слышали вовремя шагов Биссетт и смолкли, только когда она уже открыла дверь. Она оглядела карты негодующим взглядом, но, к моему удивлению, пробормотала только: «Языческие забавы» – и отвернулась.

Я отправился обратно в общую комнату – матушка сидела на софе с побледневшим лицом.

– Ну что, она увольняется? – спросил я.

– Не говори так, Джонни, – выдавила из себя матушка. – Похоже, она привязана к нам гораздо больше, чем мы думали.

– Почему ты так решила?

– И она, несомненно, очень нам верна, – задумчиво добавила матушка.

Больше я ничего не смог от нее добиться.

В последующие дни Биссетт вела себя на удивление терпеливо, словно бы внезапно примирилась с нравственным несовершенством окружающих.

Глава 18

За недели и месяцы после ухода кухарки обязанности в доме были перераспределены. Биссетт получила неограниченную власть над Сьюки (и принялась так неумоимо следовать идеалам чистоты, что подолгу не отпускала ее домой, заставляя вновь и вновь надраивать камин в кухне). Тем временем матушка, с помощью Сьюки, взяла на себя приготовление еды, и, надобно признаться, я чем дальше, тем больше ощущал отсутствие миссис Белфлауэр. Лишившись кухарки, умевшей рачительно вести хозяйство, мы экономили на всем: одежде, провизии, свечах, угле, тем более что времена наступили суровые и цены постоянно росли. Между тем сцены с участием Биссетт и Сьюки, подобные той, вышеописанной, которую я прервал, случались все чаще. Без добродушной веселости миссис Белфлауэр и ее превосходных кулинарных изделий (воспоминания о том и другом были еще свежи) Рождество прошло уныло. Не потускнели и другие воспоминания, и я не однажды задавал Сьюки вопросы о Хафеме, в надежде (так и не сбывшейся) услышать что-нибудь о моей маленькой приятельнице. Тетка Сьюки жила теперь с нею, известия из этой деревни к ней почти не поступали, и я наконец оставил расспросы. Учеба моя продолжалась, я нашел старый латинский учебник, на который наткнулся еще в давние времена, и начал изучать этот язык. Одним из плодов моих стараний стало то, что я понял: девиз, говоривший, как мне казалось, о позорном малодушии, мог быть переведен совсем иначе – «Розу безопасности ищи в самом сердце опасности».

В следующем году, в конце весны, мистер Сансю нам написал, объясняя что-то касательно судьбы нашего вложения, и матушка показала мне письмо и назвала его очень хорошей новостью. Компания, писал адвокат, заключила выгодную сделку: земля отдана в субаренду за повышенную плату уважаемому банкирскому дому Квинтард и Мимприсс. Единственным неудобством для акционеров, указывал он, будет небольшая задержка с завершением контракта.

– Видишь, Джонни, – заметила матушка, – я знала, что все будет в порядке. Зря ты отговаривал меня вложить больше денег. К счастью, твоя мать разбирается в таких вещах лучше, чем ты.

Задержка, однако, затянулась; следующей весной предприятию минуло два года – срок, когда наши вложения, как первоначально намечалось, должны были принести плоды, но месяц следовал за месяцем, а мистер Сансю все не мог назвать матери твердую дату, когда мы сможем получить свои деньги.

Тем летом я чем дальше, тем больше скучал и злился из-за одиночества, потому что мне строго-настрого было запрещено даже разговаривать с другими детьми. Но как-то, погожим июльским днем, я воспользовался тем, что матушка, Биссетт и Сьюки не договорились, кому за мной присматривать, и выскользнул за порог. По дороге в деревню мне встретились трое моих ровесников, за которыми я часто наблюдал и которым завидовал. Я их окликнул, они отозвались, хотя и настороженно и не особенно любезно. Они разрешили мне пойти с ними, и мы направились к заброшенному амбару на окраине деревни. Я понимал, что затея готовится тайная или даже подзапретная, а так как Гарри ронял в свое время намеки относительно охоты на крыс и петушиных боев, меня разбирало любопытство.

В полутьме сарая, куда мы вошли, прямо у нас под ногами что-то шипело и при нашем приближении судорожно заметалось. Мои сотоварищи радостно загалдели, послышались возгласы: «Ага, вот и попалась!» Это была, судя по всему, черная кошка, угодившая лапой в

капкан. С виду настоящее страшилище: лапы тонкие как спички, а брюхо раздуто до жути. Кошка пыталась удрать, но шнурок надежно ее удерживал, и она, выгнув спину и распластавшись на полу, могла только яростно на нас фыркать. Хотя я и недолюбливал кошек, считая их хитрыми, двуличными тварями, но это зрелище меня ужаснуло. И меня охватил еще больший ужас, когда мои спутники принялись подбирать увесистые камни, лежавшие со всех сторон вокруг, словно их разбросали здесь раньше.

Охота на крыс мне представлялась честным занятием: крысы имели шанс спастись или даже кинуться на собак, а на петушиных боях два противника сражались на равных условиях. Но тут – это было жестоко и отвратительно! Я запротестовал и попробовал втолковать мальчишкам, что так поступать нельзя, однако они и ухом не повели и принялись швырять камни в затравленное животное. Когда я начал хватать их за руки, они переключились на меня.

Меня окружили, надавали тумачков под ребра, сбили с ног и вывалили в грязь. От худшей участи мне удалось улизнуть, но, явившись домой растерзанным, я не мог утаить случившееся и был наказан (по настоянию Биссетт) тем, что меня отправили в постель без ужина.

Когда лето сменилось осенью, я заметил, что матушка выглядит все более утомленной и озабоченной. Настала зима, к Рождеству от мистера Сансю не поступало известий. В Сочельник ударил мороз, но мы трое – матушка, Сьюки и я – воспользовались солнечной безветренной погодой, чтобы собрать в Мортсейском лесу охапки вечнозеленых растений и найти рождественское полено, которое я приволок домой. Тем же вечером, когда мы – вызвав этими «языческими обрядами» негодование Биссетт, – украсили дом зеленью и положили полено в камин в общей комнате, мы с матушкой обменялись подарками и принялись вспоминать, как праздновали Рождество в прошлые годы.

Пришла дочка почтмейстера с письмом, и я, оставив матушку читать его, отправился в кухню – послушать, как Сьюки, ощипывая гуся для завтрашнего обеда и измельчая пряности для начинки и глинтвейна, рассказывает истории о привидениях. В комнате витал аромат корицы и гвоздики, но мне не хватало миссис Белфлауэр, и я был уверен, что, несмотря на все наши старания, обеду будет далеко до прежних. Биссетт штопала чулки и делала вид, что рассказы Сьюки ее не интересуют, но время от времени, не удержавшись, отпускала неодобрительное или скептическое замечания.

– И с того времени по сейчас никто в деревне больше его не видел, – заключила Сьюки особенно жуткую историю об исчезновении нечестивого церковного сторожа.

– Бред собачий, – проворчала Биссетт. – Нашла тоже чем забивать ребенку голову.

Тут в кухню вошла матушка.

– Джонни, – проговорила она, – пойдем! Мне нужно кое-что с тобой обсудить.

Мы вернулись в общую комнату и удобно устроились в оконной нише. При слабом наружном свете нам было видно, как падает за окном снег, словно добиваясь, неспешно и втихомолку, какой-то цели.

– Сыночек, – начала матушка, – ума не приложу, что мне делать с этим письмом от мистера Сансю.

– Скоро мы получим деньги?

– Понятия не имею. Послушай, я прочту тебе выдержку: «Лишение права выкупа закладной, следующее за обманом доверия подрядчика, – это случай, не предусмотренный в рамках почитаемого принципа, что – благие небеса, Джонни! – «Crastinus enim dies sollicitus erit sibi ipsi. Sufficit diei malitia sua»... По-моему, это латынь. «Тем не менее такого развития событий можно избежать, если нынешние акционеры согласятся увеличить капитал компании, ввиду чего настоятельнейшим образом рекомендую вам сделать дополнительное вло-

жение в размере пятисот фунтов. Прилагаю на подпись соответствующие документы». Ну, что ты думаешь, Джонни?

– Мама, мне сдается, что-то там не заладилось.

– Не может такого быть, иначе зачем он предлагает нам внести еще деньги?

– Чтобы спасти те, которые мы уже вложили. Но, думаю, не стоит швырять хорошие деньги вслед плохим.

Это было любимое присловье Биссетт.

– Но тогда, если ты прав, мы можем потерять все, что вложили!

– Правда, но ведь ты говорила, что мы можем себе позволить потерять триста фунтов.

– Ну да, говорила. – Матушка опустила глаза и покраснела. – Но, видишь ли, Джонни, на самом-то деле денег больше.

Она заколебалась.

– Ты хочешь сказать, мы потеряем и те деньги, которые могли бы заработать, если все пройдет хорошо?

– Да, как раз это я и имела в виду. Так не думаешь ли ты, что нам нужно еще рискнуть?

– Да, наверное.

– Очень хорошо. Поступим так, как советует мистер Сансю, и вложим еще пятьсот фунтов.

Матушка немедленно села за секретер писать письмо и сказала мне, чтобы я попросил Сьюки вечером, по дороге домой, занести его на почту (по случаю праздника Сьюки было позволено провести ночь дома, с семьей).

Едва матушка запечатала письмо сургучом, как послышался топот и в комнату ворвалась Сьюки:

– Мэм, идемте быстрее! Пожалуйста!

– Что случилось? – встрепелась матушка.

– У задней двери двое привидений ломаются в дом!

– Не будь дурочкой, Сьюки. Сама знаешь: напугалась из-за собственных рассказов, так?

– Нет, мэм, они настоящие. Мы как раз там сидели и слышим, кто-то скребется в дверь. Гляжу я в окошко, а там... – Она осеклась и продолжила дрожащим голосом: – Там две как есть бледнющие рожи, ей-ей.

Матушка обратила ко мне испуганный взгляд, у меня тоже задрожали поджилки, но, памятуя о своем долге как единственного в доме мужчины, я храбро (по крайней мере – на вид) возглавил шествие, которое замкнула Сьюки.

В кухне мы застали Биссетт – стоя у открытой задней двери, она кричала в темноту: «Убирайтесь!»

– Кто там? – спросила матушка.

– Двое бездельников явились побираться, миссис Мелламфи, – пояснила Биссетт, едва повернув голову. Потом вновь закричала в дверь: – Не слышали, что ли? Чтоб сию минуту вас здесь не было!

– Пусть войдут, – проговорила матушка. – Нельзя гнать людей от порога в рождественскую ночь, а тем более в такую непогоду.

– По мне, так неправильно вы поступаете, мэм, – возразила Биссетт, но, видя, что матушку не переубедить, открыла дверь и отступила от порога.

Вошла женщина, одетая в длинное ветхое платье, плечи ее покрывала шаль, засыпанная снегом. Она мигнула на ярком свете и слегка пошатнулась. Искажённое лицо было бледно как смерть, и мне стало понятно, чего так испугалась Сьюки. Женщина была далеко не худой, но мышцы на ее лице ослабли и повисли. За нею вошел мальчик, судя по росту,

младше меня года на два, в длинном поношенном сюртуке, который болтался на нем как на вешалке.

– Ох, бедняжки, – ужаснулась матушка и подвела их обоих к стульям, куда они опустились без сил.

Откинувшись на спинки, гости закрыли глаза, и я заметил, что оба дрожат. Измученное лицо женщины было покрыто морщинами, в волосах блестели седые пряди – она выглядела много старше моей матери.

– Мальчонка, того и гляди, сомлеет. – Сьюки робко выступила вперед.

Матушка взяла ладони женщины и стала их растирать, Сьюки, по ее примеру, занялась руками мальчика.

– Подогрейте бульону, пожалуйста, – обратилась матушка к Биссетт.

С недовольным видом Биссетт поставила на огонь бульон, поворошив прежде угли, которые с наступлением вечера сгребли в кучу.

– Что это с мальчиком? – шепотом спросил я Сьюки, потому что он, как мне показалось, лишился сознания.

– Замерз чуть не до смерти, мастер Джонни. И матушка его тоже. Посмотрите на их худые одежки. Лохмотья лохмотьями.

Женщина подняла веки и изумленно огляделась. Остановив взгляд на мальчике, она взяла у Сьюки его ладони и принялась энергично растирать. Наконец он открыл глаза. Женщина, зарывав, схватила руку моей матушки и поцеловала.

– Спасибо, спасибо, мэм. Вы спасли нас, просто спасли.

Мать тихонько отняла руку и заботливо спросила:

– Теперь вы в состоянии поесть? Наверное, да.

Сьюки принесла миску с подогретым Биссетт бульоном, и женщина начала кормить мальчика с ложечки. Только когда он подкрепился, она и сама принялась за еду.

– По гроб жизни обязана вам, мэм, – начала она. – Если бы вы нас не спасли, не знаю, что было бы со мной и с Джоуи.

Пища и тепло оживили гостей. Я разглядел мальчика: это был красивый парнишка с большими карими глазами и чуть вздернутым носом. С лица его, однако, не сходило настороженное выражение, словно он не мог поверить, что мы не замыслиаем ничего плохого.

Матушка сказала:

– Вы из Лондона – как я поняла по вашей речи. Что вас занесло так далеко от дома? Да еще в непогоду и без теплой одежды? – Женщина прикрыла глаза, и матушка забеспокоилась: – Разговоры оставим до завтра. Вы слишком устали.

– Нет-нет, мэм. Я постараюсь ответить, только голова у меня идет кругом. Мы работали в Стонитоне. (Так я обозначу названный ею промышленный город примерно в двадцати милях к северу.) – Когда мы сюда приехали, мужа наняли в большой дом в соседней деревне, но для меня с Джоуи работы не было, и потому мы отправились туда приглядеть себе место. Ну, кое-что мы вроде приискали. Но всего лишь два дня назад по почте пришла весточка, что мой Джордж услышал какие-то плохие новости и неожиданно-негаданно вернулся в Лондон. Мы скоренько собрались и вчера утром вышли из Стонитона.

– Силы небесные! – воскликнула матушка. – Какой же путь вы преодолели всего за один день, да еще по такой погоде! Вы на чем-нибудь ехали?

– По большей части шли пешком, мэм, но миль пять проехали в повозке – посадил один добрый человек. Самое худшее нас ждало, когда мы вернулись в тот большой дом. Мы узнали, почему мой муж так вдруг сорвался с места... – Голос у нее задрожал, и мне показалось, что она вот-вот заплачет. Но она овладела собой и продолжила: – Он узнал, что остальные наши дети... заболели ирландской лихорадкой. У нас, знаете, еще трое. Пришлось из всех сил торопиться назад.

– Конечно, конечно, – пробормотала матушка. – Но все равно, разумно ли было продолжать путь в метель?

– Старая леди в большом доме не разрешала нам остаться, потому что мой муж без предупреждения бросил работу, хотя молодая леди – ее, кажется, называли гувернанткой – за нас вступалась. Мы так замерзли и оголодали, что обошли в деревне много домов, но всюду говорили, что ничего для нас не могут сделать. И нам только и оставалось, что брести дальше. Когда мы добрались до дорожной заставы, я была за то, чтобы пойти в соседний большой город, но Джоуи сказал, пойдем, мол, в Мелторп, там непременно найдутся добрые люди. Джоуи тащил меня вперед, когда мне хотелось лечь в снег и умереть. Как я сказала, мэм, мы прошли без остановки всю деревню, ведь Джоуи решил, что, когда увидит дом, где мы сможем приютиться, сразу это поймет. Так мы сюда и забрели. Это провидение Божье, мэм. Иначе не назовешь.

– Нет, в самом деле. – Матушка хлопнула в ладоши. Она улыбнулась мальчику, который, как мне подумалось, смотрел чуть угрюмо. – Почему же ты выбрал именно этот дом? – спросила она.

– Так уж. – Он отвел глаза.

– Что ж, я очень рада, что ты его выбрал.

– Поздно уже, – вмешалась Биссетт. – Вам пора в до-рогу.

– Конечно же нет! – воскликнула матушка. – Нечего и думать о том, чтобы сегодня пуститься в путь.

– Значит, нам можно остаться? – спросила женщина.

– Конечно. Но вот что, Сьюки, час уже поздний. Тебе пора идти, а то мистер Пассант уйдет встречать почтовую карету и до Рождества мы это письмо уже не отправим.

– Если они останутся, то пусть ночуют где-нибудь в сарае, – шепнула Биссетт матушке, так что всем было слышно.

– Нет уж. Им требуется тепло и удобное помещение. Постелим им здесь. Эта комната самая теплая в доме.

– Они изгваздают белье, – прошипела Биссетт.

– Ничего.

– Вы чересчур снисходительны, мэм, – негодуя проговорила Биссетт. – Я бы их на свои кровати не уложила. Нанесут еще вшей или другую какую заразу. Если уж оставлять их здесь, то пусть спят на полу. Больно вы разбрасываетесь хорошими вещами. Слишком дорого вам стоили эти простыни, чтобы вот так их выкидывать.

Хотя Биссетт и ворчала, но, видя непреклонность матушки, взялась за дело; с помощью Сьюки в кухню были принесены матрасы и белье и перед самым очагом устроены постели. Потом Сьюки получила деньги заплатить почтальону и, хорошо укутанная, отправилась с письмом на почту.

* * *

Среди ночи я отчего-то проснулся. Я не знал, было ли это сновидение или какой-то шум со стороны, и потому лежал без сна, насторожив слух. Потом я вспомнил о наших гостях, подумал, все ли у них в порядке, встал и, несмотря на холод, в одной ночной рубашке двинулся по коридору, причем без света, ощупью. Дверь матери была приоткрыта, и я услышал ее сонное дыхание. Веяло дымком, словно только-только здесь горела свеча, и тут же мне почудился чуть слышный шорох внизу. Все так же в полной темноте я крадучись спустился по лестнице и заглянул в дверь кухни. В слабых красных отсветах огня я увидел крупную фигуру женщины на соломенном тюфяке перед очагом. Но соседний тюфяк был пуст! Ощу-

пью я перебрался в переднюю часть дома и в холле увидел, что открытая дверь общей комнаты слабо освещена. Я подошел на цыпочках и заглянул туда.

Свет шел от свечи с фитилем из ситника, которую держал мальчик. Он стоял рядом с секретером матушки и как будто обшаривал свободной рукой его крышку и бока.

– Что ты делаешь?

Он вздрогнул и, когда я вошел, обратил ко мне испуганное лицо.

– Ничего такого! Просто смотрел.

– Это понятно. Но зачем?

– Потому что в жизни не видел такого первоклассного материала. Посмотри на это дерево. Такое редко встретишь.

Я почувствовал гордость оттого, что владею подобной вещью и даже не задумываюсь.

– А зачем ты ходил в комнату моей матери?

– Ни в жизнь. Наверх я не поднимался.

– Странное дело, я почуял на площадке запах свечи.

– Ах да, теперь вспоминаю, малость все-таки поднимался. Но в комнаты не заходил.

– Знаешь, глупо это, бродить здесь в темноте. Я бы тебе утром все показал.

Он посмотрел на меня странно и отозвался:

– Мне и в голову не пришло. Слушай, я ничего худого не думал. Не говорите никому, ладно?

– Конечно не скажу. Да и что рассказывать?

Несколько озадаченный, я вернулся к себе, а Джоуи отправился в кухню.

Глава 19

На следующее утро меня пробудило отрывистое приветствие Биссетт:

– Доброе утро, мастер Джонни.

– Доброе утро, Биссетт, – сонно отозвался я. – Ну как там они?

– Сидят в кухне и уминают за обе щеки как ни в чем не бывало, – ответила она сурово и распахнула занавески. Изморозь легла на окна ледяными цветами, и проникавший внутрь свет нес с собой особое, бледное сияние. – Ах, – сказала она, – вы только посмотрите.

Я выпрыгнул из постели и подбежал к окну. Свет отражался от сугробов, которые загромождали застывший ландшафт. В отдалении зазвучали рожки – мальчишки всегда играют в них утром в Рождество.

– Правда, красота? – воскликнул я.

– Ага, – злорадно промолвила Биссетт, – тем, кто привык шлаться в Святой Господень праздник от порога к порогу, нынче раздолье не то.

После завтрака мы с матушкой отправились в кухню, где сидели перед очагом женщина и мальчик и пили из больших кружек чай. Усилиями моей матушки и с помощью (полагаю, недобровольной) Биссетт для них обоих нашелся полный новый гардероб. Мальчику перешла часть моей одежды, включая пару крепких прогулочных башмаков. Отдохнувшие, в новых нарядах, гости, не в пример вчерашнему, выглядели порозовевшими. На их щеки, все еще бледные и осунувшиеся, вернулось немного краски. Поскольку мальчик был тоньше меня, одежда сидела на нем свободно, однако это были в основном вещи, из которых я вырос, и нельзя сказать, чтобы они совсем уж ему негодились. Цвет лица его изменился к лучшему, но смотрел он так же угрюмо, как вчера.

– Расскажите мне свою историю? – спросила ма-тушка.

– Вы уверены, мэм, что вам хочется ее услышать? – Женщина покосилась на меня.

– Мне очень даже любопытно.

– Хорошо, – задумчиво протянула она. И, когда мы с матушкой поудобнее устроились на стульях, а кружки гостей вновь наполнили чаем, она начала: – История это длинная, мэм, но на ваш слух вряд ли интересная, потому что, как ни крути, ничего необычного в ней нет. Фамилия наша Дигвид, и живем мы на Кокс-сквер, в Спитлфилдзе. Мой Джордж, отец этого парнишки, работает поденно каменщиком. А еще он первоклассный столяр. И на работе капли в рот не возьмет. Говорит, каким боком это выходит, он видел по собственному папаше. И еще есть у нас малыши: Джоуи (вот он тут) и его сестричка Полли – чудо что за кроха, хоть ей нет еще и десяти. Без нее мы бы давно уже с голоду околели или от работы каторжной, а сколько раз она больных нас выхаживала! Есть и еще один мальчик, Билли, тому только семь, хороший парнишка. И вдобавок Салли, старшенькая. – Я заметил, что при этих словах правая рука у нее сжалась и разжалась. Она продолжила поспешно: – Ну вот, тому три или четыре года жили мы куда как прилично, у Джорджа была внесена плата за членство в товариществе, другие члены уважали его, младшие мастера ему доверяли и давали работы выше головы. Потом дела пошли на спад, работы больше не было. Мы-то вначале еще держались, но видели, как худо приходится другим. Спервоначально Джордж стал брать работу со стороны – хотя он никогда особенно и не разбирался. Но только он брал плату ниже положенной, в товариществе как-то об этом дознались и выкинули его вон. После этого его никуда не брали, только в новую газовую компанию на Хорсферри-роуд. Он клал кирпич, работа была трудная и опасная, а платили с гулькин нос. Что поделаешь, мы были бедны как крысы. Только приучились как-то сводить концы с концами, и тут новая напасть. Что-то стряслось на работе, и Джордж мой покалечился. Разбил себе руки, ногу и лицо. Четыре месяца провалялся в больнице и еще год не мог работать. Нам пришлось совсем худо, потому что вначале газовая компания ничего нам не платила, но потом все же дали немного в компенсацию за увечье. Но теперь, из-за покалеченной руки, Джорджа совсем уже никто не брал на работу. И вот, три года назад, тоже к Рождеству, приходит к нам какой-то молодчик. – Она нахмурилась. – Разговаривает по-доброму.

Сдается мне, прослышал про Джорджеву компенсацию. То есть я не о том, что он против нас замыслил худое. Должно быть, самое плохое, что он сделал, это забрал к себе жить этого вот парнишку: мол, одним ртом у нас станет меньше. Джоуи с тех пор сделался совсем не такой, как прежде, хотя ни мне, ни отцу о том времени ни словечка не сказал.

Я бросил любопытный взгляд на Джоуи, который виновато понурил голову.

– Как бы там ни было, этот человек подначил Джорджа самому сделаться младшим мастером – товарищество ведь не давало ему больше работы у законных мастеров, – вступить с ним в долю и взять подряд на строительство дома на болотах за Вестминстером. Так поступают сплошь и рядом. Компенсации от газовой компании на это вполне хватило. Другие младшие мастера брали по два, по три дома, но Джордж с компаньоном взяли только один, между двух других, но, правда, большой: ведь это были красивые дома, для благородной публики. Они должны были сами платить штукатурам и столярам. На это ушли все деньги от газовой компании. И еще сверх того, ведь у этого молодчика за душой не было ни гроша. Нам нужно было кормиться и – еще того хуже – покупать материалы. А Джорджу подавай только самый лучший кирпич, у них даже с компаньоном из-за этого случались раздоры. А еще из-за того, что этот молодчик из обещанного ничего не делал, а все время выпивал с другими мастерами и подбивал их тоже на контракты. Дальше, через полгода или около того, говорит он, что хочет выйти из дела. Джордж выкупил его долю – цена была честная, но куда больше, чем мы вначале думали. Мало-помалу мы заложили почти все наши вещи: мебель (ее было всего ничего), одежку, постельное белье, чашки с тарелками – остались в чем стояли, да еще с инструментами, без которых не обойтись. И все равно денег не хватило. Ростовщики, кому мы все заложили, давали денег, но под такой процент – глаза на лоб

полезут. Вы об этом и ведать не ведаете, мэм, но есть в Лондоне дурные люди, что сосут соки из таких бедняков, как мы.

Матушка покачала головой, словно – к моему удивлению – поняла, о ком идет речь.

– Одолжили мы сорок фунтов, а это значило, что через полгода отдать нужно было восемьдесят. В первые месяцы прошлого года Джордж уже почти закончил с домом, но тут пришла плохая новость: явился человек от главного подрядчика и говорит всем младшим мастерам, что из-за какой-то незадачи – уж не знаю какой – хозяева земли получили право забрать ее обратно: рента им вроде не заплачена или что еще. Мы тут были ни при чем, но похоже было, что мы потеряем все без остатка: внесенную арендную плату, работу, какую уже сделали, кирпичи, дерево – все, что вложили в дом, и все, что заплатили другим работникам. Это было несправедливо.

Матушка бросила на меня испуганный взгляд.

– Этот человек сказал младшим мастерам, они вроде как должны продать недостроенные дома главному подрядчику, но правильной цены он им дать не сможет, потому как сам, мол, понес потери. Предлагает по сто фунтов за дом, хочешь – соглашайся, не хочешь – нет. А кто не согласится, тот может вообще остаться без всего. А труда в каждый дом было вложено фунтов на триста. Иные сказали, что за такую цену продавать не станут, тогда хозяин земли обратился в суд и отнял у них дома, не заплатив ни гроша. Видя это, подрядчик еще снизил цену. Тогда остальные согласились, и Джордж вместе с ними, и получили всего-навсего по сорок фунтов за дом. Но самое чудное, мэм, что главный подрядчик, когда забрал в свои руки почти все недостроенные дома, смог их достроить и продать – на них хозяин земли почему-то не наложил лапу. Мне это невдомек – сдается, без мошенства не обошлось.

– А как называется эта компания? – спросила матушка.

– «Вест-Лондон-Билдинг-Компани».

Глядя друг на друга, мы с матушкой облегченно вздохнули.

– А потом настали и вовсе тяжкие времена, и жизнь пошла хуже прежнего. Поговаривали, в Ирландии случился неурожай, и оно и верно: Лондон заполонили нищие ирландцы, за труд стали платить еще меньше, а арендная плата взлетела вверх.

– И как вы дальше жили?

Прежде чем ответить, миссис Дигвид беспокойно взглянула на меня.

– Джорджу моему пришлось заняться стоками, мэм. Что он добудет, да что мне заплатят за стирку – тем и держали душу в теле. Но в прошлую зиму он стал хворать грудью от сырости и – того хуже! – от непосильной работы. Мы едва не околели с голоду, ведь ростовщик – о нем я вам рассказывала – брал с нас за долги по четыре шиллинга в неделю. Расплатиться вовремя мы не успевали и все глубже залезали в долг. И вот весной является к нам снова тот же молодчик. Мы уж и забыли, как он выглядит, и, правду сказать, я ему не больно-то обрадовалась. Но в этот раз он вроде бы принес добрые вести. Он слышал, что имеется кое-какая работа в большом доме у Хафема.

– В большом доме? – повторила матушка. – Вы говорите о Момпессон-Парке?

– Да, мэм, название как будто то самое.

– Но ведь этот дом уже много лет пустует!

– Похоже, мэм, семья туда возвращается – если это, конечно, тот самый дом. Джордж зашел в Лондоне к управляющему, и его приняли на работу. Мы все обговорили и решили оставить малышей в Лондоне. Джордж сам из тех краев, а я никогда так далеко из города не выбиралась. Потом, как я уже рассказывала вчера вечером, нам с Джоуи пришлось идти в Стонитон. Там мы и были, пока не услышали вести из Лондона. Ну, больше добавить нечего. А теперь нам нужно домой.

Еще не закончив речь, она поднялась на ноги.

– Благие небеса! – воскликнула матушка. – Не думаете же вы сегодня и отправиться!

– Мы отдохнули, наелись, оделись-обулись благодаря вашей милости, отчего бы в такой крепкой обуви не дошагать до города.

– Не пешком же, – проговорила матушка, видя, что гостью не удержать. – По крайности, вы должны взять деньги на проезд в почтовой карете. Сесть на нее можно в полдень у заставы, где поворот на деревню.

Лицо женщины омрачилось тревогой.

– Благодарствую, мэм, но я не люблю брать деньги. Мы и так уже по уши в долгах, не залезать же еще глубже.

– Если вы сядете в карету, то будете с семьей уже рано утром, а не через три или четыре дня. И Джоуи на вид совсем измучен, куда уж ему идти пешком. А деньги я вам не в долг предлагаю, а в подарок.

На усталом лице женщины отразилась внутренняя борьба. Наконец она произнесла:

– Мы вернем вам деньги, мэм, отец Джоуи и я. Будь он здесь, сказал бы то же самое. Нам бы не хотелось одалживаться. – И робко добавила: – Сколько будет стоить проезд для нас двоих?

Матушка взглянула на меня.

– Два внешних места обойдутся приблизительно в двадцать четыре шиллинга, – проговорил я.

Глаза женщины расширились от ужаса.

– Уж и не знаю, к какому сроку мы сможем столько отдать, – пробормотала она. – Даже когда мой муж занимался законным ремеслом, мы и за три месяца такие деньги не откладывали.

– Пожалуйста, не беспокойтесь об этом, – проговорила матушка.

– В Рождество, – ввернула Сьюки, – карета, что идет через деревню, будет наполовину пуста.

– Сьюки вас проводит, покажет, как дойти до перекрестка.

– Тогда я возьму деньги, и спасибо вам, мэм, спасибо большое. Благослови вас Бог за то, что вам небезразлична судьба бедняков.

Матушка улыбнулась и обратилась ко мне:

– Джонни, не пройдешь ли со мной в малую гостиную? – Когда мы остались наедине, она спросила: – Как ты думаешь, не то же ли это предприятие? Название компании другое.

– Кажется, замысел тот же самый. А компаний замешано несколько.

– Если так, то какое странное совпадение. После слов этой женщины у меня душа не на месте. Зря я вчера послала это письмо. Не написать ли снова мистеру Сансью: я, мол, передумала вкладывать деньги?

– Конечно, если тебя это успокоит, хотя не знаю, отчего тебе тревожиться.

– Тогда Сьюки может по пути к перекрестку отнести на почту письмо.

– Сегодня Рождество, мама, почта закрыта.

– Что ж, тогда миссис Дигвид может забрать письмо в Лондон.

– Думаешь, стоит ей доверить такое важное письмо?

– А почему нет? – И матушка села составлять послание.

Я попросил позволения пройти со Сьюки и миссис Дигвид до заставы, и, видя, до чего досадно мне будет не воспользоваться случаем и не посмотреть, как остановится карета и как сядут в нее пассажиры, матушка согласилась. Пока она писала письмо, я побежал к себе одеваться, а также потихоньку выполнить задумку, которая пришла мне в голову, когда я слушал рассказ миссис Дигвид.

Когда я вернулся в холл, гости прощались и получали деньги и письмо. Миссис Дигвид настояла на том, чтобы матушка дала ей записку со своим именем и адресом.

Наконец мы четверо двинулись через деревню, мирно дремавшую под снежным одеялом; единственным признаком жизни был дым из каминных труб, который поднимался прямо в ясное небо. Женщины шли впереди, мы с Джоуи – следом.

– Как ты думаешь, перед остановкой кареты кондуктор подудит в рожок? – спросил я.

– Мне и дела нет, – отвечал он. – Я столько раз ездил в карете, что и не упомяну.

– Ты? Куда?

– С моим дядей. В Лондон и окрестности.

– Сколько тебе лет?

Его ответ меня удивил: я был мальчик некрупный, а он еще мельче, но разделяло нас, как оказалось, всего полгода. Для меня это послужило утешением: будь я намного старше его, было бы особенно обидно, что я по сравнению с ним ничего в жизни не повидал.

В лавчонке с самым разным товаром, где помещалась также и почта, ставни в самом деле оказались закрыты, так что Сьюки отдала письмо миссис Дигвид с двумя пенсами, чтобы отправить его из Лондона.

– Конечно, сегодня все закрыто, как я и говорил, – указал я.

– Все, кроме погоста, – заметил Джоуи, потому что мы как раз проходили мимо кладбища.

– Не говори глупостей, кладбища не закрываются никогда.

Во взгляде, который он на меня бросил, сквозило унижительное сознание превосходства.

– В Лондоне закрываются. Разве только там есть морг.

– Помолчи насчет Лондона! – крикнул я и толкнул его, решив не спрашивать, что означает незнакомое слово.

Он толкнул меня в ответ еще сильнее, и я схватил его за руку, но он сумел вывернуться и ударил меня в грудь. Тут Сьюки и миссис Дигвид нас растащили и остаток пути не подпускали друг к другу.

К перекрестку мы прибыли раньше времени и несколько минут ждали, пока на заснеженной дороге покажется карета. Едва ее завидев, я замахал руками, кондуктор, к моему восторгу, и в самом деле протяжно загудел в рожок, лошади замедлили ход и – топочущие, звонкие, в испарине – остановились рядом с нами. Кондуктор подтвердил, что снаружи есть свободные места, получил деньги и помог подняться (под моим завистливым взглядом) новым пассажирам.

Пока они устраивались, а кондуктор готовился уже дать сигнал кучеру к отправлению, я вырвал у Сьюки свою руку, подскочил к карете, крикнул Джоуи: «Вот, держи!» – и бросил ему кошелечек, который взял из своей комнаты, со всеми моими накоплениями, а именно одним фунтом, четырьмя шиллингами и тремя пенсами, в том числе и половиной соверена, полученной на кладбище от мистера Барбеллиона. (Я сохранял монету из какого-то суеверного чувства, а теперь был рад случаю от нее избавиться.)

Карета тронулась, прежде чем Джоуи и его матушка успели открыть кошелек, но когда они проехали полсотни ярдов, он привстал и замахал мне рукой, а мать держала его за ноги, чтобы он не вывалился.

Не одну неделю мы с матушкой частенько вспоминали миссис Дигвид и ее сына и гадали, что ждало их в Лондоне. (Мне доставило большое удовольствие отыскать на карте место, где они жили.) Затем матушка долго оставалась задумчивой и грустной, и мне пришлось в голову, что упоминание Лондона пробудило в ней мысли и воспоминания, к которым она давно не обращалась. Странно было размышлять о том, что есть у нее в жизни страницы, совершенно мне неизвестные. Она много писала в записную книжку, но, судя по всему, это не были письма. Биссетт была низкого мнения о наших гостях, утверждала, будто все рассказанное этой особой представляло собой сплошную ложь, выговаривала матушке за ее наив-

ность и доверчивость. Наконец матушке пришлось согласиться с тем, что женщина могла и преувеличить беды и тяготы, обрушившиеся на ее семью после взрыва на газовом заводе, когда ее муж получил увечье. (Однажды я подслушал случайно, как Биссетт, качая головой, говорила: «От нее совершенно точно несло джином».)

Происшествие повлияло и на меня, внушив мне беспокойство. Я не верил, что сказанное было ложью, и не удивлялся тому, что наши жизни как будто оказались связаны: в детстве мы считаем себя пупом земли и подобные совпадения не кажутся нам случайностью. Меня смутила, однако, мысль о том, что Джоуи, равный мне годами или даже чуть младше, уже несколько лет трудился, чтобы заработать себе на жизнь. Он знал Лондон, пережил такое, о чем я и понятия не имел. Мне захотелось поскорее вырасти и уехать из деревни, и матушка, как я думаю, догадалась об этом и была огорчена.

Глава 20

Письмо, доверенное миссис Дигвид, дошло до адресата, но, вероятно, слишком поздно, чтобы отменить распоряжения, сделанные в предыдущем: приблизительно через неделю после Рождества матушка получила ответ от мистера Сансю, где говорилось, что он уже проделал от ее имени предписанную операцию и отменить ее не в силах.

Зима миновала; чудесным апрельским утром я сошел к завтраку и увидел, что матушка перечитывает письмо от своего финансового советника.

– Какие новости? – спросил я.

– Очень хорошие, – отвечала она с улыбкой. – Похоже, компания соберет еще кучу средств, потому что перспективы у нее превосходные.

– Это значит, мы наконец получим наши деньги?

– Не сомневаюсь.

– Дай посмотреть, – попросил я, и она протянула мне письмо.

«Извещаем вас (писал мистер Сансю), что на внеочередном заседании правления «Консолидейтид-Метрополитан-Билдинг-Компани», состоявшемся в понедельник на прошлой неделе, председатель заверил собравшихся, что перспективы компании по-прежнему надежны».

– Мама, – проговорил я, – не вижу в этом ничего хорошего. Почему понадобилось их заверять?

Матушка удивленно подняла брови.

– Но мистер Сансю советует мне купить еще акций, значит, по его мнению, дела идут хорошо.

Я стал читать дальше: «Председатель объявил, что акционерам компании предложено подписаться на дополнительные акции, с тем чтобы использовать эти деньги для текущих платежей по закладной. Посему мы, мадам, настоятельно советуем вам приобрести акций еще на пятьсот фунтов, дабы защитить уже сделанные вложения».

Я поднял глаза.

– Ничего хорошего не вижу. Думаю, он хочет сказать, что, если ты не вложишь еще больше денег, то потеряешь все.

– Не говори таких вещей, Джонни, – выдохнула ма-тушка.

Я вернулся к концовке письма: «А поскольку наличности у вас больше не имеется, мы вкладываем в письмо вексель на шесть месяцев – срок, в течение которого дела уладятся. Вы должны акцептовать вексель, то есть подписать его в присутствии свидетеля».

– Почему он говорит, что у нас не осталось денег?

Она зарыдала.

– Джонни, я должна сказать тебе ужасную вещь. После того как мы в тот раз это обсудили и сошлись на том, чтобы вложить триста фунтов, я решила купить больше акций.

– Что? Почему ты так сделала?

– Я боялась, что мистер Сансью обидится, а кроме того, это такое выгодное вложение.

– И сколько ты вложила?

– Тысячу фунтов. – Она всхлипнула.

– Глупость несусветная!

– Не говори со мной так. Я это сделала ради тебя. И кстати, если на то пошло, это ведь и твоя вина, Джонни.

– Ты о чем?

– Ну как же, вспомни, перед Рождеством, когда у нас побывала та женщина с мальчиком, я уж думала махнуть рукой на уже купленные акции, но ты согласился, что нужно вложить еще денег.

– Но я понятия не имел, что ты уже вбухала тысячу фунтов! Выходит, тогда ты распорядилась последними нашими деньгами!

– Но чем больше денег стояло на кону, тем больше причин спасти их!

– Нет же, тем больше причин остановиться! Ты просто дурочка! – крикнул я. – И как ты могла сделать это, не спросив меня? Я тебя ненавижу!

Матушка закрыла лицо руками и заплакала, а я выбежал из комнаты. Стремглав взобравшись по лестнице, я бросился на постель и зарыдал. Почему она так поступила? Нет чтобы подумать. А таиться от меня – какое коварство! Я дал себе клятву с этой минуты больше ее не любить. Она была слабенькой и глупенькой, а я теперь буду сильным и держаться с нею стану холодно.

Пролежав несколько часов, я почувствовал себя лучше и приготовился к встрече с матушкой, когда она придет пожелать мне доброй ночи. Не то чтобы я решился попросить прощения, но, во всяком случае, не собирался ее больше упрекать. Я ждал и ждал и наконец осознал, что в первый раз в жизни она не придет. Я задумался о том, каково ей сейчас, и понял: она, наверное, чувствует то же, что и я. Наверное, ей так же трудно простить меня за то, что я сказал, как мне простить ее за то, что она сделала. Но мои слова были правдой, а ее поступок – обманом и глупостью.

Спал я плохо, утром за завтраком держался холодно, молчал и не глядел на матушку. Но когда наши взгляды случайно встретились, я увидел, что глаза у нее красные. Не знаю, кого из нас прорвало первым, но оба мы заплакали и, смеясь и рыдая, обнялись. Но даже держа ее в объятиях, я чувствовал, что застывшая частица моей души не до конца оттаяла.

Когда мы вернулись в общую комнату и сели, матушка спросила:

– И что же нам делать, Джонни?

– Наверное, нужно последовать совету мистера Сансью, а то потеряем еще больше.

– Думаю, ты прав, – кивнула она, и мы вернулись к письму:

«Чтобы привлечь эту сумму, мы заключили соглашение с весьма надежным маклерским домом, согласно которому вы можете акцептовать вексель сроком на шесть месяцев. Это означает, что сейчас вы получаете пятьсот фунтов, а вернуть эту сумму, с процентами, обязуетесь через шесть месяцев, когда компания упрочит свои позиции. Соответствующий документ (гербовый сбор оплачен) мы вкладываем в письмо, чтобы вы подписали его в присутствии свидетеля».

– У меня почти ничего не осталось, – вздохнула матушка. – Как мы проживем эти полгода, просто не знаю.

– Больше мы не сможем держать Биссетт, правда? – осторожно спросил я, но она покачала головой. – Тогда можно я приглашу ее сюда, чтобы засвидетельствовала подпись, а потом ты ей все объяснишь?

– Да, наверное, так мне и нужно сделать.

Я позвал Биссетт из кухни, где готовился хлеб. Она ушла, отряхивая о передник испачканные мукой руки, а я остался поговорить со Сьюки.

– Слышали, мастер Джон, общинные земли закрывают? – спросила она, вымешивая тесто.

– Кто?

– Мампси, кто же еще. С нами говорил мистер Ассиндер и втолковывал, что для нас так даже лучше: теперь мы получим каждый по своему куску земли.

– Хорошо, надеюсь, он окажется прав.

Сьюки водрузила тесто на верх печи и прикрыла его салфеткой.

Тут отворилась дверь и вошла матушка.

– Идите оба немедленно в общую комнату, – сердито сказала она.

Удивленно переглянувшись, мы последовали за ней. В общей комнате мы обнаружили Биссетт, с торжественным видом сидевшую на софе. Матушка уселась рядом, мы со Сьюки остановились напротив.

– Ну, Джонни, – начала матушка, – я знаю, ты всегда говоришь правду. Сьюки когда-нибудь брала тебя в такие места, куда тебе нельзя было ходить?

У меня мелькнула мысль о Хафеме, и, чтобы отвлечь внимание от этого случая, я решительно ответил:

– Да, несколько раз она брала меня в дом своей матери.

– Как я и говорила, мэм, – пробормотала Биссетт.

– А не видел ли ты, чтобы она давала домашним еду, взятую отсюда?

– Ну, – заколебался я, – однажды, но это были обеды.

– Все равно это кража, – ввернула Биссетт. – Она может питаться здесь, это часть ее жалованья. Но, думается мне, из кладовой исчезали не только обеды.

– Что из этого правда, Сьюзен? – спросила матушка.

Сьюки расплакалась.

– Я брала еду домой, мэм, но только из своей порции. Мне было позволено оставлять себе спитой чай, овсянку, кофейную гущу и золу.

– Кто это позволил? – спросила Биссетт.

– Миссис Белфлауэр всегда позволяла.

– На нее уже поздно кивать.

– И часто я не доедала свою порцию, чтобы забрать домой остатки.

– Хорошо, Сьюзен, но ты должна была спросить меня, ты ведь знаешь? В любом случае это очень плохо – брать то, что тебе не принадлежит.

– Хафем, мэм, – шепнула, к моему ужасу, Биссетт.

Сьюки внезапно зарделась.

Матушка обратилась ко мне:

– А теперь, сыночек, водила ли тебя Сьюки в другие места, где тебе не положено бывать?

Я заколебался, но, видя на лице Биссетт торжество и напряженное ожидание, признался:

– Однажды мы ходили в Хафем.

– Я говорила вам, мэм! – воскликнула Биссетт.

– Теперь, Джонни, пусть это было давным-давно и ты был очень маленьким, но, пожалуйста, припомни, случалось ли тебе там с кем-нибудь разговаривать.

Сьюки смотрела испуганно, и я подумал, что произойдет с ее семьей, если она потеряет работу. В конце концов, в том, что я беседовал с Генриеттой, не было ее вины.

– Нет, не помню.

Говоря, я скосил глаза на Биссетт, и меня поразил ее взгляд: удивленный, подозрительный, полный подавленного возмущения и не знаю чего еще. Она как будто знала, что я лгу. Но откуда?

– Не помнишь? – настаивала матушка.

– Помню, что не разговаривал, – ответил я.

Матушка, судя по всему, испытала облегчение.

– Так вот, Сьюки... – начала она.

– Твердость, мэм, – вполголоса подсказала Биссетт.

– Знаешь, Сьюзен, ты обманула мое доверие, а поскольку мне только что пришли плохие новости о деньгах, боюсь, мне придется тебя рассчитать.

– Но они живут только тем, что она приносит, – возроптал я.

– Видите, мэм? – подхватила Биссетт. – Вы кормили из своих запасов всю семью. Неудивительно, что мы с трудом сводили концы с концами и только и делали, что спрашивали друг друга, куда деваются деньги!

– Вы были очень добры ко мне, мэм, – всхлипнула Сьюки. – Я не должна была так поступать, это было нехорошо.

– Поди собери вещи, – распорядилась Биссетт. – И, прежде чем ты уйдешь, я проверю все, что ты возьмешь с собой.

– Не думаю, что в этом есть нужда, – пробормотала матушка, но Биссетт смерила ее строгим взглядом, и она смолкла.

Сьюки накинула на лицо фартук и выбежала из комнаты.

– Но, Биссетт, – продолжила матушка, очевидно расстроенная предыдущей сценой, – даже за вычетом жалованья Сьюки, у меня теперь не остается денег, чтобы оплачивать ваши услуги.

– Не заботьтесь о моем жалованье. Так или иначе, я от вас никуда не уйду. Даже если вы сможете платить мне не больше, чем платили Сьюки.

Меня удивил ответ Биссетт, в особенности же то, что она таким образом поставила себя на одну доску с презируемой прислугой.

Матушка крепко ее обняла.

– О Биссетт, вы настоящий друг!

– Я знаю свой долг, – строго заключила Биссетт, стоя как камень и не отвечая на объятие матушки.

Ее глаза встретились с моими над плечом матушки.

– Как вы все прознали о Сьюки? – спросил я. – Прошли уже годы, с тех пор как мы ходили в Хафем.

Она слегка нахмурилась и, немного помолчав, отозвалась:

– Услышала в деревне.

Я злобно на нее посмотрел, и в голове моей завертелось множество подозрений.

Когда она вышла, чтобы проследить за уходом Сьюки, матушка сказала:

– До чего же нам предана Биссетт. Я теперь стыжусь, что мне временами казалось, будто она слишком уж корыстна. Она нас любит, это ясно. Знаешь, в прошлый раз, когда я сказала, что не могу больше платить ей сколько прежде и придется ее уволить, она согласилась работать за меньшее жалованье.

В тот же вечер Сьюки отправилась домой, и как там встретили эту новость, я боялся и подумать. Поскольку выше мне неоднократно приходилось признаваться в мыслях и поступках, не делающих мне чести, то позволю себе упомянуть, что уговорил ее принять в подарок

два шиллинга и несколько пенсов, которые сэкономил из своих карманных денег. Прощаясь с нею под бдительным оком Биссетт, матушка тоже плакала, но, как я заметил, ухитрилась сунуть ей в руку несколько монет.

Книга V Родня

Глава 21

Поздний вечер холодного сырого дня, ставни конторы внизу на реке закрыты и заперты. Во внутреннем кабинете мистер Клоудир с мистером Сансью склоняются над разбросанными на столе бумагами. Перед очагом, где едва теплится огонь, стоит пара стульев и стол, на нем два стакана. Как и бутылка вина (она медленно подогревается, прислоненная к железной подставке для дров в камине), они ожидают, пока джентльмены покончат с делами.

– Что же, мистер Клоудир, – улыбается адвокат, – теперь, когда «Вест-Лондон-Билдинг-Компани», ни гроша не заплатив за аренду, ликвидируется, «Консолидейтид-Метрополитан-Билдинг-Компани» не способна заплатить ренту владельцу земли. А посему не вижу другого выхода, кроме как объявить о неплатежеспособности и начать процедуру банкротства.

– Именно так, дорогой сэр, – искрится весельем старый джентльмен. – Я разорен. Разорен до нитки. Полностью и окончательно.

– Вы на редкость хорошо держитесь, сэр.

– Да, пожалуй, – хихикает старый джентльмен и качает головой.

– С истинно христианской стойкостью, – добавляет адвокат.

Старый джентльмен окидывает его пристальным взглядом и улыбается.

– Не знаю, что скажут Квинтард и Мимприсс, – задумчиво произносит адвокат, – когда ваша компания откажется платить по закладной и они обнаружат, что стоимость аренды далеко не покрывает их ссуду.

Старый джентльмен отвечает беспокойной улыбкой.

– Они поступили опрометчиво, согласившись на этот залог, – продолжает размышлять мистер Сансью. И бросает внезапно: – Вам нужен друг в суде.

Мистер Клоудир глядит подозрительно, потом бор-мочет:

– Глупости, ерунда. Цена была и есть неплохая. Но поздравляю вас, мистер Сансью. Этот ваш человек очень даже не дурак. Этот столяр. Втянул в игру кучу простаков.

– Ему было хорошо заплачено. Но вы мне напомнили, я должен передать его просьбу: не разрешите ли вы ему использовать один из участков?

– Ими теперь распоряжается землевладелец! – смеется старый джентльмен.

– Значит, мне попросить Валльями? – милейшим тоном осведомляется мистер Сансью.

– От кого вы дознались? – изумленно выдыхает мистер Клоудир.

– От кого же, как не от него самого?

– Еще немного, мистер Сансью, и я начну вас бояться, – признается старый джентльмен. – От вас ничто не укроется. Да, если хотите, Валльями – номинальный землевладелец. – Он встает и делает шаг к камину. – А теперь, дорогой сэр, не окажете ли мне честь выпить вместе по стакану вина?

– Польщен приглашением, мистер Клоудир.

Джентльмены усаживаются перед камином, и гость разливает вино. Мистер Сансью удобно откидывается на спинку стула.

– Вы говорите, что удивлены тем, как много я знаю, мистер Клоудир. Не позволите ли рассказать вам одну историю?

– Пожалуйста, дорогой сэр, – несколько нервно отзывается старый джентльмен.

– Думаю, вам она будет небезынтересна. Позвольте подчеркнуть, что это не более чем история. – Собеседник кивает. – Очень хорошо. Предположим, выполняя свои профессиональные обязанности, я столкнулся с тем, что мой клиент очень старается не быть обнаруженным. Предположим, я узнал, от кого прячется клиент, узнал и о двух сторонах, что ищут его – а вернее ее, поскольку это леди – так же усердно, как она скрывается. И обе эти стороны жаждут друг друга опередить.

Мистер Клоудир успел выпрямиться и внимательно смотрит на гостя. Он собирается заговорить, но мистер Сансью жестом его останавливает.

– Будьте добры, потерпите, дорогой сэ. Предположим, я уговорил клиентку вложить весь ее незначительный капитал...

Мистер Клоудир судорожно втягивает в себя воздух.

Адвокат продолжает:

– ...в, скажем, многообещающее предприятие, которое, ввиду неожиданных обстоятельств, к несчастью провалилось. Я добился, чтобы она, пытаясь выпутаться из затруднений, подписала вексель на пятьсот фунтов. Предположим далее: мне стало известно, что некий весьма респектабельный и состоятельный джентльмен – близкое подобие вас самого – принадлежит к тем, кто ее разыскивает. Предположим, я узнал, что она владеет неким документом, и угадал, что этот джентльмен желает его заполучить. И еще: я узнал, что этот джентльмен вовлечен в судебный процесс, в котором поставлена на карту обширная земельная собственность, и документ имеет отношение к этому процессу. Итак, если предположить, что все это правда, не желаете ли вы, мистер Клоудир, что-нибудь мне сказать?

– Есть у нее ребенок? – выдавливает из себя старый джентльмен.

– Изумлен тем, что в первую очередь вы задали именно этот вопрос. Ваши чувства делают вам честь, дорогой сэ. Да, есть.

Вскрикнув, старый джентльмен поднимается на ноги; стакан падает у него из рук.

Глава 22

Уход Сьюки неизбежно привел к тому, что, когда матушка не могла меня сопровождать, меня отпускали на прогулки одного. Однажды в начале июля, направляясь к деревне, я заметил незнакомца, который стоял, привалившись к дереву у «Розы и Краба». «Пришельцы» посещали Мелторп нечасто, поэтому я особенно им заинтересовался. Это был человек средних лет, в широкополой фетровой шляпе, красивом зеленом сюртуке и высоких сапогах непривычного мне фасона. Судя по платью, я принял бы его за джентльмена, но расслабленная, ленивая поза свидетельствовала о другом. Незнакомец не обратил на меня внимания, и я прошел мимо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.